

Строение тела и характер

Предисловие ко второму изданию

Здесь мы рассмотрим все те соображения, которые были высказаны по поводу нашего труда в короткий промежуток времени; подробнее мы остановимся лишь на тех авторах, которые провели дополнительно тщательные исследования и имеют целый ряд собственных наблюдений.

По вопросу о строении тела пока существуют исследования Зиоли (Sioli), Клота (Kloth) и Мейера (Meuer) в Боннской клинике. Названные исследователи признают реальность описанных в данной книге типов строения тела, а также их биологическое родство с обеими группами психозов; к такому же заключению пришли они в отношении циклоидов и шизоидов. Это подтверждение важно потому, что оно явилось результатом исследования рейнского населения, столь несходного со швабским.

Вскоре после появления этой книги и независимо от наших опытов была опубликована небольшая работа о шизофрении и строении тела Берингера (Beringer) и Дюзера (Duser)² в Гейдельбергской клинике. Так как в этой работе исследователи руководствовались другими точками зрения и пользовались совершенно иной терминологией, то их выводы можно лишь условно сравнить с нашими. Тем не менее в обеих работах существует много одинаковых или аналогичных находок. Также Берингер и Дюзер констатируют в ограниченном числе случаев у своих пациентов, исключительно мужчин, наличие евнухоидизма и феминизма (особенно феминистическое распределение жира); они упоминают о частых ненормальных находках в зародышевых железах и половых органах преимущественно в форме гипоплазии, комбинированной с отдельными гиперплазиями, затем важный факт терминальной волосистости у шизофреников; наконец, частоту аномалий сексуального инстинкта, главным образом его слабости. Наряду с этими важными для эндокринной системы фактами, которые почти полностью совпадают с нашими результатами, прочие типы строения тела лишь бегло обрисованы. Тем не менее описанная Берингером и Дюзером группа хилого инфантильного габитуса, несомненно, представляет собой лишь более узкое ограничение того же типа, который мы описали у астеников и инфантильно-гипопластичных. В основе группы «резко выраженных мужских фигур» лежат, вероятно, аналогичные проявления, характерные для названных нами атлетиков, а «неуклюжие», в коротком описании Берингера, напоминают такие формы, которые в этой книге исследованы при диспластических формах и дополнительно в группе атлетиков. В отличие от наших наблюдений в работе упоминается о более частом обильном отложении жира у шизофреников.

В отношении психологической части книги Блейлер изложил свою позицию в двух опубликованных им статьях; суммируя, он говорит, что «лишь немногие детали не согласуются с его наблюдениями; все же другие факты ему были известны раньше и

понимались им и демонстрировались в таких же взаимоотношениях».

Следует еще отметить, что обнаружались многочисленные точки соприкосновения с наблюдениями Рюдина и Кана (Kahn), исследователями Мюнхенского научного института. Книга Гофмана является связующим звеном между наблюдениями Рюдинского института и нашей клиники. Кан недавно демонстрировал типы шизоидной личности на основании собственных исследований наследственности у родственников шизофреников и подтвердил психэстетическую пропорцию как нечто психологически объединяющее; при этом он высказал любопытные взгляды относительно различия наследственного происхождения шизоида и шизофренического психоза с процессом.

Еще несколько слов относительно критических замечаний по поводу этой книги. Предлагалось заменить выражение «циклоид» другим, так как оно объединяет много случаев без периодического колебания настроения. Я полагаю, что им можно спокойно пользоваться и в этом смысле. Ведь говорят же «меланхолия», не имея в виду при этом «черной желчи».

Некоторые критики полагают невероятным, что существуют лишь два главных типа человеческого характера. Но мы этого никогда и не утверждали. Книга только начало; при терпеливой совместной работе всех, вероятно, удастся разложить предлагаемые типы на подгруппы и найти новые.

Далее, наличие многих смешанных форм, комбинаций, перекрещиваний, атипических картин приводится как доказательство невозможности такой группировки типов. В процессе человеческой наследственности, где переплетаются всевозможные предрасположения, мы можем это заранее ожидать. Если в ботанических опытах с изучением наследственности гороха розовых цветов появляется вдвое больше, нежели чисто красных или чисто белых, то никто не станет считать наличие розовых цветов доказательством против существования белых и красных. Вопрос заключается только в том, существуют ли статистические соотношения совпадения между определенными формами строения тела и определенными психическими предрасположениями. Здесь в статистическом соотношении совпадения кроются прочные доказательные факты, но их нельзя искать в отдельном случае, который может быть типичным или атипичным.

Еще одно замечание. Мы считаем само собою разумеющимся, чтобы психиатрические измерения строения тела по возможности согласовывались с обычными антропологическими методами. Намеченная здесь техника исследования отходит от этого лишь постольку, поскольку этого требует психиатрическая практика. В связи с работой в беспокойных отделениях инструментарий сведен до возможного минимума и отдельные измерения приспособлены к особенностям нашего больничного материала. Для диагностической практики этого вполне достаточно. Напротив, для тонких исчислений и сравнений должна быть использована точная антропологическая техника с полным инструментарием, описанным в учебнике Мартина (Martin).

В тексте этого издания мы исправили и дополнили некоторые детали, не предпринимая принципиальных изменений.

Тюбинген, февраль 1922

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Часть I. Строение тела.

Цезарь. Окружите меня людьми полными,

С головами блестящими и хорошим сном. Взгляд Кассия чересчур глубок. Он мыслит слишком много, такие люди ведь опасны. Антоний. Его не бойтесь вы, он не опасен,

Он благороден и очень одарен. Цезарь. Если б жиру больше было в нем.

Шекспир. Юлий Цезарь

В этом отношении мы обладаем тем преимуществом, что в двух обширных группах психозов, разработанных Крепелином, — маниакально-депрессивной (циркулярной) и шизофрении (*dementia praecox*) — мы имеем в нашем распоряжении с психологической стороны уже готовое образование, с которым можно оперировать. Если на основании этих психиатрических типов мы разработаем соответствующие типы строения тела, то увидим, что они не только соответствуют обоим психиатрическим типам, но и имеют тесные взаимоотношения с более обширными нормальными психологическими типами темпераментов, которые, со своей стороны, обнаруживают тесную психологическую и наследственно биологическую связь с психиатрическими типами, из которых мы исходим. Поэтому неврач, приступая к чтению этой книги только с психологическими интересами, не сможет все же не углубиться в ее психиатрическую часть, так как наши обобщения могут быть развиты лишь из психиатрии и поняты лишь с точки зрения последней.

У простого народа чёрт обычно худой с тонкой козлиной бородкой на узком подбородке, между тем как толстый дьявол имеет налет добродушной глупости. Интриган — с горбом и покашливает. Старая ведьма — с высохшим птичьим лицом. Когда веселятся и говорят сальности, появляется толстый рыцарь Фальстаф с красным носом и лоснящейся лысиной. Женщина из народа — со здравым рассудком, низкоросла, кругла, как шар, и опирается руками в бедра.

Словом, у добродетели и у чёрта острый нос, а при юморе толстый. Что можно по этому поводу сказать? Сначала только следующее. Возможно, что эти образы, которые выкристаллизовались в народной фантазии благодаря многовековой традиции, являются объективными документами психологии народов, результатом массовых наблюдений, которым, может быть, и ученый должен уделить некоторое внимание.

Но это лишь между прочим. Наши исследования исходили не из таких соображений, а из психиатрической постановки вопроса и лишь впоследствии с известной внутренней необходимостью, расширяясь и захватив область психиатрических пограничных состояний, закончились общепсихологическими и биологическими соображениями. Нам кажется целесообразным при изложении результатов исследования избрать тот последовательный путь, по которому они развивались.

Глава 1. Методика

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Глава 1 МЕТОДИКА

Исследование строения тела должно стать обязательной частью медицинской науки, так как оно является главным ключом для проблемы конституции и, следовательно, связано с центральными вопросами медицинской и психиатрической клиник. В этом

направлении уже имеются отдельные ценные наблюдения старых врачей-практиков, однако они остаются неиспользованными. И остроумные взгляды физиогномистов нисколько не помогают нам двинуться вперед. Следовательно, у нас нет иного средства: мы должны пойти по трудному пути систематического описания и изображения всего тела от головы до ног, где возможно измерять тело циркулем и сантиметром, фотографировать его и зарисовывать. И при этом нельзя ограничиться отдельными интересными случаями, а приходится производить исследования сериями, сотнями на каждом доступном пациенте по одной и той же полной схеме. Но прежде всего мы должны научиться пользоваться нашими глазами, сразу видеть и наблюдать без микроскопа и лаборатории.

Для проведения предстоящего исследования выработана следующая схема.

335

V. РАЗМЕРЫ

Рост.

*Вес*¹⁾ (прием пищи?).

Объем: грудь, живот²⁾, ягодицы³⁾, предплечье, кисть⁴⁾, икры.

Длина: ног⁵⁾, рук⁶⁾.

Ширина: плеч⁷⁾, таза⁸⁾.

Череп: окружность в горизонтальной плоскости⁹⁾, сагиттальный диаметр¹⁰⁾, фронтальный диаметр¹¹⁾, вертикальный¹²⁾.
Высота лица¹³⁾, Ширина лица¹⁴⁾, Длина носа¹⁵⁾.

VI. ВРЕМЯ

Наступление душевного расстройства.

Наступление периода созревания.

Наступление инволюции.

Наступление ожирения.

Наступление похудения.

Возникновение лысины.

Определенные физические болезни.

Сексуальные аномалии.

VII. РЕЗЮМЕ ФИЗИЧЕСКОГО СТАТУСА

VIII. ТИП ЛИЧНОСТИ

IX. НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

¹⁾ В обнаженном виде.

²⁾ Наивысший.

³⁾ На уровне Trochanter.

⁴⁾ Кисть без большого пальца.

⁵⁾ Верхний край симфизы — пол.

⁶⁾ Плечевой сустав с боковой стороны — кончик среднего пальца.

⁷⁾ Akromion с обеих сторон.

⁸⁾ Гребень подвздошной кости и Trochanter с обеих сторон.

⁹⁾ Glabella (лоб выше корня носа) — место прикрепления ушной раковины — protuberantia occipitalis.

¹⁰⁾ Glabella — protuberantia occipitalis.

¹¹⁾ Наибольший над ушами.

¹²⁾ Угол челюсти — темя.

¹³⁾ а) Граница волос — корень носа; б) корень носа (угол бровей) — рот; с) рот — самая нижняя часть подбородка.

¹⁴⁾ а) скуловые кости обеих сторон; б) угол челюсти с обеих сторон.

¹⁵⁾ Угол между носом и бровями — кончик носа (самый нижний пункт).

Бессистемное перечисление в истории болезни отдельных признаков строения тела (которые нам бросаются в глаза у пациентов) не может соответствовать нашим целям. Ведь уже при простом словесном описании необходимо соблюдать точность, применять те же выражения для сравнения, руководствоваться пространственными измерениями и формами основных тканей. Только таким путем можно избежать расплывчатых, многозначных определений и не забыть многочисленных деталей. Схемой мы пользуемся таким образом, что на стоящем перед нами голом больном устанавливаем все данные, напечатанные в последовательном порядке, и тотчас же их отмечаем. При этом мы подчеркиваем красным карандашом в каждой группе

признаков то, что наиболее подходит. Если мы при этом в зависимости от выраженности признака подчеркнем сильно или слабо, один или два раза, то мы выиграем время, которое бы понадобилось при письменном перечислении, и получаем диаграмму, которая необычайно наглядна и дает нам возможность мгновенно получить общее впечатление и видеть каждую деталь в строении тела; это помогает нам сравнить в одну секунду каждый отдельный пункт различных диаграмм. Такое словесное описание может касаться, разумеется, более грубых различий. В тех случаях, когда мы не получаем несомненного тактильного и оптического впечатления, мы всегда подчеркиваем выражение «среднее», которое для нашей позднейшей статистики ничего не говорит и должно только помешать попытке найти характерное там, где его нет. Мне незачем подчеркивать, что необходим длительный навык, чтобы уловить средние величины и отклонения. В нашей схеме мы указываем лишь те признаки, которые можно установить быстро, одним взглядом или с помощью немногих приемов; здесь исключено все, что требует для исследования специальных технических средств. И это вовсе не потому, что для исследования конституции перкуссия и аускультация сердца и легких имеют менее важное значение, а потому что в рамках исследования сериями их невозможно провести. Разумеется, такие специальные исследования должны быть дополнительно включены, хотя бы для того, чтобы установить важные конституциональные взаимоотношения между внутренними и душевными болезнями.

Недостатки такого словесного описания, как бы тщательно оно ни было сделано, совершенно очевидны. Тем не менее надо подчеркнуть, что этот метод необходим как фундамент для исследования строения тела и он много дает-такого, что не может быть заменено ни измерением, ни фотографическими снимками. Во-первых, существует много важных признаков, как цвет кожи, состояние сосудов, густота волос, которые можно описать словесно, но нельзя ни измерить, ни сфотографировать, или же это достижимо с помощью необычайно сложных методов. Затем многое выступает более четко и ясно при зрительном впечатлении. Легко, например, на основании опыта убедиться в том, что слабовыраженный башенный череп, который ясно распознается по первому взгляду каждым наблюдателем, лишь в неясной форме выступает при измерении сантиметром и циркулем (кефалограмма, разумеется, выпадает для массовых исследований). Кроме того, многие измерения на человеке нельзя сделать точно. Таким образом, легко убедиться в том, что при исследовании строения тела данные измерения и зрительного впечатления должны постоянно дополнять друг друга.

В нашей схеме словесное описание предшествует измерению, так как то и другое должно быть получено по возможности независимо друг от друга, и глаз не должен заранее встречать помехи в данных измерения. Все зависит от художественной тренировки нашего глаза. Отдельные измерения по шаблону, без идеи и интуиции по общему строению вряд ли могут нас сдвинуть с места. Сантиметр не видит ничего. Сам по себе он никогда не может привести нас к пониманию биологических типов, что является нашей целью. Но раз мы научились видеть, то мы вскоре замечаем, что циркуль дает нам точные подтверждения, цифровые формулировки, важные поправки к тому, что мы обнаружили глазами. Отдельные, не помещенные в схему, наблюдения заносятся в письменной форме; иногда очень важно, к примеру, более полно и наглядно выразить пережитое эстетическое впечатление. Весьма целесообразно под свежим впечатлением исследования вкратце суммировать существенное; для этой цели в конце схемы остается незаполненной полстраницы.

Рассмотренная большая схема выработана скорее для целей исследования; для повседневной клинической работы мы пользуемся сокращенной схемой, при

составлении которой мы руководствовались теми же соображениями.

СХЕМА КОНСТИТУЦИИ

Время исследования:

Имя:

Профессия:

Возраст:

Диагноз:

I. ИЗМЕРЕНИЯ

Череп: окружность в горизонтальной плоскости:
диаметр сагиттальный, диаметр фронтальный,
диаметр вертикальный.

Высота лица
Ширина лица
Длина носа
Длина: тела, предплечья, кисти.
Вес:
Объем: грудь икры
живот руки
ягодицы таз

Длина ноги
Ширина плеч.

II. ЛИЦО И ЧЕРЕП

Форма головы: высокая голова, пикническая плоская голова, череп с формой башни, череп, напоминающий пузырь, нехарактерный.

Профиль: угловатый профиль, профиль с длинным носом, гипопластический, пикнический профиль.

Очертание лица фронтальное. Широкая щитовидная форма, плоский пятиугольник, форма яйца, укороченная форма яйца, детский овал, семиугольник, нехарактерная форма.

Пропорции частей лица (средняя часть лица, подбородок):

Нос:

Описание:

III. СТРОЕНИЕ ТЕЛА

Кости:

Мышцы (рельеф?):

Подкожный жир:

Шея:

Плечевой пояс:

Грудная клетка:

Живот:

Таз:

Конечности (особенно длина):

Кисти и стопы:

Описание:

IV. ВОЛОСЫ И КОЖА

Волосы на голове:
Ресницы:
Борода:
Половые органы:
Подмышки:
Состояние кожи и сосудов (особенно цвет кожи):
Туловище:
Руки:
Ноги:
Описание:

V ЖЕЛЕЗЫ

Щитовидная железа:
Грудные железы:
Мошонка:
Половые органы:
Сексуальные аномалии:

VI.

Время наступления: душевного расстройства:
инволюции:
периода созревания:
ожирения, похудения:
определенных соматических заболеваний:

Относительно способа измерения можно было бы указать на множество немаловажных подробностей, которые лучше всего испробует каждый, желающий заняться этими вопросами. Технические наставления можно найти в учебниках антропологии, а относительно некоторых пунктов, особенно важных с психиатрической стороны, — в работах Ригера (Rieger) и Рейхардта (Reichardt), на заслуги которых в отношении точности и чистоты техники при макроскопическом измерении тела следует указать особо. Если мы сошлемся на то, что весьма удачно сказал о значении цифровых данных и о простом измерении тела Ригер в своей работе «*Messtange*», мы сможем избежать лишних слов. Предложенные нами в схеме размеры касаются, пожалуй, большинства более важных для нас пропорций тела, а размеры живота и конечностей дают нам опорные пункты для суждения о подкожном жире, костях и мышцах. Со статистической точки зрения по отношению к нашим таблицам и остальным цифровым данным следует указать: во-первых, они получены почти исключительно для лиц из швабского племени, следовательно, их можно сравнивать лишь между собой, но не с цифровыми данными, полученными у пациентов других племен или даже рас; во-вторых, более мелкие из наших подгрупп (особенно атлетические), включающие в себя и мужчин и женщин, охватывают лишь ограниченное количество случаев — несколько десятков и меньше. Поэтому полученные здесь средние величины являются лишь предварительными опорными пунктами, приблизительными, но не статистическими величинами. Произвести статистическое массовое исчисление для размеров отдельных частей тела в ближайшее время невозможно и, кроме того, излишне, так как и в пределах отдельного племени мы можем дать лишь приблизительные величины. При исследовании форм тела встречаются не резко ограниченные однородности, а текучие типы; при пограничных типах суждение наше всегда будет субъективно, намерены ли мы их включить в исчисление отдельного типа или нет. Но и при этих само собой понятных ограничениях средние цифры дают нам очень ценные объективные опорные пункты для выделения существенных черт в известных типах.

Еще несколько слов о репродукции с помощью рисунка. И мало знакомому с рисованием рекомендуется зарисовывать известные, легко изображаемые вещи, как, например, фронтальное очертание лица, схематизируя при этом существенное. Эти небольшие наброски явятся для нас позже, при обработке материала, ценным подспорьем. Так, я имею обыкновение отмечать распределение волос на теле, зарисовывая его на небольшой диаграмме. Фотографические снимки очень ярких случаев нам необходимы в большом количестве. Наиболее ценными являются

фотоснимки лица и черепа. Большой формат не обязателен, наоборот, часто крупные изображения хуже, чем маленькие. Самое главное — это правильное освещение и прежде всего правильная перспективная установка. Это особенно касается фронтальных снимков лица. Пациенты при фотографировании непроизвольно приподымают голову кверху: это дает в перспективе сдвинутое и даже неправильное изображение. Голова скорее должна быть опущена вниз, чем приподнята. В остальном мы делаем снимки лица сильным аппаратом с близкого расстояния, так что голова заполняет весь снимок, лишь обнаженная шея и начало плеч также бывают захвачены. Если больше внимания обращается на очертания — берется одноцветный, черный фон; если придается значение оттенкам — серый. Начинающие прибегают к слишком сильному свету; это совершенно уничтожает оттенки контуров мышц и костей. Для научных снимков всегда существуют лишь два ракурса — точно фронтальный и точно в профиль сделанные снимки, это относится и к лицу и телу.

При всех промежуточных положениях страдает точность и затруднено сравнение фигур между собой. Для снимков строения тела не рекомендуется изображать всю фигуру; такие портреты не характерны, если, конечно, это не очень грубые аномалии. Чрезмерная длина конечностей, феминизмы в контуре таза и т. д., если даже они и устанавливаются измерением, в фотографическом снимке плохо выступают. Мы ограничиваемся поэтому главным образом портретами половины фигуры, приблизительно до пупка; они охватывают значительную часть строения тела и при этом в более яркой форме.

Если мы большое количество пациентов исследуем комбинированно тремя методами: точным описанием по диаграмме, измерением и фотографической регистрацией, то получаем солидный, удовлетворяющий требованиям естествознания, фундамент — точную клиническую диагностику строения тела как солидную соматическую базу для психиатрического учения о конституциях.

Приводимые ниже данные опираются на разработанный по описанному методу материал из 260 случаев, распределяемых следующим образом.

<i>Циркулярные</i>		<i>Шизофреники</i>	
Мужчины	43	Мужчины	125
Женщины	42	Женщины	50
<hr/>	<hr/>	<hr/>	<hr/>
Всего	85	Всего	175

По окончании этой статистической обработки было исследовано еще 100 случаев, которые не были приняты во внимание при исчислении, но их изучение подтверждает результаты, полученные раньше. Итак, наш материал охватывает около 400 случаев, из которых приблизительно 1/3 циркулярных больных и 2/3 шизофреников.

Клинические границы по возможности очень расширены, так что в группу шизофреников входит большинство случаев из области типичных кататоний, гебефрений и повседневной шизофрении; сюда же включены отдельные случаи парафрений и также шизоидные «неврастеники», психопаты и дегенераты. В равной степени в кругу циркулярных (маниакально-депрессивных) психозов наряду с главной массой обычных случаев приняты во внимание некоторые случаи инволюционной меланхолии, сенильной и артериосклеротической депрессии и, наконец, недушевнобольные — гипоманиакальные и конституционально-депрессивные темпераменты. Такой подход, как мы увидим, оказался правильным. Наконец, изредка делались случайные исследования диагностически неясных случаев, на которых особенно наглядно можно было проверить правильность диагностики строения тела.

Особенное значение придавалось тому, чтобы при всех типах захватывать свежие и

старые случаи, людей всякого возраста и профессии, исключать таким путем возможные под влиянием отдельных причинных факторов источники ошибок и иметь возможность рассматривать изменения отдельных типов в течение жизни. Для сравнения с преимущественно свежими случаями тюбингенской клиники использован больничный материал Винненталь (Winnenthal), за предоставление которого я выражаю глубокую благодарность врачам этой больницы, особенно д-ру Камереру (Camerer).

Диагностика строения тела — в такой же степени обширная и сложная область, как и органическая неврология. Для своей разработки она нуждается в корректуре и работе многочисленных наблюдателей. Для поощрения дальнейших исследований — а не как нечто законченное — мы и сообщаем результаты наших исследований.

Глава 2. Типы строения тела

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Глава 2. Типы строения тела

Еще нет точного учения о конституции, основанного на строении тела, отсутствуют систематические исследования, разработанные в деталях. Успех в исследовании желез внутренней секреции был быстрым и блестящим, но в отношении строения тела оно до сих пор дало лишь самые грубые точки опоры. Вопросы, которые имели бы громадное значение для наших исследований, как, например, взаимоотношения между акромегалией и трофикой мышц, в очень обширных описаниях почти не затронуты. Тем не менее в типах строения тела при кретинизме, акромегалии и евнухоидизме (здесь перечисляется лишь самое важное) мы имеем, хотя и в грубых чертах, нечто такое, что уже разработано и для нас весьма полезно.

Гораздо меньше предварительной работы, чем в небольшой специальной области эндокринных дисплазий, мы находим в общем учении о строении тела в отношении индивидуальных типов конституции. Большой частью того, что здесь было начато и собрано со стороны интернистов, мы обязаны неутомимой деятельности Бауара (J. Bauer)¹, которую нужно особенно ценить. То, что сказано педиатрами об экссудативном, лимфатическом, артритическом типе конституции — при всей клинической ценности этого, — слишком неясно и неопределенно, чтобы быть использованным для наших целей. В последнее время и в Германии начинает получать распространение французская номенклатура, *type cerebral, respiratoire, musculaire и digestif*. В этих французских типах кроется немало хорошей интуиции. Мы предполагаем, что в основе *type musculaire* и *type digestif* лежит многое из того, что подробнее будет нами позже изложено при описании атлетического и пикнического типов конституции. Основная ошибка французского деления заключается в том, что эти отчасти верные отдельные наблюдения втискиваются в рамки спекулятивно конструируемой схемы; если бы мы пожелали, ясности ради, выразиться грубо, то эту схему можно было свести к следующему: 1) мыслящие люди должны иметь большую голову, 2) едоки — хорошее брюхо, 3) гимнасты — статную мускулатуру и 4) бегуны — хорошие легкие. Эти дедукции можно вести последовательно до конца, причем у *type respiratoire* должны быть чрезмерно развиты не только легкие, но и весь дыхательный тракт — нос и даже *sinus maxillaris* и *frontalis*, между тем *type digestif* нуждается, разумеется, в соответствующем жевательном аппарате. Мне кажется, что здесь еще проглядывает идея, которая со времен Лафатера сидит в умах физиогномистов и популярных биологов расы, — идея, что сильно развитая нижняя челюсть унаследована от гориллы и характеризует людей с слаборазвитыми моральными качествами и с преобладанием вегетативных аппаратов, людей, уже от природы склонных к преступлениям и диким выходкам (это встречается в старой физиогномической литературе), а в нашем случае к грубо примитивному образу

мыслей. Аналогичным образом type cerebral олицетворяет прогрессивного человека, который является носителем духа и у которого к необычно большой голове остальная часть материи пристегнута как незначительный атавистический придаток.

Самое плохое во всей этой классификации — то, что она устанавливает наивные взаимоотношения между телесными и психическими качествами — взаимоотношения, которые по своей простоте чужды для психиатрически образованного врача.

Если мы сравним с этой конструктивной группировкой несколько эмпирических биологических типов телосложения, которые нам дало исследование желез внутренней секреции (кретинизм, акромегалия, евнухоидизм и т. п.), то мы обнаружим, что не отдельная система органов (дыхательный тракт, пищеварительный тракт, cerebrum) сама по себе гипертрофируется. Мы увидим не поддающуюся логическому конструированию, запутанную комбинацию различных действий одних и тех же внутренних причин, беспорядочную смену трофических стимулов и трофических задержек. И это выступает одновременно в различных системах органов — здесь на скелете, там на коже, тут на мышцах, или на жировой ткани, проявляется часто на довольно ограниченных частях известной системы органов, причем телесные качества не находятся ни в какой логически конструируемой связи с одновременно наблюдаемыми психическими признаками.

Мы стоим, следовательно, на такой точке зрения: конституциональные типы, охватывающие человека в целом, его тело и психику и соответствующие действительным биологическим связям, можно считать установленными лишь тогда, когда вскрыты закономерные взаимоотношения между чисто эмпирически установленными сложными типами телосложения и сложными эндогенными типами (как, например, циркулярный и шизофренический психозы). Мы получим правильный критерий только тогда, когда можно будет контролировать действительную зависимость психического синдрома от его соматической основы и соматическую группировку симптомов от их психических проявлений. Предложенную нами ниже группировку и следует рассматривать как такой эксперимент. Мы должны отметить, что при описании телосложения и исчислении средних величин в таблице использован исключительно шизофренический и циркулярный материал, между тем как на рисунках изображены отдельные больные и других групп. В каждом случае есть специальное указание.

Описанные ниже типы не являются «идеальными типами», которые возникли согласно определенной руководящей идее. Они получены эмпирически следующим образом: где можно установить достаточное количество морфологических сходств у достаточного количества лиц, там мы приступаем к определению цифровых данных. Если мы исчисляем средние величины, то в этом ясно выступают общие признаки, между тем как различные черты в каждом отдельном случае затушевываются в средней величине. Подобным же образом мы поступаем при остальных, только оптически улавливаемых признаках. Мы действуем, как бы копируя портреты 100 лиц одного типа на одной и той же бумаге, при этом совпадающие черты интенсивно усиливаются, не соответствующие друг другу затушевываются. Мы описываем как типичные лишь черты, усиливающиеся в средней величине. Вряд ли возможно на нашем материале обнаружить такой тип в массовом количестве без кропотливого предварительного упражнения глаза: скорее мы в каждом отдельном случае находим тип завуалированным гетерогенными «индивидуальными» чертами и местами затушеванным.

Здесь имеет место то же, что и в клинической медицине или в ботанике и зоологии. «Классические» случаи, свободные от примесей и заключающие в себе все главные

симптомы ярко выраженной картины болезни или зоологического расового типа, являются счастливыми находками, которые мы не каждый день можем представить. Отсюда вытекает, что при нашем описании типов мы руководствуемся не наиболее частыми, но наиболее яркими случаями, которые яснее всего изображают то общее и эмпирически констатируемое, что мы обычно видим в сглаженной форме. То же самое касается, впрочем, и психологического описания типов во второй части книги.

Пользуясь описанным методом, мы установили три постоянно повторяющихся главных типа строения тела, которые мы назвали астеническим, атлетическим и пикническим. Эти типы встречаются у мужчин и женщин, но при более слабой морфологической дифференцировке женского тела яркие картины у женщин бывают гораздо реже. Способ же распределения этих типов в шизофренической и циркулярной группах весьма различен и очень любопытен.

В здоровой жизни мы всюду встречаем эти же три типа; сами по себе они не содержат ничего болезненного, но свидетельствуют об определенных нормально-биологических предрасположенностях, из которых лишь незначительная часть достигла патологического завершения как в психиатрической области, так и в определенных внутренних заболеваниях. Наряду с этими большими главными типами мы нашли затем различные небольшие группы, которые объединяем под общим названием диспластических специальных типов, поскольку они представляют собой сильные отклонения от среднего типа и обнаруживают тесную морфологическую связь с дисгландулярными синдромами патологии желез внутренней секреции.

Мы даем сначала лишь очерк главных типов в их самых общих признаках и в следующих главах для наглядности описываем тонкую морфологию строения тела, особенно строение лица, черепа и поверхности тела. Мы еще раз подчеркиваем, что морфологию строения тела надо сначала изучать на мужчинах, а затем уже на женщинах. Строение женского тела (в чертах лица, развитии мышц и жира) в общем менее рельефно, поэтому женщины чаще демонстрируют атипичные и менее резкие проявления.

А) Астенический тип

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

А) астенический тип

Таблица 1 Основные размеры тела у людей астенического типа (в среднем)

	Мужчины	Женщины
Вес (кг)	50,5	44,4
Длина тела (см)	168,4	153,8
Ширина плеч	35,5	32,8
Объем груди	84,1	77,7
живота	74,1	67,7
в области бедер	84,7	82,2
предплечья	23,5	20,2
кисти	19,7	18,0
икр	30,0	27,7
Длина ног	89,4	79,2

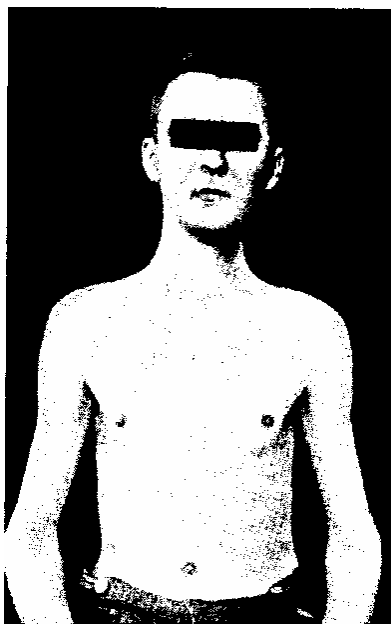

Рис. 1. Астенический тип. Фронтальный снимок (Шизоидный психопат.)

Понятие астенического габитуса введено Штиллером (Stiller), коррегировано и ограничено в желательном смысле Бауаром. Полученный на нашем психиатрическом материале *typus as-tenicus* совпадает с таковым же типом Бауара. Из отдельных черт, упомянутых в краткой работе Бауара, большинство подтверждается и нашими исследованиями. Но мы не можем согласиться с утверждением, что астеники преимущественно долихоцефалы; по нашим данным, череп астеников по сравнению с другими типами небольшого объема, средней ширины, короткий и низкий. Короче говоря, габитус мужчины-астеника характеризуется главным образом слабым ростом по толщине при среднем неуменьшенном росте в длину. Это недостаточное развитие толщины проходит через все части тела — лицо, шею, туловище, кости, сосудистую систему — и через все формы тканей, кожу, жировую ткань, мышцы, кости, сосудистую систему. Вследствие этого средний вес, а также размеры в объеме и ширине понижены по сравнению со средними размерами, характерными для мужчин.

Следовательно, в тяжелых случаях мы имеем картину (рис. 1 и 2) худого, тонкого человека, кажущегося выше, чем он на самом деле, малокровного, с узкими плечами, с сухими тонкомышечными руками, с тонкокостными кистями, с длинной, узкой, плоской грудной клеткой, на которой можно пересчитать ребра, с острым реберным углом, с тонким, лишенным жира животом, с такими же руками и ногами. У мужчин наблюдается явное отставание веса тела от его длины (50,5:168,4) и объема груди от объема бедер (84,1:84,7).

Рис. 2. Астенический тип. Профиль. (Шизофрения.)

Представители этого типа имеют более широкие плечи при плоской, как доска, грудной клетке и очень нежных плечевых костях. Вместо тонкого живота в отдельных случаях наблюдается дряблый, энтероптоичный отвисший живот или отложения жира евнухоидного или женского распределения, что нельзя смешивать с пикническим жирным животом. Часто возникают варианты астенического типа с более сильным или слабым выражением стигмат телосложения дисгенитальной группы, инфантилизма (акромикрия), феминизма (образование талии, увеличенный объем таза, резкая округленность бедер) и особенно евнухоидного высокого роста с чрезмерной длиной конечностей. Позже мы возвратимся к этому.

Нередко образуются варианты и комбинации астенического и атлетического типов, когда наряду с астеническими стигматами выступают и атлетические (например, длинная, узкая грудная клетка с крепкими конечностями, инконгруэнция между лицом и строением тела и т. д.) или средний тип жилисто-стройной фигуры, для которого характерна грациозная худощавость или крепкие мышцы.

Если мы рассмотрим тип в течение развития его жизни, то заметим, что во всех возрастных периодах он остается довольно постоянным. В детском возрасте эти люди бывают слабыми и нежными; в период созревания они быстро растут и вытягиваются, в зрелости и старости они не обнаруживают ни малейшей склонности к правильному накоплению жира и развитию мышц. Они, как крестьяне, могут выполнять тяжелую физическую работу, но у них очень слабо утолщаются мышцы. Они могут прекрасно питаться и даже, как многие обитатели больниц в мирное время, отличаться прожорливостью, но, несмотря на это, оставаться такими же худыми. Возраст изменяет у части астеников тип распределения волос (см. дальше). Черты лица лишь на восемнадцатом году приобретают свои характерные формы, которые будут позже описаны, и могут при прогрессирующем похудании в пожилом возрасте сделаться еще резче.

У части астеников бросается в глаза как важный биологический признак их преждевременное старение. Я встречал мужчин в возрасте между 35 и 40 годами, казавшихся стариками с морщинистой, совершенно сухой, дряблой и поблекшей кожей и с перевитыми височными артериями (ср. рис. 7 и 8). В таких случаях, несмотря на

нормальный образ жизни пациентов, наблюдается общая атрофия жира и мышц, свидетельствующая о тяжелом хроническом нарушении обмена веществ. Этим страдают даже те пациенты, которые постоянно много едят, а мышцы их, не делаясь паритичными, могут даже при постоянной работе в поле достичь таких степеней атрофии, что появляется диастаз абдукторов бедер, наблюдаемый лишь у крайне истощенных кахектиков; внутренние контуры бедер не сливаются к промежности в прямую линию, как это обычно бывает, а вырисовываются, образуя щель.

Что же касается астенического строения тела у мужчин в период полового созревания, то в описываемых случаях рост в длину происходил нормально, иногда бывал очень сильным и преждевременным. Шестнадцатилетний гебефренический юноша имел рост 165 см (что у нашего швабского населения значительно превосходит средние размеры), 18-летний был ростом 176 см. Но это нельзя считать правилом. Наименьший из наших взрослых мужчин-астеников имел рост 158 см, самый большой — 178 см, однако низкорослые среди них встречаются не часто. Только что упомянутый был единственным среди 50 мужчин, чей рост меньше 160 см. Резкие детские, неразвитые черты лица встречаются у отдельных астеников в возрасте от 20 до 25 лет, особенно у женщин; многие астеники при худощавом лице с резко выступающими чертами уже в этом возрасте выглядят старше своих лет. О сексуальном инстинкте и волосяном покрове мы скажем позже.

Астенические женщины по своему габитусу напоминают астенических мужчин, за исключением одного: они не только худощавы, но часто и малорослы. Нормальный и даже усиленный рост в длину у них встречается, но не так часто. Среди 20 женщин я встретил одну ростом 169 и одну ростом 161 см, остальные имели рост 160, а самая маленькая — 145 см. Эта группа женщин не просто астенична, а астенично-гипопластична, причем во всей нашей работе под астеническим мы понимаем задержанный рост в толщину, под гипо-пластическим — общее недоразвитие тела и его частей, особенно роста в длину. Так, у астенических женщин самый низкий средний рост 153,8 см, между тем как у астенических мужчин он равен 168,4 см, что соответствует среднему росту швабского населения мужского пола. Несоответствие между ростом и весом тела у астенических мужчин выражено более резко, чем у женщин (см. табл. 1). У мужчин оно равно примерно 18 (из обеих последних цифр роста вычтен вес), у женщин — 9.

В) Атлетический тип

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Б) атлетический тип

Таблица 2 Основные размеры тела у людей атлетического типа

	Мужчины	Женщины
Вес (в кг)	62,9	61,7
Длина тела (см)	170,0	163,1
Ширина плеч	39,1	37,7
Объем груди	91,7	86,0
живота	79,6	75,1
в области бедер	91,5	95,0
предплечья	26,2	24,2
руки	21,7	20,0

икры	33,1	31,7
Длина ног	90,9	85,0

Мужской атлетический тип (рис. 3 и 4) характеризуется сильным развитием скелета, мускулатуры, кожи.

Общий облик самых ярких представителей этого рода: среднего или высокого роста мужчины с особенно широкими и выступающими плечами, статной грудной клеткой, упругим животом, с формой туловища, сужающегося книзу, так что таз и все еще статные ноги по сравнению с верхними частями тела и особенно гипертрофичным плечевым поясом кажутся иногда тонкими. Плотная высокая голова прямо держится на свободной шее, причем линейные контуры trapezius, видимые спереди, придают шейной части плеча особый отпечаток.

Линии, очерчивающие тело, образуются выступающими мышцами хорошей или гипертрофической мускулатуры, которая вырисовывается пластически, как мускульный рельеф. Костный рельеф наиболее заметен в чертах лица. Грубое строение костей характерно для ключицы, запястья и плюсны. Наряду с плечевым поясом трофический акцент лежит еще на концах конечностей, которые могут напоминать акромегалию. Наибольший объем руки у атлетов достигает 25 см, величины, превышающей на 5 см средние размеры сравнительно умерен, почти нормально выражен. Этим прежде всего обуславливается точный мускульный рельеф, причем чрезмерно развитая мускулатура заметно проступает через тонкий жировой слой.

Рис. 3. Атлетический тип. Фронтальный снимок. (Шизофрения.)

у мужчин. Объем руки в 23 см довольно част. Кроме объема руки при этом типе любопытна и ширина плеч, которая в двух случаях достигает наибольшей цифры в 42,5 см, превышающей среднюю величину ширины плеч нашего населения (37,5 — 38 см) на 5 см. Длина конечностей скорее велика, чем мала. Наряду с костями и мышцами в гипертрофии участвует и кожа. Она обладает хорошим упруго-эластичным тургором, а на лице кожа особенно плотная, толстая, иногда пастозная. В противоположность всем этим тканям жировой слой.

Рис. 4. Атлетический тип. Профиль. (Акромегалия.)

Рост тела в общем выше среднего; длина больше 180 см встречается нередко — самый большой атлетик в нашем исследовании имел рост 168 см. Нижнюю границу фиксировать невозможно, так как морфологические переходы между атлетическим типом и типом гипопластической плечистости (см. ниже) довольно неясны. Любопытны переходы к формам великанов, они будут описаны позже.

В остальном у представителей атлетического типа, главным образом в чертах лица, наблюдаются варианты (см. ниже). В строении тела мы находим наряду с только что намеченным типом, обладающим сравнительно стройной нижней частью тела и пластическим выступанием форм тела, еще вариант, который отличается общей неуклюжестью. Различие в развитии плеч и таза при этом не заслуживает внимания, все некрасиво, грубо, неуклюже, кожа лица пастозна, мускульный рельеф затушевывается диффузным развитием жира. Чисто морфологически нельзя решить, имеет ли здесь место вариант, комбинация, другая стадия развития или, что вероятнее, особенный тип с существенным отклонением биологической основы.

В моем исследовании есть лишь несколько случаев такого рода; один из пациентов, наряду с тяжелым кататоническим слабоумием, страдал эпилептическими припадками. У больного с инфантильным развитием жира наблюдались слаборазвитые половые органы и двусторонний крипторхизм. Среди неуклюжих атлетиков я встречал в больнице и таких, у которых громадная верхняя часть туловища сидела не просто на стройной, а крайне тонкой его нижней части, на инфантильно узком тазе и астенически тонких ногах.

Также многочисленны морфологические взаимоотношения между атлетическим типом и дисгенитальной группой. Комбинации атлетических элементов с евнухоидной великорослостью не представляют собой необычного явления, например чрезмерная длина конечности с большими кистями, частичная плотность костей, мускулистый плечевой пояс и т. д. Наблюдается также резкий феминизм. Недавно я видел шизоидного психопата с атлетическим строением тела, но с узкими опущенными округленными плечами, с талией и женским тазом большого объема.

Мы должны пока оставить в стороне вопрос, опирается ли описанный ниже широкоплечий малорослый тип с акромикрией на интерференции инфантильных и

атлетических структурных принципов, что вполне возможно, или представляет собой нечто самостоятельное.

Исследование развития атлетического типа в зависимости от возраста дает мало интересного. Этот тип ясно выступает уже в периоде созревания приблизительно с 18 лет; с полным развитием головы после 25 лет он становится более пластичным и четким. Мне удалось установить несколько случаев атлетиков в 50-летнем возрасте. В более позднем возрасте, на шестом десятке, я не имею в своем распоряжении ни одного испытуемого, что объясняется случайностью, так как атлетическая группа гораздо меньше астенической и охватывает лишь около 30 случаев, считая мужчин и женщин вместе. Трудно предположить, что этот хорошо выраженный тип в более позднем возрасте так быстро нивелируется, что его нельзя распознать хотя бы по голове и строению скелета. Напротив, у слабоумных больничных кататоников среднего возраста, лежавших годами в постели, мускулатура часто бывает дряблой и не столь объемистой, между тем как костяк и общие размеры тела свидетельствуют об очень сильном прежнем развитии. Это легко объясняется атрофией мышц, вызванной действием; надо, однако, выяснить, могут ли привести эндогенные трофические моменты к атрофии мышц как у астеников, так и у таких пациентов, для которых бездействие отпадает.

Атлетический тип у женщин, поскольку его здесь можно распознать, такой же, что и у мужчин, но с известными характерными отличиями. Развитие жира у атлетических женщин не задержано, а обильно; конечно, оно гармонирует с остальными тканями, прежде всего с костями и мышцами, и, по крайней мере, в наблюдаемых нами случаях не элективно усилено, как у пикников. Наряду с этим типом атлетических женщин с женственно-округленными формами мы встречаем, однако, и пациенток с выраженным маскулинизмом в чертах лица и строении тела. Несколько таких случаев, которые по мускульному рельефу и пропорциям плеч и таза точно напоминают мужчин, будет описано в главе 5. Вообще следует иметь в виду, что трофическое акцентирование плечевого пояса можно часто наблюдать и у атлетических женщин (до 39 см ширины плеч), причем оно не идет по линии вторичных половых признаков, а скорее противоречит ей. Последнее указывает на то, что такое строение плечевого пояса представляет собой не что-то случайное, а вытекает из своеобразно направленных импульсов роста. Кроме грудино-плечевого пояса часто сильно развит и таз.

Строение тела атлетических женщин производит впечатление ненормального, чрезмерно выступающего, грубоватого и массивного в отличие от строения тела у атлетических мужчин. Это происходит потому, что мужчины-атлетики иногда приближаются к нашему художественному идеалу красоты, в то время как наш идеал женской красоты не согласуется с атлетическим. Здесь уместно предостеречь от внесения субъективных оценок в диагностику строения тела. Мы мало чего достигнем характеристикой «нормальный» и «анормальный» по отношению к нашим трем главным типам. Все три встречаются у здоровых, так и у душевнобольных и больных с внутренними болезнями. Нельзя также утверждать, что один из трех типов в физическом отношении лучше приспособлен к жизненной борьбе. Атлетику легче быть борцом, астенику — летчиком, при многих профессиях совершенно безразлично, посвящает ли себя им тот или другой. Многие астеники в течение всей жизни здоровы и доживают до глубокой старости, тогда как их более статные ровесники давно умерли от сердечного удара. Поэтому неправильно (и здесь я совершенно согласен с Бауаром) говорить о *morbus asthenicus*. И определение «артритический габитус» или «физический габитус» являются узкими клиническими терминами. Для совершенно объективного натуралистического учения о строении тела они как крайне односторонне устанавливающие тенденцию к определенному заболеванию не могут быть использованы. Если астеник очень предрасположен к туберкулезу, то он более

иммунен к ревматизму, диабету, атеросклерозу, чем пикник, и наоборот. В отличие от психиатрических о предрасположенности атлетов к внутренним заболеваниям мы ничего определенного не могли найти. Поэтому ни одну из больших конституциональных групп нельзя признать ни более здоровой, ни более больной.

С) Пикнический тип

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

с) Пикнический тип

Таблица 3. Основные размеры тела у людей пикнического типа

	Мужчины	Женщины
Вес (кг)	68,0	56,3
Длина тела (см)	167,8	156,5
Ширина плеч	36,9	34,3
Объем груди	94,5	86,0
живота	88,8	78,7
в области бедер	92,0	94,2
предплечья	26,5	22,4
кисти	20,7	18,6
икры	33,2	31,3
Длина ног	87,4	80,5

Пикнический тип в среднем возрасте характеризуется сильным развитием внутренних полостей тела (головы, груди, живота) и склонностью торса к ожирению при нежной структуре двигательного аппарата (плечевого пояса и конечностей).

Общее впечатление при выраженных случаях довольно характерное: среднего роста плотная фигура, с мягким широким лицом на короткой массивной, сидящей между плечами, шее, основательный жирный живот выступает из расширяющейся книзу глубокой сводчатой грудной клетки.

Если мы рассмотрим конечности, то заметим, что они мягкие, круглые, со слабовыраженным рельефом мышц и костей, часто изящные; руки мягкие, короткие и широкие. Кистевые суставы и ключицы нередко стройные и нежные. При этом плечи не выступают широко, как у атлетов, но (главным образом у старых людей) круглы, несколько приподняты и сдвинуты вперед, часто спускаются к груди при резком изгибе на внутреннем крае *deltoideus*. Создается впечатление, что весь плечевой пояс сдвинут вперед и вверх по отношению к несколько вздутой грудной клетке; голова принимает участие в этом статическом перемещении: она опускается вперед между плечами, так что короткая, толстая шея постепенно почти исчезает и верхняя грудная часть позвоночника делает легкий кифотический изгиб. В профиль шея не выглядит, как у других типов, стройной, круглой колонной, на которой держится резко выступающая и отграниченная голова, а в выраженных случаях среднего и более пожилого возраста кончик подбородка косой линией непосредственно связан с верхним концом грудины (рис. 13).

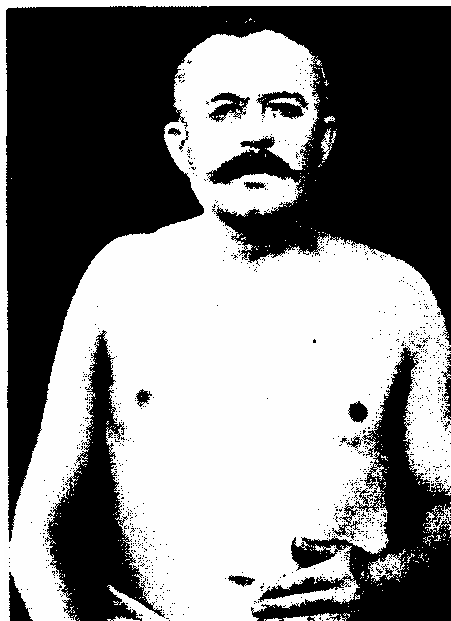

Рис. 5. Пикнический тип. Фронтальный снимок.

Пропорция груди, плеч, шеи, не касаясь конфигурации лица, характера ожирения, является самой интересной в пикническом строении тела. Отношение умеренной ширины плеч к большому объему груди (36,9: 94,5) отличается от соответствующих пропорций у атлетиков, где объем груди незначителен по сравнению с чрезмерной шириной плеч (39,1: 91,7). Если туловище атлетического типа кажется широким, то пикнического — глубоким; если трофический акцент лежит на плечевом поясе и концах рук и ног, то — на центре туловища, на бочкообразно расширяющейся книзу грудной клетке и богатом жиром животе. Конечности в среднем скорее коротки, чем длинные.

Пикники имеют определенную тенденцию к ожирению. Характер ожирения также типичен и должен быть сразу замечен не для сравнения с атлетиками и астениками, которые не проявляют склонности к ожирению, а для сопоставления с известными грубодиспластическими типами (см. ниже). Ожирение пикников держится в умеренных границах и в первую очередь проявляется в склонности к ожирению торса, жир преимущественно отлагается в компактном жирном животе. Все остальные формы тела благодаря диффузному отложению жира мягки и закруглены, но не скрыты и не уродливы. Так, лицо характеризуется своими округленными, мягкими очертаниями; бедра, а часто и икры также подвержены ожирению. Напротив, предплечья, кисти и боковые части плеч имеют умеренный жировой слой. Ноги у пожилых пикнических мужчин могут быть очень тонкими.

Кожа не дряблая, как у астеников, не упругая, как у атлетиков, а мягкая и хорошо облегает тело. Она средней толщины с сильными изгибами контуров, в особенности у скуловых костей. На наружной поверхности плеч кожа натянута. Мышцы средней силы, но мягкой консистенции.

Рост пикников средний — 167,8 см. Относительно сильное отложение жира сказывается на том, что, в противоположность другим типам, а также атлетическому, вес тела у пикников превышает рост (68,0). Вес тела свыше 100 кг наблюдается редко и только в определенные периоды жизни. Наибольший вес у пикников в нашем исследовании был равен 107 кг при росте 171 см. Тем не менее мы встречаем особенно у старых лиц значительное снижение веса (в одном случае 49: 163) как следствие сильной инволюции. Пикники нередко обнаруживают в зависимости от периодов и

смены психотических фаз сильные и резкие колебания веса тела. В упомянутом случае приблизительно на 30-м году началось сильное повышение веса, который после многочисленных колебаний достиг 107 кг, а затем в 60-летнем возрасте одновременно с психической депрессией быстро снизился до 76 кг и после депрессии больше не поднимался. Небольшие коренастые фигуры среди пикников нашего населения встречаются довольно часто, но только один из обследованных нами был ниже 160 см. Очень высокие пикники бывают редко. Мы обнаружили только два случая с ростом 181 и 182 см (при наличии атлетических элементов строения тела), которые перешли границу 180 см.

Пикнический тип является достаточно очерченным и не обнаруживает каких-либо неожиданных вариантов. Следует подчеркнуть, что он благодаря строению скелета и прежде всего не зависящим от жирового слоя размерам черепа лица и кистей часто имеет характерные пропорции груди, плеч и шеи. Для его диагноза вовсе не требуется наличия более сильного жирового слоя. Грубые очертания тела существенно различаются в зависимости от того, имеет ли пикник жирный живот или толстую шею. Если не забывать того, что большинство рабочих тяжелого труда и лица моложе 35—40 лет не обладают компактным пикническим жировым слоем, то можно понять, почему возможны ошибочные диагнозы, если полагаться только на этот весьма важный и производящий впечатление, но не всегда постоянный симптом. Присоединение признаков других типов может совершенно затушевывать пикническую картину, но при тщательном рассмотрении и измерении обнаруживаются характерные пикнические компоненты. Комбинации с атлетическими элементами нередки — в этом случае плечи шире и конечности более костлявы и грубы. Астенически-пикнические структурные интерференции наблюдаются в следующем сочетании: небольшой жирный живот, длинный thorax, длинные узкие конечности. Кроме того, в конфигурации лица и черепа можно отметить легкую оксифеалию с мягкими пикническими щеками и широкими челюстями. Здесь, как и при других типах, возможно бесчисленное множество таких комбинаций; нет вообще ни одного отдельного симптома, который не комбинировался бы со стигматами другого типа.

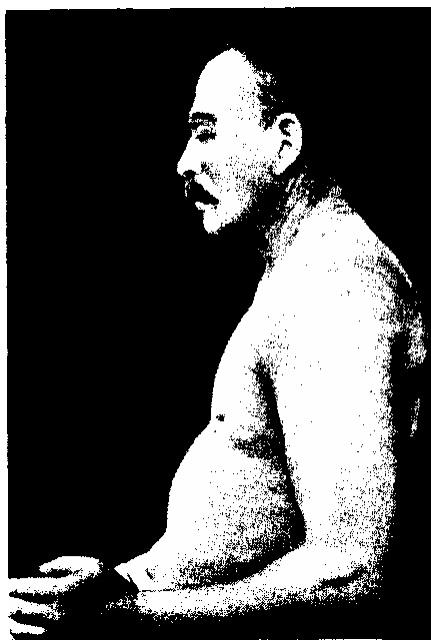

Рис. 6. Пикнический тип. Профиль.

Морфологические различия у пикников разных возрастных групп значительно больше, чем при других типах. Пикнический тип приобретает свою характерную форму в более

зрелом возрасте, между 30—40 годами, а после 60 лет стирается. Эти различия зависят прежде всего от жирового слоя и отчасти от вторично обусловленного этим изменения формы грудной клетки. Встречаются случаи, когда жирный живот и одновременное с ним расширение нижней апертуры грудной клетки развиваются вскоре после 20 лет. Но это исключения. В большинстве случаев у молодых пикников в возрасте 20—30 лет мы находим следующий габитус (рис. 14 и 15): широкая, нежная форма лица с правильными пропорциями и характерной нижней челюстью, короткая, чаще толстая, но весьма плотная и резко отграниченная от нижней поверхности подбородка шея. Thorax еще не вздут, соблюдена гармония между шеей и плечами, поэтому нет еще кифоза и не отмечается характерного наклона головы вперед между приподнятыми плечами. При таком телосложении молодой пикник на первый взгляд может быть принят за атлетика. Небольшая таблица, в которой приведены средние величины трех главных групп для возраста от 18 до 30 лет, показывает, что полученные данные приближаются к цифрам, характерным для пикника более позднего возраста.

Таблица 4. Средние размеры у мужчин в возрасте между 18 и 30 годами

	Пикнический	Атлетический	Астенический
Объем головы	57,7	56,3	55,6
Ширина плеч	37,9	39,4	35,9
Объем груди	95,7	90,9	83,9
Объем живота	84,4	78,8	70,6

Здесь мы видим характерные пикнические размеры, и молодые пикники по объему головы, груди и живота занимают первое место и обнаруживают свою предрасположенность к ширине и округленности. На этой таблице представлено столь важное в дифференциально-диагностическом смысле соотношение между шириной плеч и объемом груди, которое выражается в том, что пикник по размерам плеч отстает от атлетика, между тем как по объему груди он его превосходит. Изгиб плеч на внутреннем крае *deltoideus* можно иногда встретить у молодых пикников.

Жировой слой у них распределяется еще диффузно, его можно заметить прежде всего на лице и на мягких со слабым мышечным рельефом формах торса и конечностей.

В старческом возрасте жирный живот мало заметен, он иногда западает, и тогда грудная клетка не вытягивается кверху. Кожа дряблая и сухая. Существенные признаки строения тела, однако, сохраняются.

Пикническое строение тела у женщин несколько модифицируется. Жир откладывается главным образом на торсе, но его больше на груди и бедрах. Соотношение груди и плеч такое же, как у мужчин. По объему груди и бедер пикнические женщины относительно превосходят атлетических. Низкий рост (меньше 150 см) у них наблюдается довольно часто. Минимальный рост наших пациенток был 145 см. Очень молодых пикнических женщин с изящным строением тела, не имеющих значительного жирового слоя, при первом взгляде можно принять за атлетических. Такой ошибки мы избежим, если уделим должное внимание данным измерения, конфигурации лица, формам, которые и здесь являются более круглыми и полными. Молодые пикнические мужчины с хорошей мускулатурой и свежим тургором кожи на первый взгляд могут казаться атлетическими. Если форма лица и пропорции между грудью и плечами типичны, то их смешать нельзя. В отдельных случаях дифференциальный диагноз может быть довольно сомнительным.

Вообще при сравнении юношеских фотографий пожилых циркулярных больных бросается в глаза, что отдельные мужчины к 20 годам обнаруживали совершенно атипические формы тела, удлиненное лицо, узкое телосложение, которые позже развились совершенно пикнически. Поэтому надо быть весьма осторожным с отрицательным суждением о молодом циркулярном, так как до 40 лет нельзя с уверенностью утверждать, что отсутствуют пикнические компоненты. Вопрос о смене явлений (см. гл. 7) именно при этих эпизодически наступающих пикнических компонентах играет немаловажную роль.

У нас было только двое циркулярных моложе 17 лет; оба при хорошо выраженных, округленных формах обнаруживали явное недоразвитие для своего возраста. Из-за недостаточности наблюдений нельзя утверждать, что в этом проявляется определенная закономерность.

D) Распределение типов строения тела по группам: циркулярной и шизофренической

Строение тела и характер
Кречмер, Эрнст

D) Распределение типов строения тела по группам: циркулярной и шизофренической

Прежде чем перейти к более тонкой диагностике строения головы и поверхности тела, следует дать обзор того, как выражаются в цифрах типы строения тела циркулярной и шизофренической групп.

Следует отметить, что, само собой разумеется, не существует резкой разницы между отдельными типами, и, следовательно, отнесение пограничных случаев к той или иной группе не может быть точным. У циркулярных случаи с несомненным преобладанием пикнических структурных элементов мы выделили в отдельную рубрику (58 случаев). Остальные 14 — это смешанные варианты, которые обнаруживают явные пикнические симптомы строения тела, но вместе с тем и сильные гетерогенные налеты, например пикнически-атлетические (5 случаев) и пикнически-астенические смешанные картины. У шизофреников астенически-атлетические смешанные формы мы также рассматриваем особо. Некоторые черты других типов в деталях строения тела мы, разумеется, сможем установить в большом количестве «чистых» случаев. Им следует уделить должное внимание; в связи с наследственностью, характерологией и психотическим построением симптомов они могут быть весьма интересны. В общем статистическом обзоре они не играют никакой роли.

Таблица 5 Строение тела и психическая предрасположенность

	Циркулярные	Шизофреники
Астеническое	4	81
Атлетическое	3	31
Атлетически-астеническое смешанное	2	11
Пикническое	58	2
Пикнические смешанные формы	14	3
Диспластическое	—	34
Расплывчатые картины и не внесенные в рубрики	4	13
Всего	85	175

Картина, которую дает таблица, является показательной и имеет большое

биологическое значение. Разумеется, нельзя полагаться на абсолютные цифровые данные. Надо считаться с пограничными случаями и возможностью возникновения ошибок из экзогенных факторов (см. гл. 7). Следует, прежде всего, помнить, что наши исследования хотя и относятся во всех группах к самым разным внешним условиям жизни, профессиям и возрастам, но все же при этом использовано преимущественно швабское население, поэтому необходимо тщательно проверить и сопоставить этот материал с соматическим состоянием других. Наше подробное сравнение портретов различных немецких племен и других европейских народов позволяет предположить, что и там можно встретить приблизительно сходные, хотя в деталях не совсем одинаковые, соотношения между строением тела и психической предрасположенностью (см. гл. 13). При всех этих оговорках мы можем установить для швабского населения следующее.

Мы находим у циркулярных больных среди большого числа смешанных и неясных картин значительное преобладание пикнических типов строения тела, с одной стороны, при слабом участии классически выраженных астенических, атлетических и диспластических форм тела — с другой.

Напротив, у шизофреников мы находим среди известного числа гетерогенно-смешанных и неясных картин явное преобладание астенических, атлетических и диспластических типов (или их комбинаций), с одной стороны, при слабовыраженном участии классических пикнических форм тела — с другой.

Следовательно, мы можем сделать выводы, что между психической предрасположенностью к маниакально-депрессивным заболеваниям и пикническим типом строения тела существует ясное биологическое родство, между психической предрасположенностью к шизофрении и строением тела астеников, атлетиков и некоторых диспластиков существует ясное биологическое родство, напротив, существует незначительное родство между шизофренией и пикническим типом строения тела, с одной стороны, и циркулярным психозом и астенически-атлетически-диспластическим типом строения тела — с другой.

Глава 3. Строение лица и черепа

Строение тела и характер *Кречмер, Эрнст*

Глава 3. Строение лица и черепа

Учение Галля о черепе дало анатомическому рассмотрению головы на живом человеке установку, которую мы до сих пор не преодолели: душа локализована в мозге, а череп — капсула мозга.

Исходя из этой идеи, было положено бесконечно много труда на то, чтобы из объема и формы мозгового черепа сделать заключение о его содержимом и тем самым определить в конце концов интеллект и психическую предрасположенность его носителя. Поскольку психиатрия стояла на той точке зрения, что «душевные заболевания являются мозговыми заболеваниями», постольку черепу, как сосуду мозга, отдавалось исключительное предпочтение в глазах психиатра. Так продолжалось и после того, как фантазмы Галля были отвергнуты. Этим же объясняется, что для измерения черепа уже давно были выработаны тончайшие методики, а краниометрия развилась почти в самостоятельную научную дисциплину, между тем как морфологическому рассмотрению остальных частей тела и даже лицевого черепа не уделялось подобного внимания.

Как только мы стали рассматривать психиатрические проблемы с конституциональной

точки зрения, наши анатомические интересы сделались совершенно иными. Мы уже больше не говорим: душевные заболевания — мозговые заболевания, но наряду с мозгом видим сумму внутренних желез (в конце концов химизм всего тела вообще), которые, хотя и через мозг, решительнейшим образом воздействуют на психические процессы. Затем следует указать, что железы внутренней секреции постоянно параллельно влияют на две грубо распознаваемые вещи: общий душевный *habitus* и строение тела. Для щитовидной железы это очевидно. Телесной фигуре кретина соответствует определенный психический тип, так что мы, видя такое строение тела, тотчас идем дальше и полагаем: в этом теле находится, вероятно, психика с определенными, клинически известными особенностями. Данная психологическая корреляция не вполне прочна, поскольку телесный и психический типы кретина варьируют и мощному проявлению эндокринной каузальности в росте тела не всегда соответствует столь же сильное проявление в психической области, и наоборот. В большинстве случаев, однако, можно ясно распознать психофизические взаимоотношения. Такую же связь между ростом тела и психическим габитусом мы видим в патологии зародышевых желез у кастратов и евнухидов. Совершенно аналогичные законы непрочной, но в целом ясной корреляции между общим строением тела и психическим предрасположением мы только что установили у шизофреников и циркулярных. Этим мы хотим сказать, что для психиатра не существует более безразличных вещей в строении тела пациентов. Мы больше не знаем «индивидуальных форм» как чего-то случайного, что нас может не заинтересовать. Как легкий симптом Бабинского, как внешняя деталь, способен вскрыть тончайшие изменения центральной нервной системы, так и каждый сантиметр объема кисти и каждый градус угла изгиба челюсти может сделаться показателем конституциональной формулы исследуемого. Ни один волосок на его голове и ни один вариант кончика носа не безразличен нам.

Однако здесь следует сделать оговорку: морфологическая деталь важна лишь в рамках больших типичных общих картин строения тела. При таком взгляде отпадают всякое мелочное, цепляющееся за отдельный признак, искание и переоценка «признаков вырождения». Таким образом, на задний план отодвигается пользовавшаяся долгое время почетом ушная мочка, занявшая теперь скромную второстепенную роль, каковая и подобает ей. Не всякая деталь одинаково важна. Что более или менее важно, мы можем определить эмпирически, путем сравнения с общей картиной, в зависимости от того, обнаруживает ли такая деталь сколько-нибудь закономерную связь с общим типом. Пока мы не имеем общей картины, вряд ли нам что-нибудь дадут усердно собранные детали. Ведь преступник или дегенерат не является биологическим типом ни в телесном, ни в духовном смысле. Поэтому преступник не имеет особых, только ему свойственных ушных мочек.

После того как мы в последней главе познакомились с определенными, до известной степени психофизически согласующимися и поэтому в биологическом смысле истинными типами строения тел, мы можем с совершенно измененной и углубленной постановкой вопроса приступить к проблеме анатомического отдельного симптома.

При этом центр тяжести нашего интереса перемещается от мозгового черепа к лицевому. Мозговой череп интересует нас не в его отношении к мозгу, а как деталь строения тела, особенно малорасчлененная и в своих законах роста плохо выступающая, к тому же подверженная вторичным изменениям формы (травма, давление, возникающее при лежании в детском возрасте). Лицевой череп из всех частей тела представляет нам картину самого богатого морфологического развития, которое затушевывается и изменяется вторичными моментами, например статикой и работой, гораздо незначительнее, чем конечности и туловище или какая бы то ни было другая часть тела. Только в небольшом количестве случаев лицо подвергается

морфологическому влиянию вторичных моментов, например благодаря резкому выпадению зубов в пожилом возрасте, влиянию погоды и ядов на мягкие части (щеки, нос); относительно костей носа надо особенно иметь в виду люэс, что для наших, преимущественно из сельского населения, пациентов не играет существенной роли.

В общем обнаружилось, что черты лица дают в экстракте значительную часть выявляющихся в общем строении тела анатомических структурных принципов или трофических импульсов, вытекающих из его общего неврохимизма. Лицо — это визитная карточка общей индивидуальной конституции. В повседневном суждении о людях обыватели пользуются им как показателем на основании двойного ряда фактов, которые следует различать. Во-первых, в выражении лица выступает на ограниченном пространстве психомоторная формула. Это стоит вне нашей темы. Во-вторых, в строении лица выступает конституциональная формула человека, если угодно, его эндокринная формула, и на этом косвенном пути анатомическая структура лица становится по меньшей мере столь же важным показателем психического габитуса, как и мимическая иннервация. Для неспециалиста, если он является знатоком человека, оба компонента сливаются в общее суждение, когда он по первому взгляду на лицо говорит: этот человек мне нравится или не нравится. Анатомические компоненты, как уже указано во введении, также являются решающим фактором. Для нашего практически-эмпирического суждения по чувству, между тем в рационалистическом смысле это выясняется в мимических проявлениях.

Здесь мы будем иметь дело лишь с анатомическим строением лица как сжатым выражением психофизической конституциональной формулы.

А) типы лица астенических шизофреников: угловой профиль, профиль с длинным носом, с укороченной формой яйца

Строение тела и характер
Кречмер, Эрнст

Таблица 6. Измерение головы астенических шизофреников

	Мужчины	Женщины
Окружность черепа	55,3	53,6
Сагиттальный диаметр	18,0	17,0
Наибольший фронтальный диаметр	15,6	15,0
Вертикальный диаметр	19,9	19,3
Длина лица	7,8:4,5	7,1:4,1
Ширина лица	13,9: 10,5	13,0: 9,7
Длина носа	5,8	5,2

При рассмотрении более тонкой морфологии строения тела нужно соблюдать известную осторожность. Поэтому выше мы говорили о типах лица не у астеников, а у астенических шизофреников. Мы знаем, что у шизофреников, как правило, преимущественно выступают определенные типы строения тела, например астенические, но нам вовсе не известно, является ли шизофреническая, правильнее сказать — шизотимическая (см. ниже), психика единственной, которая стоит в биологической корреляции с астеническим габитусом. Мы можем это считать вероятным на основании изложенных ниже соображений, но не в состоянии это доказать. Следовательно, нам неизвестно заранее, свойственны ли отдельные признаки строения тела всем астеникам или только шизотимикам среди них. Мы еще не уверены

в том, находится ли степень проявления определенных отдельных стигмат во взаимоотношении со степенью лежащих в основе конституциональных особенностей (как это наблюдается при акромегалии); мы не знаем, сильнее ли выражены известные стигматы строения тела у больных или у предрасположенных к болезни шизофреников, чем у здоровых шизотимиков. Такое соотношение степени, разумеется, очень интересует нас в прогностическом смысле. На основании нашего материала мы пока не можем решить вопроса положительно. Кроме того, надо упомянуть, что в некоторых случаях структура лица не развивается параллельно с общей структурой строения тела, и, следовательно, иногда мы можем встретить голову пикнического типа, сидящую на астеническом туловище, и наоборот; однако тогда смешанный тип намечается в строении тела вообще. Особенно среди шизофренической группы мы обнаруживаем отдельные стигматы различных типов, сильно переплетенные друг с другом. Следовательно, здесь, как и всюду в учении о конституции, мы сталкиваемся с тенденцией к сочетанию симптомов, при склонности к вариациям.

Раз и навсегда предпосылая эти соображения о конфигурации лица астенических шизофреников, в резко выраженных случаях нужно сказать следующее: трофическая общая тенденция соответствует остальному телосложению, кожа и мягкие части тонки, бледны, бедны жиром, особенно тонка и гладка при резко выступающих костях кожа на носу. Скелет изящно построен; где он резко выступает, как, например, в скуловой кости и в супраорбитальных дугах, там это объясняется не сильной трофикой костей, а прозрачностью и тонкостью покрывающих их мягких частей. Окружность черепа мала — 55,3 см, и в общем она является здесь наименьшей по сравнению с другими типами. Астенический череп при сопоставлении с другими типами короток, низок, средней ширины. Прежде всего бросается в глаза его короткость (18 см), между тем шириной (15,6 см) он превосходит атлетический череп. Благодаря этому, а также укороченному сагиттальному диаметру мы часто наблюдаем у астеника оптическую картину высокой головы, причем абсолютный диаметр может и не быть увеличенным. В лице повторяется общий принцип роста астеничных мужчин, который заключается в том, что рост в высоту не нарушается, в то время как рост в ширину отстает. Диаметр ширины астенического лица с 13,9: 10,5 см в общем самый меньший, между тем как высота, по крайней мере средней части лица, с 7,8 см соответствует пикническому.

Для зрительного впечатления астеническое лицо кажется длинным и узким, бледным и худым, но резко очерченным. Из-за своей узости оно воспринимается как более длинное, чем на самом деле.

Если проанализировать много серий астенически-шизофренических лиц, то обнаружится своеобразное соотношение, которое диагностически необычайно важно, — несоответствие между слишком длинным носом и гипоплазией нижней челюсти. В портретах больных шизофреников данный астенический мотив часто повторяется. Карикатуристам это давно бросилось в глаза: так, Резничек (Resnizek) в известном рисунке «Семья перед катастрофой» привел вариации ее в целой группе родственников. Менцель (Menzel) фиксировал это в профиле старого Фрица, доведя данный мотив до каменной монументальности.

Особенно резко выступает несоответствие между длинным носом и небольшой нижней челюстью в профиле. Возникает форма, которую можно назвать угловым профилем (рис. 7). Верхние контуры лица, особенно при несколько покатом лбе, идут вдоль спинки носа, господствующего надо всем, косо вперед до кончика носа, а от него косо назад до маленького низкого и короткого подбородка, так что у кончика носа линии соединяются под тупым углом. Нос у таких лиц большей частью узкий, тонкий, заостренный и длинный, кончик носа не вздернут, но несколько вытянут, спинка носа прямая или слегка изогнута. В менее чистых, в конституциональном смысле, случаях

мы находим намеки углового профиля и при полных лицах с тупым носом. Важно иметь это в виду.

Рис. 7. Угловой профиль. Небольшая астеническая форма черепа. Преждевременная старческая инволюция. (Шизофреник, слабоумный от рождения, 39 лет.)

Если мы рассмотрим такое астеническое лицо с фронтальной стороны (рис. 8), то в резко выраженных случаях оно представляет собой укороченную форму яйца, причем контуры нижней челюсти книзу от ушей неожиданно быстро сливаются с кончиком подбородка. Это, прежде всего, объясняется, слабым развитием углов челюсти, которые обычно у более полных людей акцентируют латеральный контур лица, отсутствием жирового слоя боковых частей щек, а кроме того, низким расположением челюстей, их тонкостью и узкой поверхностью дна рта, между ними находящейся. Общий контур нижней челюсти от одного уха через конец подбородка к другому кажется поэтому в фронтальном разрезе сильно изогнутым, угловатым, в то время как при более полных лицах в нем видятся меньший изгиб и закругленность. В не очень выраженных случаях укороченная форма лица выступает нерезко; мы имеем тогда неясно щитовидные формы или вообще нехарактерные очертания. У астеников также наблюдаются выраженные длинные лица с высокой средней частью.

Рис. 8. Лицо с формой укороченного яйца (шизофрения). Тот же, что на рис. 7,

фронтальный снимок.

Описанные пропорции носа и челюсти шизофренических астеников отражаются и в данных наших измерений, при этом средняя длина носа значительна по сравнению с высотой средней части лица (5,8: 7,8; между тем длина носа циркулярных при той же высоте средней части лица равна лишь 5,6). Разница между шириной скуловой кости и шириной нижней челюсти составляет у астеников 3,4, при двух других типах — 3,2, причем особенная степень гипопластической узости астенической нижней челюсти по сравнению с остальным лицом здесь ясно сказывается; надо помнить, что и сама ширина скуловой кости астеников, в среднем 0,3 см, уже, чем при других типах. Нижняя челюсть астеников в среднем не меньше, чем на 0,5 см, уже таковой пикников и атлетиков. Данные измерения и оптическое впечатление вполне согласуются; по отношению к носу и нижней челюсти наш глаз удивительно хорошо и точно отмечает небольшие различия в пропорции лица, причем гораздо точнее, чем на частях тела.

В остальном наблюдаются очень сильные вариации в лице при выступающей гипоплазии нижней челюсти. Только часть астеников обнаруживает классический угловой профиль, ибо не у всех гипоплазия челюсти именно в сагиттальной оси выступает так сильно и ведет поэтому к оттеснению подбородка в профиле лица. И нос не всегда сильно выделяется — часто он лишь длинен, тонок и опущен кончиком вниз. Во всех этих случаях получается простой профиль с длинным носом (рис. 2, 16). И подбородок не всегда должен быть низким; при фронтальном разрезе встречается ясная гипоплазия нижней челюсти, но это может быть не замечено в профиле. Обретя некоторый навык, можно получить представление о многих вариантах лица, которые базируются на том же трофическом основном принципе — длинном носе с гипоплазией нижней челюсти.

Угловой профиль и родственные ему формы лица принадлежат к наиболее частым специальным стигмам строения тела шизофренической группы, но этот мотив иногда также выступает у совершенно иначе построенных лиц — атлетиков и диспластиков. Если мы, что бывает редко, в пикнических лицах более пожилого возраста встречаем такие признаки, то должны искать в них шизотимические налеты наследственности и часто находим их. Среди моих пациентов у 74 пикнических циркулярных только в 7 случаях наблюдался слишком длинный по сравнению с остальными частями лица, вытянутый нос. Весьма интересно рассмотреть их с клинической и наследственной точек зрения. Случай I (ог): не чистый вариант старческой депрессии с параноидным расстройством настроения, со ступором неопрятности и склонностью к слабоумию. Случай II: у матери тяжелая дегенеративная истерия, брат в периоде созревания обнаруживал шизоидные черты и низко пал. Случай III: отец — эпилептик, жестокий, аутистичный, чудака и изобретатель. Случай IV: сестра матери со странностями, брат матери страдал клинически нечистым циркулярным психозом с обильными идеями преследования и воздействия. Сын сестры страдает неясным психозом, временами напоминающим шизофрению. Случай V: родители отличались ханженством, сестра — шизофреничка. Случай VI: мать аутистична, замкнута, строга. Случай VII: мать аутистична, молчалива, упряма, недружелюбна, заболела на 60-м году неизлечимым психозом, подолгу сидела в неподвижной позе, временами что-то выкрикивала (поздняя кататония).

Это краткое перечисление говорит само за себя, особенно если знать шизофреническую характерологию и наследственность. Где встречаются длинные носы, там мы часто находим у близких родственников нечистые параноидные психозы, случаи шизофрении, а также шизотимические личности. Этим мы не хотим сказать, что не бывает случаев, когда взаимоотношений нельзя вскрыть, ибо законы

наследственности не представляют собой простого арифметического примера.

Что касается вариантов в астенически-шизофренической конфигурации головы, то, наряду с описанными просто маленькими черепами, мы встречаем еще и более характерные формы. Легкие степени пузырчатого черепа наблюдаются нередко. При этом мозговой череп расширяется над ушами и может сильно сужаться по направлению ко лбу. Лицо, построенное в остальном совершенно астенически, расширяется затем несколько кверху, чтобы приобрести связь с более широким основанием черепа. Такой внешний облик, который может быть принят за полное и широкое лицо, не должен нас вводить в заблуждение. Мы пока не можем ответить, является эта форма черепа следствием легкого hydrocephalus или стоит в связи с законами роста костей.

Наряду с высокой головой приводящим моментом астенической морфологии нередко является череп в форме башни, который играет большую роль у некоторых шизофренических диспластиков с длинным ростом. При фронтальном разрезе мы находим, что лоб кверху конически сужается, при изучении профиля обнаруживаем, что затылок круто поднимается, темя идет кверху и так резко падает по направлению ко лбу, что спереди густые волосы резко поднимаются; это придает некоторым лицам своеобразное выражение.

Ладьеобразный череп я нашел во всем моем шизофреническом материале только 2 раза, но очень резко выраженный. При такой резкости его нельзя допустить, что он стоит в прямом внутреннем взаимоотношении с шизофренической группой психозов. Скорее всего здесь играют роль гетерогенные каузальные моменты, вероятно, дегенеративного характера.

Уже упоминалось, что атлетические и в некоторых случаях также гипопластические (см. ниже) формы лица встречаются при астеническом теле; особенно часты здесь смешанные формы.

По строению как лица, так и тела астенические женщины отличаются от мужчин. У женщин оно меньше не только в ширину, но и в высоту. Длина носа такая же, как и у циркулярных женщин, средняя часть лица даже меньше, чем у последних. Поэтому лица астенических женщин при оптическом впечатлении кажутся не столь узкими и длинными, как у мужчин, но уменьшенными и низкими. Узкий остроконечный нос и гипопластическая челюсть совершенно одинаковы как у тех, так и у других. Гетерогенные формы лица гипопластического характера у астенических женщин мы встречаем несколько чаще, чем у мужчин, и у первых, несомненно, гораздо больше нехарактерных, морфологических неточных форм. Некоторые женские астенические лица производят впечатление круглых и мягких, так как нежная узкая структура их костей прикрывается некоторой одутловатостью кожи.

В) типы лица шизофренических атлетов: вытянутая форма яйца, плотная высокая голова

Строение тела и характер Кречмер, Эрнст

Таблица 7. Размеры головы шизофренических атлетов

	Мужчины	Женщины
Окружность черепа	56,0	54,8
Сагиттальный диаметр	18,7	17,6
Наибольший фронтальный диаметр	15,3	15,4

Вертикальный диаметр	20,6	19,6
Высота лица	8,3: 5,2	7,6:4,6
Ширина лица	14,2: 11,0	13,7: 10,5
Длина носа	5,8	5,7

Об атлетических формах лица мы можем сказать гораздо меньше. Они, как и строение тела, характеризуются в общем повышенной трофикой костей и кожи (мышцы играют здесь незначительную роль). Кожа толста, иногда свежа и с хорошим тургором, а иногда нечиста, с наклонностью к аспе, часто пастозна и несколько одутловата. Цвет преимущественно бледный. Костный рельеф во многих случаях пластически вырисовывается, что можно видеть по выпуклым надбровным дугам, компактному рисунку скуловых костей в плотной нижней челюсти; *protuberantia occipitalis* — хороший реактив на общую трофику костей, но она никогда у атлетических шизофреников не выступает лопатой, как при акромегалии. Жир на лице незначителен, но я его видел в обильном количестве при пастозных щитовидных формах, особенно в сочетании с диффузным распределением жира на теле известных дисгенитальных типов.

Рис. 9. Вытянутая форма лица. Высокая средняя часть лица, высокий подбородок. (Шизофрения.)

Объем черепа — средний. Форма черепа в общем высокая, узкая, средней длины. Форма затылка изменчива, то с выступом, то с крутизной. Тенденция к черепу в форме башни наблюдается в отдельных случаях.

Формы профиля атлетиков дают мало характерного, преобладают тупоносые с грубыми костями, с высоким подбородком и слабым изгибом профиля (в противоположность сильному общему изгибу контурных линий угловых профилей). Наряду с этим в большом количестве встречаются формы с угловым профилем и признаки профиля с длинным носом.

Атлетические лица часто очень высоки, особенно средняя часть может достигать значительной высоты (9,09 см). И подбородок в среднем высок, в отдельных случаях шишкообразно выступает. Этим объясняется, почему многие атлетические лица, несмотря на значительную абсолютную ширину, кажутся длинными.

Фронтальное очертание лица определяется описанными размерами. При большом диаметре в высоту лицо приобретает вытянутую форму яйца (рис. 9), при этом подбородок сдвинут книзу, а контуры челюсти круто поднимаются к уху. Данный характер яйцевидной формы имеет иную анатомическую основу, чем укороченный астенический овал, поскольку эта форма обуславливается не гипоплазией нижней челюсти, а гипоплазией в длину средней части лица и подбородка. Вся атлетическая голова, мозговой череп и лицо в профиль кажутся высокими, сагиттальный диаметр в оптическом впечатлении отступает на задний план. В общем создается ощущение плотной, высокой головы. Эта картина противоположна форме пикнической головы, которая из-за плоского контура темени, закругленного затылка и несколько выдающейся нижней челюсти кажется длинной и низкой (ср. рис. 10 и 13).

Если развитие лица в длину не доминирует и изгиб нижней челюсти ниже и шире, то получается очертание лица щитовидной формы, которая при чисто морфологическом рассмотрении отличается от плоских пятиугольных форм лица пикников только своей большей высотой; такую форму невозможно резко отграничить от последних. Щитовидное атлетическое лицо представлено в нашем материале вдвое реже, чем лицо с формой вытянутого яйца, которое наиболее часто наблюдается у атлетов. Наряду с этим мы встречаем морфологически переходные формы между вытянутым и укороченным овалами.

Рис. 10. Плотная высокая голова. Вздутость костей. (Акромегалия.)

У атлетических женщин лица с формой вытянутого яйца также нередки. Кроме того, мы находим у них гипертрофию средней части лица, скорее идущую в ширину, так что получаются массивные широкие лица с некрасивыми костями щек. С этим может сочетаться обильное отложение жира. В противоположность пикническим широким лицам здесь сильно доминирует ширина скуловых костей, так что очертание кажется не пятиугольным, а семиугольным или обнаруживает бесформенную грубую округленность.

Рис. 11. Плотное мужское лицо атлетической шизофренички. (25 лет.)

**С) типы лица циркулярных пикников:
плоский пятиугольный тип**

**Строение тела и
характер**
Кречмер, Эрнст

Таблица 8. Размер головы циркулярных пикников

	Мужчины	Женщины
Окружность черепа	57,3	54,5
Сагиттальный диаметр	18,9	17,1
Наибольший фронтальный диаметр	15,8	15,0
Вертикальный диаметр	20,3	19,1
Высота лица	7,8: 4,8	7,3: 4,3
Ширина лица	14,3. 11,0	13,3: 10,4
Длина носа	5,5	5,2

Словосочетание «пикническое лицо» — верное отражение пикнического строения тела. Оно имеет тенденцию к ширине, мягкости и закругленности. Над ним большой, круглый, широкий и глубокий, но не очень высокий череп. Кожа лица мягко облегает маловыступающий костяк, кожные сосуды при этом просвечивают, щеки не склонны к красноте. Скелет при хорошем развитии отдельных форм имеет тенденцию к ширине и уплотнению, но не очень груб. Жировой слой обилен, у пожилых людей он особенно концентрируется на боковых нижних частях щек, перед углом челюсти и в подбородочной области (заполнение угла между подбородком и гортанью). При этом рисунок характерных частей лица, лба, носа, скуловой кости, подбородка вовсе не стирается (в противоположность диффузному ступеиванию черт лица некоторых жирных диспластиков), поэтому среди более пожилых циркулярных встречаются нередко очень красивые энергичные и выразительные лица (рис. 12 и 13). У старых пикников обильное отложение жира под кожей способствует оттенению важных для выражения лица линий, особенно носогубных складок, благодаря чему получают удивительно пластические живописные формы. Молодые пикнические лица не имеют таких резких форм, они кажутся полными, крупными, мягкими и, если окрашены, цветущими, а эта мягкость при известных формах циклотимических темпераментов сочетается с психическими проявлениями добросердечия (рис. 14, 15).

Профили пикников слабо изогнуты, невысоки, в деталях контуров носа, губ и подбородка отчетливы, но не резки и не выступают вперед. Взаимоотношения между лбом и средней частью лица, носом и подбородком, как правило, весьма гармоничны и в своих пропорциях могут служить индексом для средних величин. Об астеническом общем впечатлении мы можем (не касаясь диспластиков) сказать: шизофренические лица интереснее, циркулярные —правильнее.

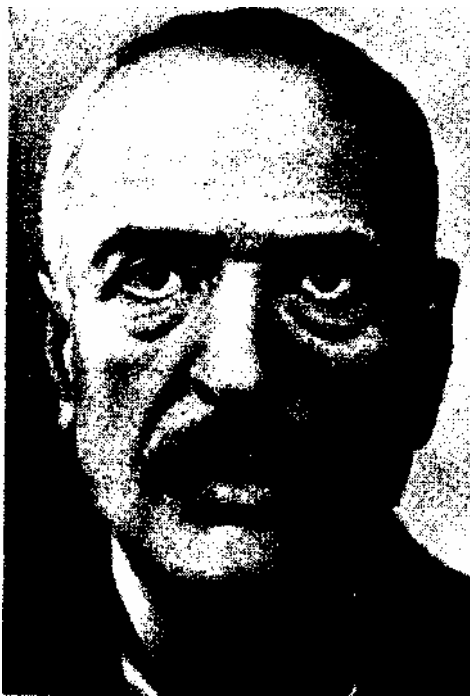

Рис. 12. Широкая щитовидная форма лица. (65 лет.)

Рис. 13. Пикническая форма профиля черепа. (Тот же, что и на рис. 12.)

Если лица полноценных шизотимиков из культурных семей производят впечатление рельефным строением скелета, оригинальным профилем, резко выступающим вперед носом или благородным спокойствием вытянутого лица, то одухотворенные лица

старых цикликов обладают пластическими формами и гармонией между главными частями. Мы лишь попутно упоминаем об этом, имея в виду диагноз изображенных на портретах людей, о чем речь пойдет ниже.

Фронтальные очертания пикнических лиц в резко выраженных случаях варьируют вокруг основной формы плоского пятиугольника (рис. 14). Лица средней высоты широки. Нижняя челюсть при фронтальном рассмотрении плоско изогнута и поэтому производит впечатление более широкой, чем на самом деле (абсолютные размеры ширины не больше, чем у атлетиков). Данное впечатление усиливается отложением жира на боковых поверхностях челюсти, благодаря чему только и получается пятиугольная форма, если сама челюсть не очень пикнически выражена. Поэтому пятиугольная форма у старых лиц отчетливее, чем у молодых. Если *turgor* кожи слабеет, то богатая жиром боковая часть щек вследствие тяжести опускается. Она совершенно перпендикулярно оттягивает боковые контуры лица, так что от виска до угла челюсти образуется почти прямая линия, которая не прерывается слабовыступающей скуловой костью. На углах челюсти контуры перегибаются в горизонтально идущие с небольшим уклоном к подбородку нижние контуры лица, причем оба контура челюсти слева направо сливаются в тупой угол у подбородка. Так, очертания лица, если их схематизировать, получают форму плоского пятиугольника, который образуется из верхней горизонтальной линии, идущей от обоих висков вдоль верхней границы лба, и двух боковых вертикальных (от угла виска до угла челюсти) и внизу из двух линий, идущих по краям нижней челюсти и соединяющихся в тупой угол.

И у циркулярных молодого возраста можно встретить эту широкую пятиугольную форму, если челюсть широка и плоска. Обычно у молодых боковые границы пятиугольника не образуют перпендикулярной линии, но идут книзу несколько косо, общее оптическое впечатление при этом не особенно изменяется.

Рис. 14. Плоская пятиугольная форма лица. Пикнический габитус молодого человека. (Эндогенная депрессия.)

Нос, по крайней мере у швабов, средней величины, с прямой или вогнутой спинкой, на корне ясно обрублен, скорее широкий, но не приплюснутый, кончик носа мясистый, толстый, не вздернут и не вытянут, ноздри широко развернуты. У старых пикников довольно часто нос красный, нередко даже доходит до *Acne rosacea*, иногда до *Rhinophyma*.

Рис. 15. Пикнический габитус молодого человека. Мягкая поверхность. Слабый изгиб профиля. Гармонические пропорции лица. (Тот же самый, что и на рис. 14, профиль.)

Глаза циркулярных малы и глубоко посажены. В отдельных случаях наблюдается exophthalmus.

Лоб красивый, широкий, выпуклый; череп, как уже сказано, большой, круглый и по объему превосходит (особенно у мужчин) лбы у остальных типов. На рис. 13 представлена красивая пикническая форма черепа, с плоскими теменными контурами и хорошо развитой округленностью затылка. Пикнический череп превосходит сагиттальным и поперечным диаметром остальные, тогда как высота его незначительна.

Сравнение рис. 10 и 13 делает отчетливой разницу между атлетическим и пикническим черепами. У атлетов в оптическом впечатлении всего черепа доминирует диаметр высоты (прежде всего благодаря высоте лица; сравни на обоих портретах расстояние от нижнего кончика уха к основанию челюсти), у пикников — диаметр глубины.

О пикнических вариантах лица можно сказать следующее: не всюду ясно выступает плоская пятиугольная форма фронтального очертания. Мы скорее видим просто мягкие, широкие, круглые лица, которые по анатомической структуре и размерам сходны с пятиугольным типом, но не достигают его морфологической четкости.

Ранее упоминалось, что между 17 и 30 годами у типичных пикников также можно наблюдать удлиненные овальные формы лица. Вообще складывается впечатление, что в этом возрасте у пикников яснее всего выступают гетерогенные конституциональные налеты (например, длинная шея, узкое строение, атлетическая мускулатура), в то время как с годами такие чуждые элементы совершенно затушевываются благодаря пикническому слою жира и характерному перемещению пропорции шеи и плеч. Но это касается лишь незначительной части пикников, между тем как у большинства и в юношеском возрасте именно в формах лица уже имеются совершенно типичные отпечатки.

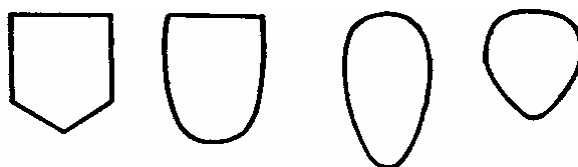

Рис. 16. Фронтальные очертания лица (схематически): а) плоский пятиугольник, б) широкая щитовидная форма, с) удлиненная форма яйца, d) укороченная форма яйца.

Если высота средней части лица больше средней, то плоская пятиугольная форма лица переходит в широкую щитовидную форму (рис. 12), которая у пикников встречается чаще. Все-таки значительная высота средней части лица, а также сужение или иная гипоплазия нижней челюсти всегда будет смущать. Придется думать о гетерогенных наследственных налетах, если ширина лица не в одинаковой степени вызывается нижней челюстью и скуловой костью, а исключительно последней. В этом случае массивно выступающие кости щек нарушают обычно прямые боковые линии контуров лица. Уже шла речь об очень длинных вытянутых носах у циркулярных. Наконец, мне кажется, что правильно будет думать о чуждых конституциональных элементах там, где вместо плоской круглой головы наблюдается тенденция к остроконечной голове.

Формы лица и черепа у пикнических женщин не обнаруживают никаких особенностей, они только благодаря незначительному росту, по абсолютным данным измерения, иногда несколько отстают от атлетичек. Круглые лица молодых циркулярных женщин могут быть довольно небольшими и нежными. В дифференциально-диагностическом отношении следует предостеречь от смешения с атлетическими широкими лицами, тем более что они могут отличаться большим количеством жира. Не касаясь общего строения тела, от такого смешения предохраняет более грубое строение костей лицевого скелета и превалирование ширины скуловой кости.

Глава 4. Поверхность тела

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Из констатируемых конституциональных стигм на поверхности тела наиболее важным, особенно у мужчин, является волосяной покров. Затем на очереди стоит: цвет кожи, vasomotorium, состояние сосудов. Консистенцию кожи, ее толщину, плотность, эластичность можно, к сожалению, характеризовать лишь весьма приблизительно, и поэтому эти показатели допустимо использовать лишь при грубых отклонениях. То же касается и влажности кожи, которая во многом зависит от внешних моментов, от движения и комнатной температуры.

А) волосяной покров

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Нам хорошо известно по явлениям периода созревания, а затем из патологии половых желез, гипофиза и щитовидной железы, как тесно связан рост волос с эндокринными моментами. Поэтому можно считать, что развитие волос является особенно тонким реагентом на конституциональные предрасположения.

Что представляет собой нормальное развитие волос взрослого человека? Нелепый вопрос. Мы замечаем, что по степени развития волос выделяются различные типы, которые только тогда можно считать ненормальными, когда волосяной покров достигает чрезмерного развития. Чтобы понять эти типы, следует предпослать некоторые сведения о мужской волосистости. Различают первичную волосистость и терминальную волосистость. Первичная волосистость детского возраста состоит из волос на голове, бровей (и ресниц) и слабовидимого пушка на остальном теле. В период полового созревания появляется терминальный волосяной покров в следующем порядке: волосы на половых органах и под мышками, борода (причем вначале усы), волосы на туловище. Одновременно с этими процессами происходит превращение пушка конечностей в более плотные терминальные волосы, причем на ногах сильнее и раньше, чем на руках.

Из этих групп терминальной волосистости наиболее ранние по времени являются вместе с тем и наиболее постоянными. Недостаточное развитие волос на половых органах и под мышками мы встречаем в зрелом возрасте очень редко, и тогда оно связано с серьезными расстройствами развития физической и психической сферы, что следует толковать как диспластическую ненормальность. Это же касается длительного отсутствия усов и волос на подбородке, между тем как бакенбарды не постоянны у вполне развитых мужчин. Еще больше касается это развития волос на туловище, на котором у здоровых мужчин они или выступают весьма слабо, или образуют покров на всей поверхности. Важно знать их точную локализацию. Мы находим типичный волосяной центр над нижней половиной грудины. Здесь волосы очень редко отсутствуют даже у мужчин со слабым развитием волос. При благоприятных условиях роста вокруг этого центра группируется треугольная волосистая зона на груди. Оба базальных угла треугольника окружают грудные соски, между тем как острый угол сверху почти касается *manubrium*. При этом распространении рост волос под ложечкой, как правило, сильнее. Отсюда у более волосатых идет мост к верхушке лобковых волос. Спина у большинства мужчин лишь слабо или вовсе не покрыта волосами. Центр роста располагается между лопатками, откуда у более волосатых через дельтовидные мышцы может идти тонкий мостик к центру груди, так что вокруг лопаток и груди ложится волосяное кольцо. Ниже лопаток волосяной покров теряется без резких границ.

Видимая волосистость ног принадлежит к более постоянным признакам, во всяком случае она значительно постояннее, чем волосистость на туловище. Те случаи, когда в зрелом мужском возрасте она отсутствует или лишь слабо намечена, надо причислить к диспластическим ненормальностям. Гораздо изменчивее и в среднем слабее развита волосистость на руках; все-таки полное отсутствие ее должно обратить на себя внимание.

Следовательно, силу трофических импульсов к волосистости у человека определяют не только по количеству и скорости роста волос, но и по их групповому распределению; при этом лиц с редкой бородой и со слабой растительностью на половых органах следует отнести к группе с весьма пониженной волосистостью, тех, у которых ноги очень слабо покрыты волосами, надо причислить к группе с просто пониженной волосистостью; наоборот, более выраженный волосяной покров вне вышеописанных центров волосистости на туловище, например на боковых частях живота и поясницы, находят преимущественно у людей с очень сильным волосяным покровом.

Этому соответствует тип терминальной волосистости у женщин, который можно рассматривать как ослабление мужского типа, причем постоянные волосяные части у мужчины (половые органы и подмышечные впадины) имеются и у женщин. На местах, более слабо предрасположенных к волосистости, — на верхней губе, подбородке и ногах — часто можно заметить слабые налеты и у женщин, причем известно, что растительность на подбородке появляется после инволюции, между тем туловище и руки, как самые непостоянные области у мужчины, остаются обыкновенно свободными и у женщин. По этой шкале определяется приблизительно степень ненормальной волосистости у женщин.

Время наступления мужской терминальной растительности сильно колеблется, по крайней мере у нашего населения. Только растительность на половых органах и в подмышечных впадинах надо считать законченной к 16—17 годам, между тем как отсутствие растительности на бороде до 22 лет и на туловище до 25 не предполагает чего-то особенного. Одновременно с развитием терминальных волос происходит в общем известная тенденция к обратному развитию первичных волос.

Наконец, надо обратить внимание, особенно в отношении волос на туловище, на атипичную локализацию роста волос вне описанных центров, на их длину, консистенцию и направление роста (прямо стоят или лежат). Как мы увидим, имеет значение и сохранение пушка.

После этих предварительных замечаний мы можем приступить к описанию отдельных типов волосистости, которые обнаруживают ясные взаимоотношения с вышеописанными типами строения тела.

Вначале опишем циркулярных пикников, так как они меньше всего обнаруживают отклонений от только что указанных норм. Нелегко судить о волосах по голове мужчины, поскольку часто они зависят от стрижки и прически. Тем не менее создается впечатление, что и у циркулярных волосы мягки, не очень густы, не щетинисты и не прилизаны, слегка вьются и хорошо расчесываются, когда их много. В моих листах в 26 случаях отмечены мягкие и только в 6 случаях щетинистые волосы. Это, разумеется, субъективная оценка. Пикнические головные волосы не обнаруживают усиленного роста, приближаясь к лицу, скорее они даже несколько отстают; тогда на висках появляется Geheimratzwinkel, тем не менее одинаково часты и горизонтально идущие границы волос на лбу. Склонность к образованию лысины у пикников в среднем несколько больше, чем в шизофренических группах. У шизофреников я отметил лысины у 30 %, у циркулярных приблизительно у 40 %. Характер лысин также весьма различен. Красивая пикническая лысина как бы полирована, кругла, как бильярдным шар. На блестящей поверхности прямо или несколько волнообразно лежат в довольно правильном порядке длинные, нежные вьющиеся волоски. В остальном лысина ясно отграничена от сохранившейся растительности. Она бухтообразно идет от висков или лба к средней части головы или располагается вокруг позвоночной области.

Напротив, лысины, которые часто наблюдаются у шизофреников, своеобразно контрастируют с описанными. Здесь мы находим, например, тип лысины, который производит впечатление изъеденной мышами волосяной поверхности. Лысина не полна, плохо отграничена, полупустые места сменяются сохранившимися низкими, пушистыми группами волос. Поверхность лысины вовсе не блестящая, скорее, матовая и имеет тенденцию к образованию резко очерченных складок, которые в прямом направлении могут пересекать темя и выглядеть издали как ножевые порезы. Затем у шизофреников встречаются совершенно атипичные локализации лысин. Одна из форм, например, захватывает спереди лоб, отделенный от сохранившихся волос прямой поперечной линией, так что возникает впечатление, будто выступ, идущий от углов висков, пересечен прямой линией и удален. Бывают иногда причудливые лысины в центре средней части головы (не сзади, ближе к области позвоночника), в таких случаях спереди, ближе ко лбу, остается узкая полоса или только пушистый пучок волос.

Вернемся к волосяному покрову у циркулярных. Их брови средней величины. Растительность на бороде имеет диагностическое значение, она распределяется довольно равномерно, не отдавая предпочтения какой-нибудь отдельной части, границы ее идут далеко, так что она как бы вырастает в лицо и шею. Волоски бороды средней консистенции, скорее мягки и волнообразны. На старых фотографиях из времен моды на длинные бороды можно видеть, что пикники имеют красивые окладистые бороды.

Волосяной покров пикников на половых органах и в подмышечных впадинах имеет характерные особенности. Он очень сильно развит, волосы плотны и столь длинные, что резко выступают из подмышек, а небольшие половые органы почти скрываются в них. Волосяной покров туловища средний и локализуется типично, согласно сделанным в

предварительных замечаниях указаниям. Отдельные волоски средней плотности растут, как правило, прямо, завиваясь на кончике. Чрезмерно сильное развитие волос я видел у циркулярных лишь в отдельных случаях, конституциональная чистота которых для меня была не совсем ясна. Слабовыраженное развитие волос на туловище довольно редко. Волосяной покров конечностей у циркулярных в общем средний, развитие терминального волосяного покрова у молодых пикников я нашел скорее запоздавшим, чем преждевременным.

Теперь перейдем к волосяному покрову шизофреников.

У молодых шизофреников до 20 лет, особенно у астенической группы, мы нередко находим чрезмерное развитие первичного волосяного покрова.

Рис. 17. Волосы, напоминающие меховую шапку у астенического шизофреника.

Волосы на голове не только очень густы, но распространяются за пределы своих обычных границ. Они врастают в затылок лоб и виски, так что бухта в углу висков стирается и на боковых частях последних соединяется более или менее тонким волосяным мостиком с бровями. Брови разрастаются, они очень широки, густы и сливаются также между собой над корнем носа. Так возникает непрерывное кольцо волос, которое венцеобразно окружает лоб замкнутым кругом, идущим от головы к бровям. Тип волосяного покрова, который мы только что описали, с густой растительностью, далеко захватывающий лицо и затылок, можно назвать меховой шапкой. небольшой астенический череп с резко выступающим угловым профилем при ясно очерченной растительности иногда производит впечатление головы курицы. Нередко в разрастании первичного волосяного покрова принимает участие и пушок, особенно в той форме, в которой от краев волос на затылке идут вдоль позвоночного столба ясно видимые полосы пушка, то же самое наблюдается на наружной поверхности рук и груди.

Описанный первичный тип волосистости до известной степени сохраняется только у части шизофреников, если он есть у них первоначально. Тем не менее и у пожилых шизофреников мы довольно часто встречали мостики волос на висках и при сильном развитии бровей сращение их у корня носа (отсюда возникло старое учение о сросшихся бровях как *Stigma degenerationis*). Слабое слияние бровей при тщательном исследовании весьма часто встречается и у циркулярных. Напротив, грубые сращения бровей между собою и ясное слияние их с волосами на голове у висков я наблюдал у циркулярных лишь в отдельных случаях. Три случая циркулярных с срастанием бровей

на висках имели следующую характерную наследственность: случай 1 (ж) — дочь шизофреничка (находилась на излечении); случай 2 (м) брат шизофреник случай 3 (м) — мать шизофреничка.

На голове волосы сильнее выражены и дольше сохраняются у старых шизофреников, чем у циркулярных. Лысины, как уже сказано, у шизофреников встречаются реже, и прежде всего они редко так велики, полны и обычно имеют вышеописанные формы. Чаще, чем у циркулярных, отдельные волоски отличаются жесткостью и даже щетинистостью. Они хорошо ложатся, но в них нет мягкости и легкости. Однако у астеничных и гипопластичных шизофреников встречается форма, при которой тонкая и не очень густая растительность плотно и гладко прилегает к коже головы. Таким образом, если у шизофреников в общем первичный волосяной покров экстенсивно и интенсивно увеличен и сравнительно долго сохраняется, то в отношении терминальных волос мы наблюдаем обратное состояние. Растительность на бороде у большинства шизофреников слабо развита (ср. рис. 7 и 8), она узко отграничена, отсутствует вокруг рта, неравномерно распределена, её значительно больше на подбородке и верхней губе.

Среди 92 подробно в этом плане исследованных шизофреников я нашел 60 со слабой растительностью на бороде, 21 со средней и лишь 11 с сильной. Слабая растительность на бороде встречается у многих астеников, затем у диспластиков, особенно евнухоидной группы, при которой могут быть лишь следы растительности, и у атлетических шизофреников.

Я констатировал на бороде скорее слабую, чем сильную, растительность. Шизофреники с солидными бородами преимущественно принадлежат к двум небольшим группам строения тела. Среди атлетиков это неуклюжие, пастозные субъекты со щитовидным очертанием лица и небольшая характерная группа с высоким черепом в форме башни. О них мы будем говорить позже. Здесь растительность на бороде очень эксцессивна и имеет характер щетины.

Волосяной покров половых органов и подмышечных впадинах у большинства шизофреников — средней степени. Лица с обильным волосяным покровом встречаются довольно редко, напротив, в значительном проценте случаев волосяной покров половых органов и подмышечных впадин слаб и недостаточен — факт, который, как мы выше упомянули, имеет большое биологическое значение. Слабый волосяной покров наблюдается, прежде всего у астеников и диспластиков, ближе стоящих к евнухоидной группе. У исследованных подробнее в этом отношении шизофреников я два раза отметил сильную волосистость половых частей, 25 — раз среднюю и 18 — слабую.

Как и следовало ожидать, волосяной покров на туловище шизофреников гораздо слабее (отметки: 8 — сильно, 10 — средне и 29 — слабо). Сильный волосяной покров с нормальным распределением встречается в атлетической группе. Среди большинства астеников со слабо развитыми волосами мы находим интересный тип, когда волосы начинают поздно расти.

Для этого типа характерен довольно интенсивный рост волос на туловище и конечностях в более пожилом возрасте, причем отдельные волосы (в противоположность пикническому типу) коротки, ровны и хорошо прилегают к коже. Волосы на половых органах и в подмышечных впадинах тоже отличаются гладкостью. Такой волосяной покров помимо ног встречается на верхних частях груди и плеч, причем он может охватить их пояском, согласно описанной выше форме. Сильный рост волос между лопатками у астенических фтизиков нередко наблюдался

интернистами и отчасти рассматривался как стигмат. Мне, кроме того, кажется, что астенический поздний рост волос на груди имеет тенденцию локализоваться несколько выше, достигает надгортанной ямки, а нижние части грудины оставляет свободными. Однако мой материал еще недостаточен для правильного решения этого вопроса.

Волосистость ногу шизофреников большей частью выражена слабо и только в редких случаях очень сильно.

У женщин рост волос имеет значительно меньшее диагностическое значение, во-первых, вследствие его пространственной ограниченности, а во-вторых, потому, что более точное исследование наталкивается часто на внешние трудности. Первичная волосистость, по-видимому, такая же, как и у мужского типа: у циркулярных женщин средний и даже слабый рост волос на голове, у шизофреничек нередко тенденция к зарастанию и затушевыванию височных углов. Отдельные волоски у шизофреничек жестки, длинные и пышны, подобно конской гриве, однако у некоторых астеничек и диспластичек коротки, как у детей, шелковисты и тонки.

Брови, аксилярная и генитальная волосистость у женщин в общем так же развиты, как у мужчин. В отношении растительности на подбородке, туловище и конечностях я не нашел у женщин никаких различий между циркулярными и шизофреничками; при этом мы не касаемся описанных уже у молодых людей шизофренических гипертрофии пушка. Иногда мы встречаем слабый намек на бороду, несколько отдельных волосков на грудных железах и более сильный волосистой покров на ногах.

В) состояние кожи

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Самые важные различия находятся здесь в области сосудистой системы кожи. Мы видим, что цвет лица у циркулярных в большинстве случаев окрашен, шизофреники всех групп преимущественно бледны. Мною сделаны следующие отметки у циркулярных мужчин: цвет лица бледный — 8, средний — 12, окрашен — 21 случай; у шизофреников: бледный — 87, средний — 21, окрашен — 10 случаев. У женщин данные аналогичны. Я считаю эти вазомоторные различия диагностически довольно важными. Нередко мне у здоровых шизотимиков также бросалось в глаза, что, несмотря на астеническое строение тела, живая окраска и большая вазомоторная возбудимость их кожи лица давали циклотимически наследственные налеты, которые с характерологической стороны выявлялись, например, в юморе или добродушии.

Окраска лица циркулярных заметна преимущественно на щеках и носу. Мы чрезвычайно часто находим у пожилых индивидуумов небольшие сосуды кожи, просвечивающие в виде красных жилок на щеках и носу, — обстоятельство, свидетельствующее о том, что сильная игра вазомоторов данных областей ведет к длительным эктазиям кожных сосудов. Этим объясняется, пожалуй, известная диспозиция к аспе rosacea, о чем мы уже упоминали. Кроме этой более сильной длительной окраски, можно отметить иногда значительную вазомоторную чувствительность лица на термические и аффективные раздражения. Что касается остальной сосудистой системы, то я не смог выявить повышенной восприимчивости циркулярных к артериосклерозу в своих, очень суммарных наблюдениях. Отдельные случаи инсультов и повышенного кровяного давления мы, разумеется, встречаем в нашем материале. Этот вопрос следовало бы дополнительно разработать с помощью специальных исследований, так как интернисты вполне справедливо указывают на конституциональную связь этих случаев с такими формами строения тела, которые очень напоминают пикнические.

Бледный цвет лица среди циркулярных я обнаружил у некоторых молодых пациентов.

Необычайно цветущий, свежий цвет лица нередко встречается у молодых циркулярных женщин. Я не могу решить вопрос, имеется ли здесь какая-нибудь закономерность.

Цвет кожи у шизофреников всех возрастов преимущественно бледный, часто с уклоном в желтоватый или сыровидно-пастозный, иногда с бледно-коричневой пигментацией. Среди незначительного числа окрашенных шизофренических лиц я, при других окрасках, вызванных аспе, в отдельных случаях сталкивался со своеобразным вишнево-красным цветом щек, несколько варьирующим в синеватый; над ними толстая, почти микседематозная кожа; возможно, что этот цветной тон обуславливается оптическими законами действия рядом лежащей тусклой среды. Я уже упоминал о тенденции к аспе у отдельных атлетиков. Впрочем, у некоторых атлетиков при обычно коричневато-бледном цвете лица в состоянии аффекта появляется темно-красная окраска. По отношению к остальной сосудистой системе, особенно у астеников, следует указать на тонкость, нежность и незначительную высоту пульсовой волны радиальных сосудов. И капельное сердце у астеников уже давно известное явление для интернистов. Дистальный цианоз — ставшая привычной особенностью: сине-красные, бледные, влажные руки и ноги очень часто встречаются у шизофреников, особенно среди астенической группы. Этот дистальный цианоз контрастирует с бледностью лица и остальной части тела. У циркулярных подобное бывает несравненно реже. Уже упоминалось, что кожа астеников большей частью тонка и бедна жиром; она дрябля и малоэластична. У немолодых индивидуумов она легко приподнимается длинными, тонкими складками. У рано стареющих астеников мы часто находим в лице тонко морщинистую *geroderma*, которую описал Бауар у дисгенитальных. Кожный покров тогда может быть сухим, напоминающим камыш. Кожа атлетиков, как мы видели, большей частью толста и жестка, при умеренном подкожно-жировом слое (по крайней мере у мужчин). У отдельных диспластиков мы наблюдаем микседематозно-утолщенную неэластичную кожу над скуловыми костями; на наружной поверхности это качество кожи легче всего заметно. Кожа пикников при обильном, мягком подкожно-жировом слое характеризуется, так сказать, промежуточными качествами. Дистально на конечностях, где отложение жира при пикническом типе и без того не особенно сильно развито, в более пожилом возрасте оно может почти исчезнуть, так что грациозная, все еще широкая, короткая рука имеет мягкую, дряблую, плохо прилегающую кожу.

Глава 5. Диспластические специальные типы

Строение тела и характер Кречмер, Эрнст

Под этим названием мы объединяем ряд небольших, несходных между собой групп, из которых каждая содержит лишь несколько случаев. То, что мы их называем в специальном смысле диспластическими, главным образом отвечает практической потребности. Уже подчеркивалось, что мы не придаем никакого значения различию между нормальным и ненормальным, напротив, стремимся нормально-биологическую и патологическую область объединить в единых рамках. Разумеется, вполне правильным будет назвать высокие степени углового профиля астенического истощения, атлетической мужиковатости диспластическими, поскольку под диспластическими мы понимаем такие варианты роста тела, которые сильно уклоняются от среднего, часто встречающегося типа. В тех группах, о которых мы будем говорить, резко выделяются из родового типа не только крайне выраженные, но и большинство всех случаев; они и для простого человека кажутся редкими, странными, некрасивыми.

Циркулярная группа практически не представлена в грубых дисплазиях. Существует старое наблюдение, на которое недавно вновь справедливо указал Рем (Rehm), что

серьезные признаки вырождения при маниакально-депрессивном психозе играют довольно незначительную роль, в отличие от эпилепсии и dementia praecox. В моем материале я нашел выраженную малорослость (т. е. рост ниже 160 см у мужчин, ниже 150 см у женщин) у циркулярных лишь в нескольких случаях: у мужчин — 2 раза, у женщин — 5 раз; выраженный высокий рост (выше 180 — 170 см) у мужчин — 3 раза, у женщин — 1 раз. Крайние варианты высокого или низкого роста при этом вообще не встречаются. Грубые нарушения отдельных пропорций тела редки; если мы обнаруживаем их, например, как тенденцию к черепу в форме башни, грубые нарушения в чертах лица, то параллельно идут гетерогенные конституциональные налеты в психической сфере, в картине болезни, личности и наследственности. Более тяжелые рахитические признаки мы находили только в отдельных случаях.

Совершенно иначе дело обстоит у шизофренической группы. Здесь дисплазии в нашем материале составляют значительную часть, причем мы не причисляли сюда легкие диспластические черты у атлетиков и особенно у астеников. В то время как эти диспластические типы по отношению к циркулярной группе стоят изолированно, с эпилептиками и с дисгландулярными они обнаруживают столь сильную и многообразную связь, что их часто невозможно отделить друг от друга в чисто морфологическом смысле. Это наблюдение весьма важно, ибо оно, вероятно, свидетельствует о том, что основные биологические причины, например гуморального характера, у всех трех групп в ряде случаев скорее всего одинаковы, и только их исходные клинические выявления могут быть различны и сказываться то в эпилептическом припадке, то в шизофреническом приступе, то в безобидной дебилности, в зависимости оттого, действуют ли добавочные причины в том или ином направлении. Все эти соображения приходят в голову, но они весьма далеки от того, чтобы считаться твердо установленными, особенно применительно к эпилепсии.

В нашем описании психических конституций эпилепсию мы оставили в стороне; во-первых, потому, что не конституциональные, преимущественно травмой и повреждением зародыша обусловленные, формы играют несравненно большую роль и при этом трудно отделимы от конституциональных прирожденных форм, вследствие чего в настоящее время с трудом и величайшей осторожностью можно использовать эпилепсию как клиническую единицу для конституциональных исследований; во-вторых, главным образом потому, что при наших характерологических исследованиях мы не вынесли впечатления, что эпилепсия, как представитель главных для нормальной психологии групп личностей, играет столь важную роль, как циркулярный психоз и шизофрения. Возможно, эпилептические личности образуют только небольшие группы вместе с выраженными дефектными людьми. Каждому известно, сколько грубых ошибок было сделано при постановке диагноза «эпилепсия» у высокоодаренных исторических личностей. Разумеется, необходимы тщательные исследования, чтобы установить, существуют ли у немногих несомненно гениальных эпилептиков (Достоевский) важные взаимоотношения между психиатрическим типом и гениальной творческой способностью в положительном смысле, а не в смысле задержки гения благодаря болезни. Мы должны оговориться, что в силу необходимости нам придется позже некоторые эпилептические типы распределить между шизофреническими и циркулярными.

Перейдем к диспластическим формам строения тела шизофреников. Если мы не хотим долго останавливаться на описании отдельных, редких форм, то правильнее всего руководствоваться более широкими точками зрения. Такие точки зрения дает нам морфология расстройств желез внутренней секреции. Это формы строения тела дисгенитальной группы, с которой многие из шизофренических дисплазии имеют, несомненно, тесную связь. Остается открытым вопрос, соответствует ли этому внешнему сходству форм эндокринная этиология. Это вероятно, но еще не вполне

доказано. Мы устанавливаем следующую группировку.

А. Группа евнухоидного высокого роста

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

При отграничении этого понятия мы примыкаем к Тандлер-Гроссу (Tandler-Grosz) и Бауару (Baue) и выделяем из признаков высокорослых евнухоидов наиболее яркие и бросающиеся в глаза: чрезмерную длину конечностей по сравнению с ростом тела, ступенчатость полового типа в пропорциях туловища, так что у мужчины развивается «асексуальная» форма таза, напоминающая с внешней стороны женский, и, наконец, недостаточность терминальной волосистости при густоте волос на голове. Мы насчитываем в нашем материале около 20 шизофреников разных возрастов, у которых по меньшей мере два из этих признаков одновременно ясно и отчетливо выражены, и 6 случаев, которые обнаруживают все три признака. Мы встречаем этот шизофренический евнухоид сам по себе или в комбинации с астеническим и атлетическим типами строения тела. Представителями нашей группы (не касаясь 4 атлетически смешанных случаев) являются узкие, быстрорастущие фигуры с нежным строением костей выше среднего роста (196, min. 164 см). Грудная клетка часто кажется узкой, вытянутой и переходящей книзу в талию, напоминающую женскую. Боковые контуры бедер выступают выпукло, что опять производит впечатление женственности. И действительно, мы находим объем таза равным респираторному максимуму объема груди и даже превосходящим его, хотя при нормальном телосложении мужчины объем таза соответствует респираторному минимуму объема груди или меньше последнего. Особенно выразительной становится картина, если расстояние между trochanter увеличено, а между плечами — уменьшено, что отражается и в данных измерения. Тогда получаются размеры, как у 21-летнего WW: рост — 172 см, длина ног — 94 см; объем груди — 80/85 см, объем таза — 89 см. Этот случай демонстрирует слабую терминальную волосистость и очень небольшое яичко, величиной меньше ореха.

В 10 случаях мы нашли аномалии половых органов: гиперплазию яичка — 4, гипоплазию — 4, генитальную гипоплазию — 2 раза. Гипопластические яички в одном случае были очень плотны, в другом бедны субстанцией и плохо прощупывались, самое маленькое из них величиной с вишню. Плотная гиперплазия яичек с ясным увеличением консистенции достигла в одном случае (половая болезнь была несомненно исключена) значительной степени; кроме того, имелся зуб величиной с гусиное яйцо.

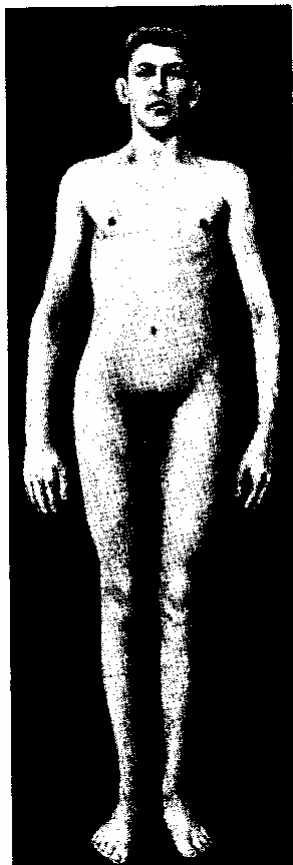

Рис. 18. Евнухоидный высокий рост. (Шизофрения, 18 лет.) Чрезмерная длина конечностей. Резкая выпуклость бедер. Размеры: рост — 173 см, длина ног — 95 см (!); объем груди — 86/91 см; объем бедер — 91 см (!).

У циркулярных я только в одном случае нашел два евнухоидных признака: чрезмерную длину конечностей в сочетании с увеличенным объемом таза; это касалось чиновника 51 года, у которого были отмечены: рост — 176 см, длина ног — 94 см, объем груди — 91/93 см, объем таза — 95,5 см. Ширина плеч — 35 см, расстояние между trochanters — 35 см (!). Здесь мы наблюдаем, что у мужчин бывает очень редко, ширину плеч, равную ширине таза. Этот пикнического сложения мужчина с круглым черепом, эмфиземой и громадным жирным животом имел еще зуб величиной в два кулака. Он страдал особенно тяжелым психозом, который в течение десятилетий непрерывно выражался в постоянной смене маниакальных и депрессивных фаз. В состоянии мании он отличался необычайной циничной сексуальностью, которая выявлялась преимущественно в фантазиях, рукописях и рисунках. В его наследственности прослеживались гетерогенные налеты. Этот отдельный случай, во многих отношениях выходящий из обычных рамок, как и вообще такие редкие маниакально-депрессивные случаи с дисгландулярными стигматами, надо, вероятно, рассматривать как сложный конституциональный синтез, а не как типично циркулярный.

Высокий рост и череп в форме башни

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Эту небольшую подгруппу, объединяющую 8 мужчин-шизофреников, вследствие ее многих морфологических взаимоотношений я хотел бы рассмотреть непосредственно после евнухоидного высокого роста. Возможно, она базируется на близкородственной эндокринной формуле. Внешний габитус этой группы очень яркий и характерный, прежде всего благодаря своеобразной форме лица, черепа и основным чертам волосяного покрова. Ниже узкоидущей надстройки башенного черепа сидит очень

высокое костлявое лицо с выступающим, в корне резко втянутым, тупым носом. Нижняя челюсть часто высока и груба. Неподвижные усы торчат, как щетки, брови также чрезмерно разрослись. Кроме того, во многих случаях волосы на голове очень густы. Это, уже само по себе страшное, лицо со своеобразным черепом и громадной щетинистой бородой сидит на длинной, вытянутой, непропорционально сложенной фигуре. Большинство представителей нашей группы выше среднего роста (максимум — 184, минимум — 168 см) и обнаруживают габитус, представляющий нечто среднее между астеническим и атлетическим. Осанка часто дряблая, несколько согнутая, на длинных тонких руках висят большие кисти, встречаются фигуры неуклюжие, мускулистые, с широко выступающим плечевым поясом или диспропорциональные — с узкими плечами и длинной, узкой грудной клеткой.

В 5 из 8 случаев наличествуют евнухоидные признаки: чрезмерная длина конечностей — 3 раза, женские пропорции туловища с увеличением объема таза — 2 раза, гипоплазия яичек и половых органов — 2 раза, 1 раз яичко лежало слишком высоко (почти крипторхизм). В одном из случаев наблюдались в комбинации: чрезмерная длина конечностей, гипоплазия яичка и половых органов и гомосексуальность с детства. Волосяной покров туловища и конечностей различен, но без ярких особенностей. Возраст этих пациентов между 28 и 50 годами.

Маскулинизмы

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Женский евнухоид еще слишком слабо клинически очерчен, чтобы использовать это понятие для наших целей. Мы сгруппировали 7 случаев женской шизофрении, для которых характерны общие отклонения от женского полового типа во вторичных признаках. Из последних некоторые, как, например, чрезмерная длина конечностей, напоминают мужской евнухоид. Было бы непроизводительной тратой времени группировать все случаи генитальной гипоплазии у шизофреничек, так как подобные аномалии столь часты у них, что пришлось бы большинство шизофреничек ввести здесь в рубрики.

Рис. 19. Башенный череп с чрезмерно щетинистой растительностью на бороде. (Шизофрения.)

Хаук (Науск) недавно это установил с помощью гинекологических исследований

100 душевнобольных женщин.

Я располагаю 5 случаями, которые по строению скелета и мышц имеют явно выраженные мужские черты. Пропорции туловища характеризуются, прежде всего, несоответствием между шириной плеч и таза, причем здесь, как и у мужчин с крепким сложением, незначительная ширина таза отстает от очень большой ширины плеч. Наиболее яркий случай этого рода — 32-летняя кататоничка Е. Н., средний рост ее тела — 159 см, ширина плеч — 39 см, при ширине таза 27 см.

И объем бедер у кататоничек мал, в 2 случаях лишь 79 см. Кроме того, 4 наших случая обладают резко выраженным, пластически проступающим мускульным рельефом, мышечная ткань плотна и жилиста, нормальный женский подкожно-жировой слой отсутствует. Два случая скорее приближаются к астеническому типу: они отличаются жилистостью, худобой и нежным строением костей. Три других случая с грубыми костями, широкими суставами и крепкими мышцами напоминают атлетиков. Два случая обнаруживают чрезмерную длину конечностей, причем один в резкой диспропорции: рост тела — 154 см, длина ног — 85 см. Лица большей частью высоки и с плотными костями. Рост тела — между 154 и 166 см. Грудные железы во всех 5 случаях малы, имеют жалкий вид, часто приближаются к мужскому типу. В двух случаях нет даже выпуклости груди; нельзя прощупать ни жира, ни железистой ткани, по обеим сторонам *thorax* сидит большой, женского сложения шишкообразный сосок. К сожалению, ни в одном случае невозможно было произвести гинекологического исследования. У одной больной с 16 лет происходят сильные, болезненные, 8-дневной длительности менструации. У 3 пациенток наблюдался ясно выраженный зуб, из них у одной величиной с куриное яйцо, у другой — с гусиное. Волосы на голове были густыми, отчасти жесткими, очень заросшими, только в одном случае, у 47-летней пациентки, постоянно короткие и тонкие волосы в последний год стали выпадать, так что она не могла больше плести косы. В остальных частях тела, включая половые органы и подмышечную впадину, волосистой покров был также слабо развит. У другой тоже грубого мужского сложения, с отсутствующими грудными железами отмечались густые длинные волосы вокруг соска, грубая, совершенно мужская волосистость ног и довольно выраженные усы и бакенбарды. У некоторых терминальная волосистость выступала слабо.

Рис. 20. Башенный череп с чрезмерно щетинистой растительностью на бороде.

К этой мужеподобной группе примыкает несколько иного характера, но также

дисгенитальный, отдельный случай: восемнадцатилетняя прислуга с близко стоящим к шизофреническому психозом, который, начавшись плачем и тревожными идеями преследования, продолжался затем в форме моторного ступора с мутизмом и пассивным, безразличным настроением. Здесь отмечалась тяжелая гипоплазия всех половых органов, с маткой, не превышавшей размера вишни, и яичниками величиной с горошину. Менструации незадолго до наступления психоза прекратились и больше не появлялись. Девушка была высокого роста, неуклюжая, с сильно развитыми мышцами, костями с размерами, как у мужчины, но при этом с обильным подкожножировым слоем, богатой грудью и громадным объемом ягодиц (104 см); однако пропорции туловища, несмотря на очень большие размеры плеч и грудной клетки, были все-таки женского типа. Конечности отличались чрезмерной длиной (ноги — 92 см), руки и ноги велики и неуклюжи. Голова обнаруживала легкую тенденцию к башенному черепу. Кожа приближалась к микседематозному типу — очень толстая, жесткая и неэластичная, щеки были вишнево-красного цвета, наличествовал небольшой плотный зуб. Волосы на голове сильно заросли, туловище, особенно вдоль позвоночника, было покрыто густым пушком.

Наконец, я приведу пример параноидной шизофренической (37-летняя портниха) с частичными маскулинизмами. Случай примечателен тем, что психоз наступил 8 недель спустя после операции опухоли яичника (в 27 лет); с этого времени пациентка изменилась в характере, стала малоподвижной, замкнутой, весьма недоверчивой и раздражительной, временами депрессивной, жаловалась на расстройство настроения; отсюда постепенно развился фантастический бред происхождения, протекающий толчками, с агрессивным аффектом, но без слабоумия. В телесном отношении, при общем астеническом строении, она обнаружила резко мужское, угловатое лицо с плотными костями, очень развитую, сильно выдающуюся гортань, маленькие, плоские грудные железы и узловатый зуб, волосы под мышкой отличались эксцессивным ростом.

Рассеянные более мелкие маскулинизмы мы, разумеется, часто находили у шизофреничек всех групп. Таким образом, переходы от атлетической группы к выраженному мужскому типу очень текучи.

В. Группа евнухоидного и полигландулярного накопления жира

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Индивидуумы, склонные к сильному отложению жира, составляют у шизофреников меньшинство. Как уже упоминалось, мы встречали среди них выраженных пикников только в спорадических случаях, что следует рассматривать, вероятно, как перекрещивания. Здесь о них не идет речь. Но в нашем материале остается около 7 случаев тяжелого шизофренического роста жира, которые носят характер более или менее атипического, грубо дисгландулярного.

В то время как пикнический рост жира лишь редко и временно достигает эксцессивных, уродливых степеней и затем связан с определенными локализациями, прежде всего на щеках, шее и торсе (у мужчин как компактный жирный живот), у шизофреников мы находим уклоняющиеся от этого типы расположения жира, которые лучше всего можно морфологически группировать вокруг евнухоидного роста жира; затем идут переходы к еще не вполне дифференцированным, весьма вероятно, полигландулярным формам роста жира.

Отложения жира евнухоидного типа иногда встречаются как рассеянные стигматы строения тела у шизофреников всех групп с соответствующими симптомами на

скелете. Так, у молодого гебефреника при весьма нежном астеническом строении тела обнаруживается в остальном изолированное отложение жира на ягодицах, причем они сильно выступают и затушевывают нормальный мужской рисунок его костей и мышц. Это ясно выявляется в чрезмерном объеме бедер (объем груди — 79/84 см, объем живота — 69 см, объем в области бедер — 90 см (!)); данный мужчина имеет яичко величиной с орешек и гомосексуален. И у атлетов можно иногда наблюдать такие изолированные отложения жира на ягодицах. У одного старого гебефреника со слабым половым чувством и нежным, тонким телосложением после 30 лет развился небольшой отвислый, жирный живот ниже пупка; мужчина этот почти без бороды, остальной терминальный волосяной покров у него отсутствует. На лице выступает типичная, тонко морщинистая *geroderma* (теперь ему 36 лет). И в связи с инфантильным карликовым ростом у шизофреников иногда встречаются небольшие скопления жира на нижней половине живота в форме полушария. Они не переходят, подобно пикническому жирному животу, как компактные массы в расширенную апертуру грудной клетки, но висят ниже пупка.

Другой пациент, шизоидный чудака, заболевший на 49-м году шизофреническим галлюцинозом с телепатическим бредом, обнаруживает описанные, типичные для евнухоидов, отложения жира с боковой стороны над подвздошными костями. Он — альбинос, страдает врожденным нистагмом. Строение тела и кожа нежны, как у женщины; ширина таза равна ширине плеч (35 см), объем бедер довольно большой (99 см). Все тело умеренно жирное, наряду с этим существуют отграниченные отложения жира над подвздошными костями, на икрах и бедрах, объем которых равен 39 см и которые своими затушеванными контурами производят впечатление женских. Этот мужчина имеет яичко величиной с орешек, очень мягкое, почти исчезающее в тесноватой соединительной ткани. У него от рождения слабый половой инстинкт, он холост и никогда, даже в молодости, не имел серьезной связи.

Два слабоумных шизофреника из нашего исследования имеют в своем общем строении тела много сходства с Карлом К., сфотографированным Тандлером и Гроссом в качестве примера евнухоидного роста жира (у Тандлера и Гросса рис. 10, у Бауара рис. 13): у них толстая круглая голова с неуклюжими, гипопластическими чертами лица, короткая шея, грубое, широкое тело, покрытое равномерно нивелирующим диффузным слоем жира. Конечности их не отличаются чрезмерной длиной; на голове у них густые, щетинистые разросшиеся волосы при жалком терминальном волосяном покрове (у одного лишь слабые следы растительности на бороде). У обоих отмечена умеренная генитальная гипоплазия. Третий случай сходен с ними по структуре тела и распределению жира, но имеет череп в форме башни; кроме взъерошенной бороды, терминальная волосистость почти отсутствует. Вообще распределение жира там, где оно у мужчин в зрелом возрасте сохраняет инфантильный тип, имеет близкое отношение к дисгенитальной группе. Мы видим здесь все тело в возрасте между 25—30 годами, туловище и члены покрыты небольшим слоем жира, мускулы и кости слабо вырисовываются на поверхности, мышцы мягки; все формы тела имеют нечто мягкое, закругленное. У шизофреников можно часто наблюдать этот тип в сочетании с евнухоидными стигматами или с инфантильным, карликовым ростом.

Сюда надо присоединить особенно тяжелый случай из женского материала, который носит характер грубо дисгландулярный, с сильным морфологическим приближением к евнухоиду, склонному к ожирению. 19-летняя работница Е. Г. (рис. 23 и 24) заболела в 17 лет хлорозом, сопровождавшимся быстрой утомляемостью и головными болями, временами она становилась апатичнее и безразличнее. У нее бывали периоды, когда она, сильно вспотев, лежала без движения, небольшая пена появлялась у рта (говорить здесь с уверенностью об эпилепсии нельзя). В 19 лет наступила типичная тяжелая кататония, которая привела к быстрому распаду (временами апатична, ступорозна,

негативистична, склонна к мутизму, замкнута, иногда случались вспышки беспричинного гнева, смеха и плача). У нее было следующее строение тела: крайне гипопластическое лицо с рудиментарным, седловидным носом, приподнятая хоботообразная верхняя губа и большие плотные скуловые кости; все лицо жирное, широкое, пастозное, одутловатое, высота средней части лица равна только 6,5 см, длина носа всего 4 см; туловище неуклюжее, лишённое форм, без талии, без настоящей выпуклости бедер, с узкими плечами и впалой грудной клеткой. Обильный жир находился на торсе, диффузно на коже, особенно на покровах живота, но не концентрировался на предназначенных для этого местах (груди, бедра). Акромикрия выражена сильно (см. ниже). Тонкие конечности начиная с середины книзу заостряются, икры отсутствуют; нога конусом без закругления идет книзу и заканчивается *pes excavatus* (*hohlfuss*); кисти малы и инфантильны (17 см в объеме). Конечности чрезмерно длинны (рост — 162 см; длина ног — 90 см). Грудные железы рудиментарны, очень малы, нежны, инфантильны. Бедра не развиты. Наружные половые органы гипопластичны (внутреннее исследование невозможно). Пациентка в 19 лет еще не менструировала. Терминальная волосистость почти совершенно отсутствует. *Mons veneris* не покрыт волосами; только отдельные волосы под мышкой и на губах, остальная кожа на туловище и конечностях совершенно гладкая, без волос. Волосы на голове мягки и довольно густы, брови слабо развиты, тонки, как пушок. На щитовидной железе ничего особенного.

Следовательно, у этой кататонички мы сталкиваемся с синдромом, который складывается из весьма тяжелой дисгенитальной задержки развития, евнухоидной диспропорции скелета с гипоплазией лица, акромикрией и значительным ожирением, особенно на торсе. Данный случай ведет нас от более легких, морфологически близко стоящих к евнухоидному росту жира стигматов строения тела к тяжелым дисплазиям с ожирением, которые, по всей вероятности, должны быть включены в полигландулярные синдромы, хотя в настоящее время мы не имеем достаточных оснований для их биологической дифференцировки.

Рис. 21. Диспластический рост жира. (Слабоумие в период полового созревания, напоминающее шизофрению, 19 лет.) Гипопластическая низкая средняя часть лица при очень грубом развитии скуловых костей и подбородка и бесформенном ожирении.

Среди моих наблюдений есть один случай такого рода, который клинически принадлежит к шизофренической группе. Это дочь крестьянина С. М., 19 лет (рис. 21 и 22): тяжелый психоз с слабоумием в период созревания, вначале боязливость, неправильные поступки, бессвязный ход мышления; среди этого кататонические

признаки, ритмические движения, кивание головой, сидение с растопыренными пальцами, колебание настроения, идеи преследования. Постепенно она становится безразлична к окружающему, ничем не интересуется (но послушна и без аутистических черт). Позже развивается фантастический бред величия, сопровождающийся быстрым распадом. Эта добродушно-веселая, общительная и способная девушка с детства была мала и толста, но физически и психически хорошо развита, в 12 лет стала менструировать.

Рис. 22. Диспластический рост жира. (Та же девушка, что и на рис. 21. Профиль.)

Приблизительно с 16 лет остановился рост тела с неоформленным ожирением, в 18 лет довольно остро начался психоз. У пациентки точно так же, как и в последнем случае, гипопластически-грубое, одутловатое лицо, маленькие руки и ноги, совершенно рудиментарная терминальная волосистость и тяжелая генитальная гипоплазия (влагалище отсутствует, uterus величиной с орех), яичники не прощупываются. Menses, которые в 17-летнем возрасте в течение нескольких месяцев отсутствовали, вновь появились. Накопление жира распространилось на все тело, не только на лицо, грудные железы, ягодицы, но также и на остальное туловище, на плечи и конечности. Вместе с толстой, плотной, микседематозной кожей подкожно-жировой слой затушевывает все контуры тела; лишь ноги и руки нежны и тонки. Щитовидную железу прощупать не удалось. В отличие от предыдущей пациентки, она — карликового роста с короткими, неуклюжими конечностями. Окостенение эпифизарных концов в рентгеновском снимке ненормально далеко ушло вперед. Вот важнейшие размеры тела: длина — 147 см, вес — 71 кг, объем груди — 92/95 см, объем живота — 88 см, объем бедер — 110 см (!), объем икр — 40 см, объем кисти — 17 см (!), длина ног — 74 см. Количество лейкоцитов в крови составляет 11 800.

Эта девушка дисгенитальна в тяжелой степени, но вряд ли можно отнести всю картину на счет половой железы, тем более что уже при простейших евнухоидных картинах надо иметь в виду участие других желез, так как половую железу нельзя представить себе как самостоятельно функционирующий орган — она постоянно находится в корреляции с остальным концерном желез.

Такие уродливые ожирения изредка приходится видеть у шизофреников и у шизоидных личностей с грубыми симптомами на скелете или без таковых.

Общая гипоплазия, т. е. равномерное уменьшение всех размеров тела, могла бы довести хорошо сложенного маленького человека до формата куклы. Иногда приходится видеть фигурки, которые приблизительно соответствуют этому описанию (среди моего материала имеется одна циркулярная больная, хорошо сложенная, кругленькая, ростом 144 см), тем не менее они довольно редки и практически не играют никакой роли. В общем гипопластики в одно и то же время и диспластики, с уродливым ростом, поскольку гипоплазия преимущественно затрагивает лишь отдельные части тела, вследствие чего возникают грубые несоответствия в пропорции по сравнению с другими, лучше развитыми и даже гиперпластическими частями. Среди циркулярных такого рода гипопластики в резко выраженной форме встречаются довольно редко; напротив, среди шизофреников, эпилептиков и родственных тяжелодегенеративных групп они довольно часты.

Существуют лишь определенные части тела, особенно у шизофреников, на которых такие гипоплазии появляются или же яснее всего диагностируются. Прежде всего это лицо, особенно его средняя часть, далее концы конечностей, главным образом руки, а затем таз. Мы здесь не останавливаемся на мелочах, например на дефектах ушных раковин и т. д. Генитальные гипоплазии и гипоплазии желез вообще мы рассмотрим отдельно ввиду их элективной важности.

Что мы называем инфантилизмом? Это довольно субъективная оценка. Данное название имеет смысл в период полового созревания для замедленного развития тела, морфологическая связь которого с предшествовавшими детскими образованиями еще очень ясна. Напротив, в пожилом возрасте по отношению к картинам строения тела, последовательный генезис которых мы не проследили, обыкновенно правильнее говорить просто о гипоплазиях, поскольку нам неизвестно, возникли ли небольшие размеры руки, таза и т. д. благодаря простой остановке роста в период созревания, как инфантилизм, или благодаря нарушающим рост импульсам, активно направленным на специальные части тела, местным заболеваниям или обратному развитию формы, бывшей раньше более развитой. Инфантильными мы можем назвать лишь такие случаи, где налицо не только малые формы, но и отдельные пропорции между более крупными комплексами тела, например морфологические детали нижней части живота и таза, совершенно сходные с соотношениями их у детей, когда не только рост, но и типичные формы — детские. Это имеет особое значение, если дисгенитальные стигматы наводят на мысль, что причина инфантильных форм коренится в недостаточной половой зрелости данных частей тела. В дальнейшем мы увидим, что и от гипопластически-инфантильной группы идут многочисленные переходы и комбинации к евнухоидным типам.

Опишем прежде всего, в чем выражается гипоплазия применительно к отдельным частям тела шизофреников.

Гипопластический тип лица

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Гипопластический тип лица встречается не только у индивидуумов с уродливым и малым ростом, но и у других шизофренических групп, например у астеников, а также у эпилептиков и криминальных дегенератов.

Сущность гипопластического типа лица заключается прежде всего в жалкой и недостаточной оформленности выступающих частей — носа, губ и подбородка. Соответственно слабо выражен и костный рельеф лба. Благодаря этому профильная

линия не дает ни сильных изгибов, как при угловом профиле шизофреников, ни мягких изгибов, как у пикников и хорошо сложенных лиц вообще, но почти прямо падает, причем кончик коротенького, тупого носа немного выдается над общей контурной линией лица. Часто создается впечатление, что средняя часть лица под основанием черепа выступает недостаточно ярко. Глубокие, небольшие и острые глаза лежат под низкими, давящими, горизонтально расположенными орбитальными дугами; маленький нос как бы обрублен на корне, иногда с резким надломом или широким плоским седлом. Жалкий вид имеет и верхняя губа: она в середине как бы приподнята, точно кожа ее слишком коротка. Если и нижняя часть лица принимает участие в гипоплазии, то исчезает углубление, отделяющее у хорошо сложенных лиц нижнюю губу от подбородка, и вся профильная линия лица сглаживается и сверху донизу превращается в невыразительную, плоскую, мягкую форму. Некоторые гипопластические лица, особенно у женщин, покрыты бледной, одутловатой кожей.

Для опытного глаза и в фронтальном очертании весьма характерно уменьшение высоты средней части лица, что само по себе делает лицо эстетически некрасивым и жалким. Высота средней части лица у таких людей может иногда уменьшиться до 6 см, а длина носа — до 4,5 см.

В карикатурных рисунках, особенно для характеристики преступников, гипопластические типы лица приобрели право гражданства наряду с формами углового профиля. Те и другие для эстетического контраста изображаются рядом на одной и той же группе.

Однако необходимо соблюдать большую осторожность, чтобы не смешать с пикническим типом легкие степени гипопластического строения лица из-за его округлости, мягкости и тупого носа. Важно научиться различать пластичные формы пикнических лиц и их правильные общие пропорции.

Рис. 23. Инфантильно-гипопластический тип лица. Прямо ниспадающий профиль. Маленький нос. Одутловатая кожа. (Тяжелое шизофреническое слабоумие. 19 лет.)

Следует также уметь отличать довольно часто встречающийся вариант гипопластического лица, когда при слабом развитии последнего нос обнаруживает тенденцию к росту, подобно длинному астеническому.

Рис. 24. Инфантильно-гипопластический тип лица. (Та же девушка, что и на рис. 23.)

Такие носы производят впечатление, что они получились из остроконечного носа, который был сжат давлением спереди на его спинку. В профиль такой нос кажется вытянутым и с острым кончиком, спереди, напротив, — широким и неуклюжим. В противоположность носам астеников, такие носы лишь слабо выступают через профильную линию. Между довольно длинным носом и гипопластической низкой средней частью лица существует иногда грубое несоответствие.

Акромикрия

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Акромикрией мы называем элективную гипоплазию кистей и стоп. Такую своеобразную картину часто находят у шизофреников, и прежде всего у старых обитателей больниц, как эндогенный синдром, резко выраженный в некоторых случаях, а в более легкой степени встречающийся часто. Я насчитываю 12 случаев такого рода: 9 мужчин и 3 женщины. У вполне развитых типических представителей мы наблюдаем, как конечности в своих дистальных половинах, книзу от локтя или колена, совершенно неожиданно сужаются, заостряются и заканчиваются маленькими ручками и ножками, причем ноги часто имеют тенденцию к *hohlfuss* (*pes excavatus*). В икрах отсутствует настоящая выпуклость, так что голени имеют форму тонких кеглей. Объем руки у мужчин может понижаться до 16 см, длина кистей — до 17 см; уменьшение касается всех размеров. Носители этой аномалии часто обнаруживают еще и другие гипопластические стигматы, например на лице и в тазу. Часть из них отличается жалким ростом. Несколько других пациентов обращают на себя внимание тем, что плечевой пояс довольно широк, мускулист, благодаря чему еще ярче выступают маленькие руки. Такую комбинацию сильного плечевого пояса с незначительным ростом других частей тела и гипопластическими стигматами мы нередко встречаем у шизофреников. Многочисленные переходы, комбинация с генитальной гипоплазией, инфантильный таз, скудость терминальных волос, инфантильное распределение жира наводят на мысль, что этот гипопластический карликовый рост с крепкими плечами представляет собой, быть может, вариант дисгенитального инфантилизма.

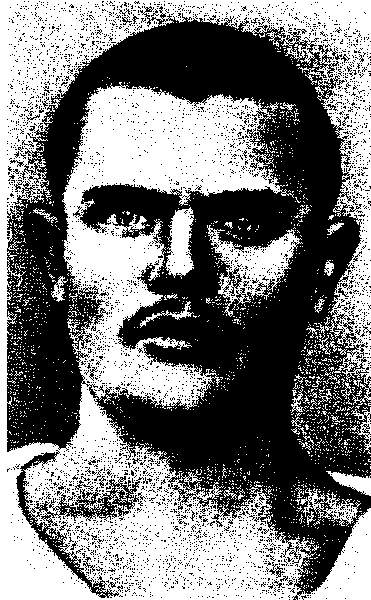

Рис. 25. Гипопластический тип лица. (Эпилепсия, 20 лет.) Средняя часть лица слишком низка, острый взгляд, приподнятая верхняя губа. Высота средней части лица — 6,5 см, длина носа — 4,5 см.

Рис. 26. Гипопластический тип лица. (Тот же, что и на рис. 25. Профиль.)

Гипоплазии на туловище

Строение тела и характер *Кречмер, Эрнст*

Гипоплазии на туловище

Гипопластический таз у шизофреников очень узок, обнаруживает мало боковых контурных изгибов и прямые, круто поднимающиеся паховые складки, между тем как нижняя граница живота у крепких мужчин, как известно, вырисовывается в виде ломаной линии. Если к этой гипо-пластической форме таза присоединяется ранее описанный небольшой, ниже пупка лежащий живот в виде полушария, который в сильно выступающей выпуклости резко отграничен от бедер, то нижняя часть туловища, рассмотренная с наружной стороны, носит отпечаток инфантильности. Это впечатление усиливается гладкой, нежной, бедной салом кожей, диффузным подкожным жировым слоем, незначительной волосистостью на теле,

гипопластическими половыми органами и малым ростом. Все эти признаки иногда можно найти соединенными в одном случае, но часто они появляются изолированно или в отдельных комбинациях друг с другом. Сюда же следует отнести гипопластические формы лица и акромикрию.

Два особо тяжелых случая общего инфантилизма известны нам из исследования. Это две девушки 18 лет, у которых menses отсутствует, волосы на половых органах и в подмышечной впадине минимальны, весь телесный габитус отличается худощавостью, нежностью и сильным недоразвитием, вторичные признаки, особенно грудь и бедра, почти неразвиты, у одной из них и лицо детски-гипопластично, так что по общему впечатлению ей можно дать 12 лет. Она прошла через типичную гебефрению, между тем как другая с 15 лет (со времени прекращения роста тела) обнаруживает картину нарастающего тяжелого аутизма с отказом от пищи, с детски-истероидными вспышками гнева, апатии и нерешительности, но без распада хода мышления.

Для полноты картины следует указать, что у шизофреников иногда наблюдаются случаи тяжелого рахитического, уродливого и карликового роста. Два таких пациента обнаруживали одновременно значительную генитальную гипоплазию, один из них, кроме того, слабую терминальную волосистость и многочисленные признаки инфантилизма. Среди циркулярных я встретил одного пациента пикнического строения, но с тяжелым рахитическим искривлением голеней.

Глава 6. Железы и внутренние органы. Сексуальный инстинкт.

Строение тела и характер
Кречмер, Эрнст

Исследования последней главы направили наше внимание на проблему желез внутренней секреции. Теперь нам надо сказать несколько слов о конституциональном взаимоотношении между внутренними и психическими заболеваниями. Важнейшая корреляция существует между dementia praecox и туберкулезом. Давно известно, что туберкулез часто встречается у шизофреников; в новых работах на это обращается большое внимание и делается попытка рассматривать туберкулез как своего рода конституциональное, родственное шизофреническому заболеванию. Если даже принять во внимание такие внешние моменты, как неблагоприятные условия для движения и дыхания у старых обитателей больниц, то все-таки нельзя отказаться от мысли о повышенной конституциональной диспозиции известных шизофреников к туберкулезу. Такая мысль тем более естественна, что астенический habitus играет весьма большую роль при обоих заболеваниях.

При циркулярном помешательстве следует, сообразно преобладающим здесь формам строения тела, обращать внимание на известные заболевания обмена веществ: ожирение и диабет, а также артериосклероз и ревматические расстройства. При этом необходимо тщательно взвесить не только прямое сочетание циркулярного помешательства с тем или иным соматическим заболеванием у одного и того же пациента, но, прежде всего, наследственные и характерологические взаимоотношения. В рамках наших исследований мы не можем получить никакого определенного суждения в этом направлении.

В отношении желез внутренней секреции у циркулярных наш материал не дает никаких ценных указаний. Иногда рассматривали вопрос о взаимоотношении базедовой болезни и маниакально-депрессивного психоза. Нельзя, конечно, отрицать, что токсины базедовой болезни могут вызвать маниакальный или депрессивный симптомокомплекс. Среди сравнительно большого материала циркулярных из нашего населения лишь изредка встречаются пациенты с симптомами базедовой болезни или

же только с некоторыми конституциональными стигматами (глазные симптомы и т. д.).

Большие щитовидные железы в нашем циркулярном материале довольно часты, имеются и некоторые индивидуумы со значительными зобами. При нашем богатом зобами населении это, разумеется, говорит немного, но сравнение с астеническими шизофрениками весьма любопытно, так как среди последних количество больших щитовидных желез незначительно, между тем как среди атлетов таковых много. Это вопросы, ответ на которые с уверенностью можно будет дать после дополнительных исследований различных племен.

Мы уже упомянули о небольших половых органах многих пикнически-циркулярных мужчин, прежде всего о коротком, иногда грибообразном, почти исчезающем в жестких длинных волосах пенисе. У обследованных нами циркулярных практически нигде не были отмечены половые уродства. Специальные дистрофии в строении тела, свидетельствующие о грубых эндокринных расстройствах, редко встречаются у циркулярных.

Что же касается шизофреников, то резко выраженный зоб мы нашли у астеников только в немногих случаях. У некоторых астеников, особенно среди рано постаревших, бросалось в глаза, что щитовидная железа, несмотря на длинную, худощавую, хорошо прощупываемую шею, почти не констатировалась. Нельзя ответить на вопрос, играет щитовидная железа при засыхании кожи, сильном старении и похудании первичную каузальную роль эндокринного характера или она лишь пассивно участвует при общем похудании. Базедовидные симптомы редки и у наших шизофреников. В строении тела только при гипопластических группах мы находим аналогии к морфологии расстройств щитовидной железы; известные формы кретинического лица могут быть поставлены в параллель с некоторыми гипопластическими формами лица с низкой средней частью и резко втянутым, седловидным носом. Мы должны это зарегистрировать, но не вправе, конечно, делать какие-либо выводы.

Такая же сдержанность уместна по отношению к морфологии строения тела гипофиза. И здесь мы сообщаем лишь простые факты, что между стигматами строения тела известных атлетов и габитусом мышечно-гиперпластической группы акромегалов существует множество внешних аналогий, в том смысле, что габитус соответствующих шизофреников производит впечатление слабого намека на грубые симптомы мускулистых акромегалов. Поэтому мы приводим для сравнения портрет такого акромегала как грубый образец атлетического габитуса (рис. 4 и 10). В обоих случаях мы наблюдаем тенденцию к грубому развитию лицевого скелета и протуберанций черепа, росту лицевого черепа, а тем самым и всей головы, преимущественно в высоту, тенденцию к общему и грубому развитию костей и мышц и особенно к трофическому акцентированию концов конечностей и плечевого пояса. Негели (Nageli), кроме того, указывает на усиленный рост тела с сильно развитой грудной клеткой при хлорозе, рассматриваемом как расстройство половой железы.

Если при всем этом речь идет об отдельных внешних аналогиях, на которые мы и должны обратить особое внимание, но ни в коем случае не использовать для поспешных заключений, то наблюдения за работой половой железы требуют более детального рассмотрения. Этому органу у шизофреников уже издавна, по вполне понятным причинам, уделялось особенное внимание. Прежде всего многочисленные наблюдения указывают на то, что шизофренические заболевания чаще возникают в возрасте полового развития. К этому присоединяется тот факт, что жалобы на половые ощущения, высказываемые то непосредственно, то в бредовой форме (изнасилование, «удаление семени», прохождение тока, искусственные раздражения и эрекции), принадлежат к самым частым шизофреническим симптомам. Хотя эти жалобы

рассматриваются как бред, но все-таки должно быть основание, почему болезненные ходы мышления шизофреников с такой настойчивостью постоянно вращаются вокруг половой сферы.

К этим чисто клиническим ходам мышления примыкают и морфологические факты. Мы видели, что варианты строения тела в дисгенитальную сторону как в евнухоидном, так и в инфантильном смысле у шизофреников сравнительно часты. И тенденция к слабому терминальному волосяному покрову при густых волосах головы и бровей является общим признаком для шизофреников и евнухоидов. Как мы уже указали в последней главе, аномалии в половой железе и половых органах в отношении величины, консистенции и расположения нередко наблюдаются у шизофреников. Здесь у мужчин, во-первых, речь идет об умеренных гипоплазиях половых органов и пениса, а затем о гипоплазии, неравенстве или гиперплазии яичек вплоть до крипторхизма; иногда при этом констатируются ненормальная плотность, ненормальная мягкость и бедность желез субстанцией. Более ясно и гораздо чаще можно установить генитальную гипоплазию у шизофреничек, иногда в весьма значительной степени и не только при астенических и гипопластических, но также при атлетических формах строения тела (см. гл. 5).

В последние годы нам приходилось сталкиваться со случаями, когда шизофрения наступала после операций над яичниками; разумеется, и здесь открытым остается вопрос, не играл ли психический фактор роль катализатора. Общеизвестно, что беременность, роды и послеродовой период являются критическими для некоторых шизофреничек и для женщин с циркулярным предрасположением. У мужчин в связи с помолвкой нередко развиваются шизофренические психозы; здесь следует быть осторожным при одностороннем решении вопроса в смысле эндокринной, психогенной и вообще какой бы то ни было этиологии.

В общем при обзоре перечисленных до сих пор клинических и морфологических фактов создается впечатление, что материал в отношении половой железы, по крайней мере для части случаев шизофрении, является во многом отягощающим, при этом главным образом в направлении гипофункции или дисфункции. К этому присоединяются еще как очень важные известные особенности полового инстинкта шизофреников, о чем мы будем говорить позже. При всем том не следует представлять себе этиологическое участие железы в форме простого, грубого моносимптоматического выпадения функций. Кастрация человека со здоровым предрасположением не влечет за собой, как известно, никакого шизофренического психоза. Эндокринную этиологию шизофрении, если ее считать вероятной, можно мыслить в форме очень сложного химического соотношения между мозгом и железами при особенно сильной этиологической роли половой железы. Мозг как заключительный орган всех этих действий никогда нельзя игнорировать, чтобы опять не впасть из анатомической односторонности в эндокринно-химическую.

Такую осторожность надо соблюдать при оценке сексуального инстинкта. Сексуальный инстинкт не простая функция половой железы, он возникает при ясном участии других желез и центральной нервной системы; центральная нервная система и железы внутренней секреции влияют друг на друга в круговороте действия и взаимодействия через нервы и кровь, а также регулируют задерживающие и побуждающие стимулы. Сексуальный инстинкт — продукт не половой железы, а сложного ряда каузальных моментов: головного и спинного мозга и желез внутренней секреции, в которой половая железа играет особенно заметную роль. Кроме того, сексуальный инстинкт не выступает самостоятельной психофизической величиной, а служит неотделимой главной составной частью всего темперамента. Мы не должны отделять сексуальный инстинкт от общей эффективности и разлагать последнюю на

одни сексуальные инстинкты, как это делают некоторые психоаналитики с их весьма оригинальной терминологией. Кроме того, должно быть совершенно ясно, что рассмотрение сексуального инстинкта вводит нас в особенности темперамента человека, и многое из того, что здесь будет сказано, находится во внутренней связи с исследованиями, излагаемыми в следующих психологических главах.

Сексуальная жизнь циркулярных и шизофреников обнаруживает, хотя и не в каждом случае, известные любопытные отличия. Сексуальный инстинкт циркулярно предрасположенных лиц прост, естествен и очень живой. Мы говорим в первую очередь вообще о личностях, а не о периодах их психоза. У гипоманиакальных он очень повышен, но и при умеренной эффективности, и в депрессивной стадии мы находим силу инстинкта, превышающую норму. Даже среди тяжелых депрессий мы встречаем тот или иной случай, при котором сексуальное возбуждение мучительной силы прорывается сквозь общую задержку чувств. Уклонений от нормального направления инстинкта у лиц с циркулярным предрасположением в большинстве случаев не отмечается.

Более сложной является сексуальная сфера шизофреников. Кто не употребляет больших усилий и не находится в хорошем психическом контакте с пациентом, тот вообще не узнает о нем ничего определенного. Среди шизофренически предрасположенных мы встречаем довольно значительное число людей со слабым инстинктом, лишенных темперамента, которые уверяют, что не питают никаких симпатий к лицам как другого пола, так и своего, а свой слабый и рано гаснущий инстинкт в первое время удовлетворяют мастурбацией.

Однако бурные проявления сексуального раздражения при остром шизофреническом психозе, как известно, не редкость. Чрезмерно сильный половой инстинкт у некоторых шизоидных групп составляет обычную черту личности. Тогда он имеет такой же резко альтернативный, переходящий от горячности к охлаждению характер, как и вся эффективность шизоидов с сильными темпераментами (см. гл. 10, 11), и при этом он не регулируется. Преждевременное и запоздалое пробуждение сексуального инстинкта нередко встречается у шизоидов.

При тщательных расспросах мы часто находим среди предрасположенных к шизофрениции людей с ненормальным или с неясно фиксированным направлением инстинкта. Мы обнаруживаем среди них и их родственников гомосексуальные наклонности, затем, и без более сильного сексуального импульса, эмоциональную сферу с половым извращением: мужеподобных женщин и женоподобных мужчин. Можно иногда встретить садизм и родственные ему перверсии, но все это зависит не только от сексуального инстинкта как такового, но и от шизоидного темперамента в целом, прежде всего от эмоциональной силы и судорожной жажды раздражения. Все эти варианты инстинкта часто можно установить уже у препсихотической личности, иногда в детстве, но они могут возникнуть лишь при шизофреническом психозе или выступить тогда в своей грубой форме.

Пожалуй, еще чаще, чем выраженные перверсии, у лиц с шизофреническим предрасположением находят недостаточно ясную, не вполне уверенную в цели и прямо прокладывающую себе путь сексуальность.

Прежде всего мы видим у некоторых лиц, сделавшихся позже шизофрениками, ненормально долго, даже в период созревания и позже, сохраняются инфантильные установки эмоций, которые затем своеобразно изменяют развитие сексуального инстинкта, окрашивают или оттесняют его. Сюда относится прежде всего чрезмерно сильная эмоциональная привязанность к матери (реже к отцу), с которой мы еще

ознакомимся на некоторых примерах в психологической части. Здесь мы имеем в виду элективную, мечтательную нежность в такое время, когда нормальные молодые люди уже избавились от подобной тесной привязанности к родителям и давно перешли к другим идеалам. Очень часто мы находим, далее, в известных шизофренических группах ненормально долго длящееся самоотгораживание от сексуального познания, пребывание в ложностыдливом неведении или в инфантильных кругах представлений в таком возрасте, когда другие уже давно осознали свой инстинкт.

У многих шизофреников это теснейшим образом связано с толчкообразным, неравномерным функционированием регуляции инстинкта. Робость, как мы позже увидим, является одним из наиболее частых, характерных свойств будущих шизофреников. Она может развиться до такой высокой степени, что мешает достижению даже страстно желаемой сексуальной цели. Наряду с этими чрезмерно сильными задержками мы находим, особенно у дефективных постпсихотиков, полную утрату задержек, циничные, бесстыдные формы сексуальности.

Если мы возьмем то и другое: изменчивость и недостаточную прочность самого сексуального инстинкта и неравномерное функционирование его регуляций, то нам станут понятны известные своеобразные формы проявления сексуальной жизни у шизофреников.

У нормальных людей сексуальный инстинкт развивается в раннем периоде полового созревания, сначала изолированно из психической и соматической предрасположенности. Появляется, с одной стороны, почти чисто психическая идеальная мечтательность по отношению к лицам другого пола, а с другой — дают о себе знать первые местные раздражения соматической генитальной зоны. То и другое в течение известного времени идет параллельно, не имея настоящей связи, контакт между обоими кругами представлений может быть даже вытеснен. Лишь с прогрессированием полового созревания постепенно эти рамки падают: соматическое сексуальное возбуждение и психическая общая установка на любимых лиц сливаются в неразрывный и эмоционально сильный общий комплекс, который создает базу для нормальной психофизической жизни в любви здоровых людей.

У лиц с шизофреническим предрасположением мы видим иногда, что срастание психической и соматической сторон сексуального инстинкта выпадает на долгое время и даже навсегда. Тогда соматическое сексуальное возбуждение, поскольку оно существует, идет своим изолированным путем и удовлетворяется, например, мастурбацией.

Психическая потребность в любви сохраняет тогда форму, аналогичную периоду раннего полового созревания, она выявляется в фантазиях, мечтах, создании миражей и всевозможных планов, часто, например, как любовь к вдали находящимся и почти незнакомым лицам. Такие фантастические образования мы встречаем психологически развитыми у шизоидных психопатов или как составную часть шизофренических психозов.

У людей с циркулярным предрасположением сексуальная жизнь протекает гладко и естественно, гармонируя со всей эффективностью; мы не находим у них той пропасти или расщепления, которые так резко выступают у многих лиц с шизофреническим предрасположением, а также и у здоровых шизотимиков: здесь — я, моя этическая личность, там — сексуальный инстинкт как нечто враждебное, постоянно мешающее инородное тело. В таких случаях очень резко обостренная моральная борьба между обеими инстанциями может стать даже длительным содержанием жизни. Много, с чем мы позже, в характерологии известных шизотимиков, познакомимся как с ложной

стыдливостью, скрупулезностью, категорическим императивом или моральным ригоризмом, имеет в этих условиях, по крайней мере отчасти, свой исходный пункт.

Суммируя, следует сказать, что у шизофренически предрасположенных людей наряду со случаями слабости сексуального инстинкта и частичного чрезмерного раздражения в общем можно установить понижение сексуального инстинкта, и, говоря о биологическом участии половой железы при шизофреническом предрасположении, мы будем иметь это в виду, хотя пока воздержимся от окончательного суждения в данном направлении.

Глава 7. Конституция.

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Вернемся теперь к изложенному материалу и еще раз кратко суммируем результаты. В циркулярной группе мы обнаружили резко выраженным пикнический тип строения тела и известные отдельные стигматы в конфигурации лица и в волосяном покрове. В шизофренической группе часто сильнее выражены ряд отдельных телесных стигматов, а также астенический, атлетический и известное количество диспластических типов строения тела, или же комбинации между всеми ними. Итак, определенные формы строения тела обнаруживают известное родство с конкретными душевными заболеваниями.

Наряду с этими четко выделяющимися типами строения тела как у шизофреников, так и у циркулярных мы сталкиваемся с некоторым количеством типов телосложения, отчасти затушеванных, отчасти смешанных с признаками противоположного типа, и, наконец, отдельными случаями чистого или же преобладающего противоположного типа, — словом, случаями, когда, например, циркулярный обнаруживал резко выраженный астенический или шизофреник — пикнический габитус. Это те случаи, которые подводят нас к наиболее интересным биологическим вопросам, и прежде всего к проблеме наследственности.

Приведем маленький пример.

Представим, что отец с выраженным пикническим строением тела имеет сына, который внешне совершенно походит на него и обнаруживает пикнический габитус; у его сына отмечается то же самое, и так на протяжении нескольких поколений. Все-таки сын не простая копия отца, и в деталях телосложения у него будет ряд незначительных отклонений, которые, со своей стороны, обуславливаются наследованием от матери или же рецессивными отцовскими признаками, внешне проявляющимися у сына. Небольшие варианты пикнического телосложения сына могут, например, выглядеть как астенические или атлетические формы, и на этих всегда присутствующих вариантах покоится то, что мы называем индивидуальностью и индивидуальными особенностями. Индивидуальные видоизменения никогда не являются для нас чем-то случайным; исследователю конституции они дают руководящие нити для понимания более глубоко лежащих закономерностей. То же самое биологически действующее начало, которое у брата с пикническим сложением в остальном проступает в более длинном и заостренном носе, а у сестры, например, как астенический габитус может сделаться явно фенотипичным. Следовательно, и в ярких случаях мы никогда не видим чистого типа в строгом смысле слова, но всегда индивидуальные видоизменения типа, т. е. смешанный тип с небольшими дополнениями из гетерогенных наследственных налетов. Это смешение, в котором выступает перед нами тип в эмпирическом отдельном случае, мы называем конституциональным соединением; разумеется, то же понятие относится и к психическому типу человека, к совокупности всех его унаследованных задатков вообще, словом, к его конституции.

Для нас должно быть ясно и другое. В основу исследований мы пока положили эндогенный психоз как *pars pro toto* для психически целостного типа человека. Психическая конституция человека отражается не только в психозе, но и во всей всеобъемлющей картине его целостной личности, во всех фазах жизни, и эндогенный психоз является только частичным эпизодом. Лишь в очень редких случаях дело доходит до психоза, в то время как аналогичные корреляции между строением тела и психикой могут, как мы это увидим, существовать и у здоровых людей. Мы имеем, следовательно, не просто корреляцию между строением тела и психозом, но и между конституцией и здоровой личностью. Словом, мы должны прежде всего сопоставить друг с другом все, что вообще из унаследованных задатков в физическом и психическом смысле может быть фенотипически схвачено, и только тогда спросить, в чем заключается биологическое взаимоотношение между этими инстанциями. Нас будут интересовать главным образом четыре группы явлений: 1) строение тела (и функции тела, которых мы коснулись лишь бегло); 2) построение личности, а именно темперамент (все, что будет рассмотрено во II части); 3) возможный эндогенный психоз (и, конечно, эндогенные физические заболевания); 4) наследственность, т. е. формы проявления того, что указано в первых трех пунктах у ближайших кровных родственников.

Ни строение тела, ни психоз не являются сами по себе конституцией в строгом смысле слова, т. е. унаследованным предрасположением. То и другое, а также и личность лишь части фенотипического обнаружения всех наследственных качеств.

Ни одна из трех перечисленных инстанций не должна полностью отражать лежащий в ее основе общий генотип. Скорее следует считать, что часть генотипических предрасположений сильнее фенотипически проступает в строении тела, другая — в личности или в психозе. На основании наших исследований мы можем допустить, что циркулярная психика с пикническим строением тела и шизофреническая психика с астеническим (атлетическим) строением тела имеют родственные, а в главном, возможно, и идентичные генотипические предпосылки. Допустим, что некий индивидуум получил от родителей известные наследственные качества, одна половина которых заключает в себе тенденцию к пикнически-циркулярному, другая — к астенически-шизофреническому габитусу. В данном случае как в строении тела, так и в психической картине (или в психозе) может превалировать или пикнически-циркулярное предрасположение, или астенически-шизофреническое. Тогда внешняя картина обнаруживает обычную психофизическую комбинацию. Или возможны равномерное соединение, пикнически-астеническая смешанная картина в физической сфере параллельно с циркулярно-шизофренической смешанной картиной — в психической. Наконец, возможно, что при конкуренции за фенотип одно из соперничающих предрасположений сильнее проступает в строении тела, а другое — в психической картине. При таких условиях получается следующая атипичная комбинация: астеническое строение тела + циркулярная психика или пикническое строение тела + шизофреническая психика. Конституциональная формула подобного человека будет такова: астенический (= шизофренический) + (пикнический =) циркулярный или наоборот, причем заключенное в скобки обозначает скрытую, а вне их — выявленную часть общей конституции; и в учении о наследственности при ее рецессивных ходах мы привыкли разделять определенные признаки на скрытые и видимые. Расположенную так картину мы назовем перекрещиванием.

В общем ходе человеческой наследственности, где постоянно переплетаются предрасположения, мы можем на основании этих теоретических предпосылок ожидать, что наряду с типическими родственными комбинациями между строением тела и психикой постоянно существует известное количество неясных смешанных картин и, наконец, несколько полных перекрещиваний. Это будет вполне соответствовать

эмпирическим фактам, установленным нами.

Аналогичные примеры преимущественной, но не исключительной смычки признаков мы можем привести из биологии, а также указать на тенденцию к вариациям важнейших биологических законов, тогда как застывшие, не способные к вариациям закономерности составляют исключение. Подобный, совершенно простой случай представляет собою соотношение светлых волос с голубыми глазами. То и другое основывается, вероятно, на одном и том же конституциональном предрасположении в смысле образования пигмента и типически сочетается у чистых рас. Если смешиваются голубоглазые блондины с более темными расами, то в потомстве, наряду с определенным процентом голубоглазых блондинов и темноглазых шатенов, находим отдельные, более редкие экземпляры темноглазых блондинов и голубоглазых шатенов; следовательно, когда явно наличествуют светлые глаза и темные волосы — случаи, которые соответствуют тому, что мы назвали выше перекрещиванием.

Разумеется, мы не претендуем на какую-либо теорию, но хотим лишь высказать некоторые мысли, которые отчасти могли бы объяснить появление смычек признаков в человеческой конституции или привести эти, вероятно весьма сложные, биологические соотношения к нескольким простым формулам для предварительного научного обоснования.

К этим же соображениям приводит смена доминант, значение которой для психиатрических вопросов наследственности установил Гофман. При рассмотрении отдельных типов строения тела, особенно пикнического габитуса, мы подчеркивали, что не все стигматы одного типа существуют при всех возрастах, что, например, столь яркие признаки, как пикническое отложение жира на торсе, могут наблюдаться лишь в определенных фазах жизни и в течение короткого времени, между тем как при других возрастах, например у пикников, в период полового развития выступают яснее на первый план налеты других типов строения тела. Впрочем, каждому известны совершенно аналогичные случаи развития характера некоторых людей в отдельные возрастные периоды; они, между прочим, играют роль и при психозе. Где можно ясно констатировать этот модус одновременного, но последовательно сменяющегося фенотипического проявления признаков смешанных наследственных предрасположений в течение жизни, там мы говорим о смене доминант.

Высказанные мысли о конституциональном соединении, перекрещивании и смене доминант возникли благодаря резко атипичным случаям. Приведем несколько примеров.

Чиновник А. О., 48 лет, заболел в 1919 г. типичной депрессией с задержкой и периодическим течением; после лечения он выздоровел. Строение его тела было почти чисто астеничным: высокий рост, 185 см, при 66 кг веса, худой, с плоской грудью, очень длинными конечностями, длинный, узкий, вытянутый нос, густые, разросшиеся волосы на голове; и только широкие, мягкие боковые контуры лица и его свежий цвет напоминали пикнический тип.

Спустя год к нам на излечение попала его сестра с типичной шизофренией. Конституциональные особенности членов этой семьи необычайно интересны, если принять во внимание характерологические моменты (табл. 9).

Семья обнаруживает следующую картину (обоснование характерологических диагнозов (см. часть II): отец — типичный атлетик с шизотимической психикой (у его брата шизотимия достигает уже степени ненормального); мать — с выраженным пикническим строением тела и обладает циклотимным темпераментом. Оба родителя

психически здоровы. У обоих строение тела и психика гармонируют. Скрещивание отцовского шизотимически-атлетического с материнским циклотимически-пикническим предрасположением дает у детей следующие интересные конституциональные комбинации:

Брат (I) — выраженный шизоидный психопат, атлетического телосложения. Строение тела и психика гармонируют; похож на отца. Материнская наследственная часть телесно выявляется лишь в молодые годы, в склонности к полноте при сочетании с тогда веселым, открытым темпераментом.

Брат (II) — представляет собой сложное циклотимически-шизотимическое сочетание. Его здоровая психика заключает в себе наполовину шизотимические (педантично-сухой) и циклотимические (добродушно-общителен) элементы. Его психоз выявляет чисто циркулярную сторону, его строение тела — чисто шизотимическую. Психика, следовательно, смешанна, строение тела, напротив, находится в перекрещивании с психозом. (См. табл. 9.)

Брат (III) — здоровый циклотимик с пикническим габитусом. Строение тела и психика гармонируют, похож на мать. Отцовская наследственная часть фенотипически не констатируется.

Сестра (IV) — в молодые годы была, по-видимому, физически и психически смешанным типом. По мере приближения к периоду климактерии у нее исчезает, по типу частичной смены доминант, в благоприятном смысле компенсированный материнский элемент (совершенно так же, как у брата (I), пока не выявляется чисто астеническое строение тела и шизотимическая психика с дальнейшим переходом в шизофренический психоз. Ко времени нашего исследования строение тела и психика были у нее в полной гармонии.

В биологическом отношении следует отметить, что у II и IV отцовский наследственный налет проступает в астеническом строении тела, а не в атлетическом, как у отца. Такие, для биологического единства шизофренической группы заболеваний принципиально важные наблюдения должны и в дальнейшем тщательно собираться. В нашем случае мы, разумеется, не можем ответить на вопрос, следует ли рассматривать астенический габитус детей просто как биологический эквивалент отцовского атлетического типа, или его нужно объяснить рецессивными наследственными признаками.

Приведем еще несколько примеров из наших, довольно подробных протоколов.

32-летний землевладелец Е. Ф. страдает в течение многих лет типичным циркулярным психозом с маниакальными и гипоманиакальными фазами, в которые вплетаются и депрессивные. Строение тела преимущественно имеет уклон в шизотимическую сторону: очень высокая голова, длинное овальное, узкое, резко очерченное лицо с вытянутым носом, худощавое, крепкое тело с пластическим мускульным рельефом, густые волосы на голове и на бровях при скудной терминальной волосистости. Лишь красноватый цвет лица напоминает габитус циркулярных. Наследственность следующая: мать заболела на 50-м году хроническим неизлечимым фантастическим параноидом («в теле все выворочено», «половые части изменены», «миллионное наследство» и т. п.). Сестра пациента также много лет находится в больнице. В молодые годы у нее появился приступ простой мании, и она выписалась выздоровевшей. Второй припадок начался с картины состояния, маниакально окрашенной, что постепенно перешло в тяжелое хроническое шизофреническое

слабоумие.

Таким образом, в этой семье мы наблюдаем комбинацию циркулярных и шизофренических предрасположенностей, которая у матери выражается в атипичном, напоминающем шизофрению психозе, у сына — в перекрещивании между строением тела и психозом, у дочери — в смене доминант психотической картины.

Аналогичные отношения обнаруживает следующая серия братьев и сестер, относительно которых мы имеем подробные записи.

49-летний директор В. С. находился у нас на излечении в связи с типичным циркулярным психозом с правильной сменой маниакально-депрессивных фаз. Строение его тела обнаруживало довольно равномерную смесь пикнических и атлетических элементов. С одной стороны, широкое, мягкое пятиугольное лицо с толстым носом и свежим цветом, на торсе небольшое отложение жира. С другой — высокая фигура с широкими плечами, грубыми костями и крепкими мышцами. Характерологически у него проявлялись преимущественно циклотимические черты с несколькими шизотимическими штрихами (замкнутость, «законность», резкий морализм).

Две его сестры находились у нас на излечении вследствие простого циркулярного психоза, третья сестра отличалась типично циклотимическим темпераментом, с ясными эндогенными колебаниями и типичным пикническим строением тела. Четвертая сестра была физически нежна и позже умерла от туберкулеза легких. Она страдала следующим интересным психозом. В 1902 и 1905 гг. у нее были зафиксированы короткие периодические психозы длительностью в несколько недель, в промежутке была здорова; с 1906 до 1917 г. (год смерти) все время находилась в больнице с душевным расстройством, обнаруживавшим все симптомы тяжелой, неизлечимой шизофрении; долго длившийся, очень тяжелый негативизм и мутизм, отказ от пищи, неопрятность в физиологических отправлениях, ригидность мышц, стереотипность поз, гримасничание, несогласованные движения, насильственная, импульсивная страсть к разрушению. Эта, в течение 12 лет длившаяся, тяжелая кататоническая картина протекала до конца жизни в правильной смене маниакальных и депрессивных фаз настроения.

Таблица 9

Брат отца	Отец	Мать	
Крайне совестлив и педантичен	Физически: германская фигура, очень высокого роста, крепкий, с грубыми костями, очень большие ноги и руки. Умер от легочного туберкулеза. Психически: серьезен, очень совестлив, пунктуален, точен в выражениях, корректен, добросердечен	Физически: мягкая, круглая, цветущее лицо, позже корпулентна. Психически: весела, общительна, дружелюбна, добродушна, очень добросердечна	
I. ♂	II. ♂	III. ♂	
Физически: большого роста, раньше корпулентный, теперь худой. Очень большие кисти и стопы. Лицо, как у отца. Психически: оригинал, холостой, замкнут, серьезен, совестлив; до 30-летнего возраста был общительнее и веселее	Циркулярная депрессия. Физически: астеничный (см. выше). Психически: серьезен, очень совестлив, несколько педантичен, человек долга, при этом очень добросердечен, дружелюбен, общителен	Физически: очень корпулентен. Психически: всегда весел, оживлен, юмористически настроен, общителен, очень добродушен — физически и психически напоминает мать	IV. ♀ Поздняя шизофрения (в 45 лет). Физически: резкая астеничность, высокий рост. Раньше средней упитанности. Недавно без причины сильно похудела. Психически: раньше веселая, общительная, в последние годы болезненная, серьезная, замкнутая, ипохондричная

Следовательно, перед нами серия сестер и братьев, у которых наряду с циркулярной предрасположенностью имеется, очевидно, шизотимический наследственный налет. Лечившийся у нас брат при чисто циркулярном психозе обнаруживает смешанную характерологию и резко атлетическое строение тела (словом, неполное перекрещивание между строением тела и психозом). Одна сестра отличается гармонизирующим циклотимически-пикническим габитусом. У другой сестры при предрасположенности строения тела к шизотимии наличествует смешанный психоз из шизофренических и циркулярных элементов.

Приведем несколько примеров, когда наследственность известна нам не так подробно. Мы имеем в нашем материале только два случая типично пикнического строения тела при шизофреническом психозе. Один из них — чиновник К. С. Сестра его матери находилась в нашей клинике в 1898 г. и еще раз в 1907 г. вследствие повторных депрессивных душевных расстройств. В 1907 г. ей был поставлен диагноз «маниакально-депрессивное смешанное состояние». С того времени она здорова, хорошо живет и ведет собственное хозяйство, но иногда производит странные произвольные движения головой и ртом. Пациент К. С. обнаруживает типичные шизофренические симптомы с физическим бредом внешнего воздействия и классическими кататоническими двигательными состояниями, однако с той особенностью, что психоз периодически сменяется почти здоровыми интервалами (с 1915 г. три приступа такого рода, и каждый раз улучшение с восстановлением работоспособности). Можно предположить, что в этой семье налицо смешанное предрасположение, причем строение тела К. С. преимущественно отклоняется в пикническую, а психоз, напротив, — в шизофреническую сторону.

Г-жа Е. Н. страдает периодической манией, но отличается резко астеническим строением тела. Ее история болезни из одной из прежних больниц свидетельствует, что временами там наблюдали у нее гримасничество, инкогеренцию, оптические и акустические галлюцинации; врачи склонялись к диагнозу шизофрении. При моем исследовании она оказалась довольно безразличной и машинообразной при типичной маниакальной картине с вихрем идей. Складывается впечатление, что и здесь строение тела было хорошим индексом для шизофренического конституционального компонента на фоне циркулярной картины.

Д-р Е. М. в последние годы страдает периодическими маниакально-депрессивными колебаниями настроения. Строение его тела совершенно астенично. Д-р Е. М. в нормальные периоды отличался пессимизмом, параноидной недоверчивостью, слыл нервным, замкнутым человеком, не умевшим ладить с людьми. Здесь строение тела перекрещивается с психозом, но гармонирует с шизотимическим типом личности.

Хороший пример частичного перекрещивания я недавно видел у одного пациента с периодическими депрессиями, у которого на высоком, узком, астеническом туловище сидела в странном контрасте типичная, мягкая круглая голова пикника с красивой лысиной, широким, коротким красивым носом, лицо имело пятиугольное очертание. Здоровая сестра пациента обнаруживала хорошо развитый пикнический габитус с коренастой фигурой, свежим цветом лица и достаточным жировым слоем при пылливом гипоманиакальном характере.

Упомянем еще два случая смены доминант из наших многолетних наблюдений в больнице. Это две женщины средних лет, которые в молодости были цветущими девушками и страдали излечимым циркулярным психозом. Одна из них (при нормальных движениях и питании) сделалась бледной истройной; другая стала прямо-таки астеничной. У первой и теперь проявляются маниакально-депрессивные колебания, но все больше и больше смешанные с параноидными чертами. Ей кажется

все «крайне странным», она видит рожи, жалуется на физические ощущения внешнего воздействия. Ее мать как «тяжелая истеричка» годами без дела лежала в постели. Об этом случае можно спорить, если не знать исследований Гофмана о наследственности. Более понятна вторая женщина, которая в 16 с половиной лет перенесла манию, затем многие годы была здорова, вышла замуж; в 30 лет у нее произошел второй приступ, напоминающий манию, выписали ее уже только с «улучшением», и через полгода она опять поступила в нашу больницу, где находится уже 3 года. Она почти не отличается по психической картине от своих соседок — старых шизофреничек, целые дни бессвязно болтает, у нее нет контакта с окружающими, масса фантастических жалоб, конфабуляции, странные выражения, иногда случаются бессмысленные насильственные действия. Одновременно с этим она в 35 лет (при хорошем питании и умеренных движениях) превратилась «из здоровой цветущей коренастой девушки с хорошим питанием» (прежний врачебный status) в жалкую гипопластически-астеническую фигуру с острым носом, острым подбородком, бледным лицом, тонкой кожей; такой я нашел ее при исследовании.

Этим мы не хотим сказать и даже не считаем вероятным, что все многочисленные атипичные и неясные картины, которые мы наблюдали во взаимоотношениях между строением тела и психозом или психическим предрасположением, зависят от соединений и перекрещиваний. Ни формы душевных заболеваний, ни типы строения тела, которые мы исследовали, не очищены от инородных элементов и не могут рассматриваться как окончательные. Следует лишь вспомнить о том, как неуверенны еще суждения о многих инволюционных меланхолиях, старческих депрессиях, параноидных расстройствах настроения, ажитированных психозах тревоги в смысле их принадлежности (непринадлежности) к циркулярным формам. Так, и наши соматические описания — лишь первая попытка, опирающаяся на внешние признаки. Мы не знаем, вызывается ли внешняя картина пикнического габитуса кроме внутренних факторов, которые, по-видимому, участвуют в возникновении циркулярного предрасположения, еще и другими, ничего общего не имеющими ни с циркулярным предрасположением, ни с соответствующим ему нормально-психологическим габитусом. Нам также неизвестно, не проявляется ли внутренний фактор, обычно вызывающий шизофренический психоз при астеническом строении тела, как простая депрессия на общей психической поверхности. Вначале мы должны приступить к разработке клинического материала комбинированным методом сравнительного рассмотрения соматического, психического и наследственного в конституции человека и осторожно надеяться постепенно найти новые точки опоры для тонких клинических и общебиологических дифференцировок. Чисто клинически мы до сих пор получили следующее предварительное впечатление: многие, но не все артерио-склеротические и старческие депрессии и часть инволюционных меланхолий по строению тела совпадают с циркулярной формой; клинически атипичные депрессивные картины с сильным параноидным налетом или с ажитацией часто обнаруживали и в наследственности, и в строении тела атипичные компоненты. То же, пожалуй, касается и тех тяжелых маниакально-депрессивных пациентов, которые во время мании становятся спутанными и агрессивными и в течение многих лет не имеют светлых промежутков. Однако до сих пор в строении тела и наследственности парафреников нельзя было установить существенное отличие от шизофреников (то же самое нашел и Гофман в отношении наследственности).

Для нас уже выяснено следующее: строение тела и психоз не находятся в прямом клиническом отношении. Строение тела — это не симптом психоза, но строение тела и психоз, телесная функция и внутренняя болезнь, здоровая личность и наследственность — сами по себе частичные симптомы основной конституции] хотя они и связаны между собой родственными взаимоотношениями, но могут быть правильно поняты

лишь по совокупности всех факторов.

Кроме того, эти факторы отражают не только конституциональные, но также экзогенные моменты, следы взаимодействия между индивидуумом и внешним миром. Несколько слов в отношении строения тела. Хронические экзогенные заболевания, как, например, люас и туберкулез, глубоко проникают в телесный габитус и могут в некоторых случаях изменить до неузнаваемости конституциональную картину строения тела. Где мы находим атипичные картины, там приходится считаться, кроме конституционального сочетания и перекрещивания, и с такими моментами. 25-летняя девушка обнаруживала при простой депрессии с задержкой тяжелый, астенический габитус. Она очень худощава, расслаблена, имеет узкую грудную клетку и кифоз. У нее недостаточная реакция зрачков и подозрительные в смысле гуммы рубцы. В 17 лет у нее уже была депрессия, она тогда похудела с 136 до 86 фунтов и сохранила с того времени слабое физическое состояние. Ее лечили во внутренней клинике ртутными втираниями. В общем наш материал для исследования конституций удобен тем, что он охватывает преимущественно сельское, не большое люэсом и выросшее в простых, здоровых условиях жизни, население. Мы считаем вполне возможным, что при неблагоприятных в гигиеническом отношении условиях большого города эндогенные симптомы строения тела значительно ступшеваются.

Меньшее значение, чем люэс, имеют внешние нарушающие моменты, исходящие от туберкулеза, поскольку последний сам в высокой степени обусловливается конституционально и благодаря этому служит меньшим препятствием для исследования конституции. Это особенно касается астенических типов, которые туберкулезом акцентированы сильнее и, быть может, возникают непосредственно под влиянием его действия. Напротив, атлетические и пикнические картины могут, разумеется, быть сильно затушеваны им.

Кроме хронических инфекций, питание и работа — важнейшие экзогенные факторы строения тела. В общем эти моменты скорее переоцениваются неспециалистами и невдумчивыми врачами. Если кто-нибудь бледен и худ, то он, должно быть, вел «сидячий образ жизни»; если он становится толстым, то говорят то же самое. Если жена крестьянина имеет цветущее лицо и крепкие мышцы, то это происходит от «здоровой деревенской жизни»; если она начинает худеть, значит, она измучила себя тяжелой работой. Двое постоянно сидят друг возле друга в трактире: один становится все толще и толще благодаря «обильному количеству пива»; другой все худеет и худеет, поскольку он недостаточно пил молока. То же самое, впрочем, касается и возрастных периодов. Если кто-нибудь в юности кругл, а в старости худ, то это настолько же само собой разумеется, как и то, если бы он в юности был строен, а в старости приобрел живот. То и другое происходит от старости, конечно.

Мы хотим сказать: все упомянутые точки зрения относительно работы и питания имеют значение. Они выступают важными вспомогательными моментами. Но господствующую роль для строения тела они приобретают лишь в небольшом числе случаев, когда достигают чрезмерной степени. Если мы будем кормить пикника капустой и свеклой, то и он сделается худым; если мы заставим стройного атлетика есть с утра до вечера и пить мюнхенское пиво, то и он приобретет корпулентную внешность. Бедная крестьянка, которая ежегодно рождает детей и должна непрерывно работать, кажется увядшей и истощенной, хотя раньше она была цветущей девушкой; и молодые астеники приобретают иногда мускульный рельеф, если они с шизоидной педантичностью в течение многих лет занимаются спортом и комнатной гимнастикой. Все эти наблюдения не встречают возражений.

Но мы также видим, что в пределах естественно гигиенических условий те моменты

работы и питания, которые действуют на большинство людей, по сравнению с господствующими конституциональными факторами, имеют лишь добавочное значение и могут ослаблять или усиливать эндогенные тенденции роста. Поучительны в этом отношении шизофреники и хронически циркулярные пациенты, которых я имел возможность наблюдать в течение многих лет, многократно с 1911 г. в больнице Winnenthal. В марте 1919 г., когда я исследовал их строение тела, они все принимали однородную пищу. Я нашел их после тяжелых лет войны, периода недоедания, приблизительно такими же, какими знал их до войны. Пикнические циркулярные отчасти имели вес несколько меньше, чем перед войной, но отличались круглыми, хорошо упитанными лицами, округлыми формами тела, у некоторых вес тела был даже больше прежнего. Астенические шизофреники, поскольку они не умерли от туберкулеза, до войны, несмотря на обильную пищу, были тонки, а от недостаточного питания во время войны стали тоньше и худее, чем раньше. Различия у шизофреников встречаются главным образом между тяжело ступорозными, постоянно лежащими в постели, с одной стороны, и работающими, с другой. У последних цвет лица был ярче, мускулатура и тургор лучше выражены, они выглядели упитаннее, между тем как при отсутствии телесных движений астенический габитус из-за атрофии от бездеятельности усиливается до карикатурных форм, а атлетический, напротив, может сильно ступешаться. У циркулярных различия в состоянии питания громадны в зависимости от той или иной фазы жизни и болезни, поэтому, особенно у очень худых циркулярных, следует постоянно спрашивать о прежнем весе тела; при этом вес не подвергается значительному влиянию постельного режима или движения (не касаясь сильного двигательного возбуждения).

При некоторых профессиях пикнический габитус, проявляющийся в отложении жира, значительно резче выступает, например у пекарей, мясников, трактирщиков и любителей поехать, посещающих рестораны мужчин из зажиточной мелкой буржуазии, между тем как у тех, кто занимается тяжелым физическим трудом, особенно у много работающих крестьян и сильно напрягающихся домашних хозяек из бедных многодетных семей, пикническое предрасположение можно констатировать лишь по скелету и по мягким, округлым, румяным лицам, в то время как отложение жира на туловище незначительно. Тем не менее и эти сильные экзогенные воздействия недостаточны, чтобы сделать неузнаваемой диагностическую картину.

Напротив, там, где существуют простые нормальные условия жизни, как у частных пациентов нашей клиники, в большинстве случаев принадлежащих к образованному чиновничеству, конституциональные моменты выявляются в том же отношении, как и при нашей смешанной и поэтому выравнивающей экзогенные факторы общей статистике.

Часть II. Темпераменты. Глава 8. Характерологическое исследование семьи.

**Строение тела
и характер**
Кречмер, Эрнст

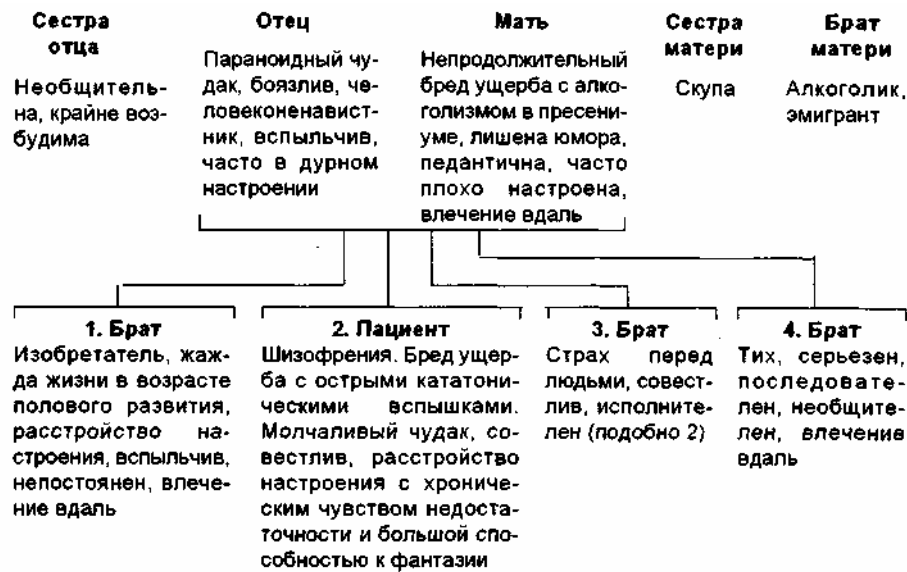
Перейдем к описанию типов личности, которые соответствуют циркулярным и шизофреническим группам. О технической стороне скажем только несколько слов. Как для всякого хорошего анамнеза, так особенно для характерологического необходимо по возможности избегать суггестивных вопросов. Поэтому самоописания, сделанные интеллигентными пациентами, и официальные сведения имеют особое значение. Чтобы получить систематический обзор относительно целых серий случаев, нам приходилось ограничиваться устным, непосредственным расспрашиванием родственников и затем пациентов. Если мы спрашивали простую крестьянку: «Был ли ваш брат боязливым, миролюбивым, энергичным?», то часто получали неясные и неуверенные ответы. Напротив, если мы спрашивали: «Что он делал, будучи ребенком,

когда должен был один отправляться на темный сеновал?» или: «Как он вел себя, когда происходила драка в трактире?», то эта самая женщина давала нам ясные характерные сведения, которые благодаря своей жизненной свежести носят отпечаток достоверности. Нужно хорошо знать жизнь простого человека, крестьянина и рабочего, и всецело перенестись в нее, причем при расспросах следует останавливаться не столько на схеме свойств характера, сколько на его жизни в школе, церкви, трактире, в повседневной деятельности, и все это на конкретных примерах. Только таким путем мы получали достаточный материал о душевной жизни среднего человека. Поэтому я особое значение придаю тому, чтобы по возможности больше расспрашивать в конкретной форме, и непосредственные вопросы относительно свойств характера (эти последние для избежания грубых внушений сформулированы в категорической форме) предназначаются для заполнения текста, сохранения времени или контроля над конкретными описаниями. Кроме того, следует подчеркнуть, что даже при самой лучшей технике расспросов от некоторых людей нельзя получить ничего точного и ясного. Такие случаи следует оставить, и не надо пытаться выжимать из них ответ суггестивными вопросами, так как это приводит к потере времени и не имеет никакой ценности. Лучший метод в психологическом анализе — опираться на небольшое число избранных случаев с несомненным объективным анамнезом и ясным самописанием, но и в них надо выделить все и обнаружить каждый тончайший штрих личности. Таким путем мы получим живое представление о том, что характерно для эмоциональной жизни циркулярных и шизофреников вне их психоза и что отличает их друг от друга. Множество остальных, бегло изученных случаев нужны для того, чтобы проконтролировать приобретенный материал в плане его общего значения и пополнения.

Не следует ограничиваться только препсихотической личностью больного. При характерологии существенно то же самое, что и при строении тела: классические черты конституционального типа иногда ярче обозначены у ближайших родственников, чем у самого пациента. Мало того, когда в одном пациенте перекрещиваются несколько конституциональных типов, тогда у других членов семьи мы можем ясно видеть изолированные и расщепленные его отдельные компоненты. Короче говоря, там, где мы интересуемся конструкцией конституции пациента, нам следует обратить особое внимание на наследственность. Поэтому я уже много лет при более важных случаях заново в протокол все, что можно узнать о свойствах характера, болезнях и строении тела кровных родственников. Удивительно ясно выступает конституция пациента, если мы самое важное внесем в схему в сжатых выражениях, как, например, в следующем случае параноидного шизофреника Г. Ф. (табл. 10).

Мы обнаруживаем в этой семье чистую культуру таких свойств характера, которые позже назовем шизотимическими. Начиная от здоровых шизотимических характеров (например, братья 3 и 4), через явно психопатические (сестра отца и брат матери) и находящиеся в течение всей жизни на границе психопатии (отец), вплоть до легкого пресенильного абортивного психоза матери, и завершая тяжелой шизофренией сына, у этих членов семьи мы видим всевозможные переходы и оттенки между болезнью и здоровьем. Основываясь даже на этом кратком описании семьи, можно заключить, что при последовательном психиатрическом исследовании наследственности нельзя ограничиться лишь ее больными членами. Таблица наследственности, в которую мы вносим только психозы, будет напоминать текст с пропусками, где отсутствует большинство слов, причем таких, которые придают смысл всему тексту. С нашей конституциональной точки зрения психозы являются отдельными узловыми пунктами, включенными в разветвленную сеть нормальных телесно-характерологических конституциональных взаимоотношений.

Таблица 10 Тип шизофренической семьи

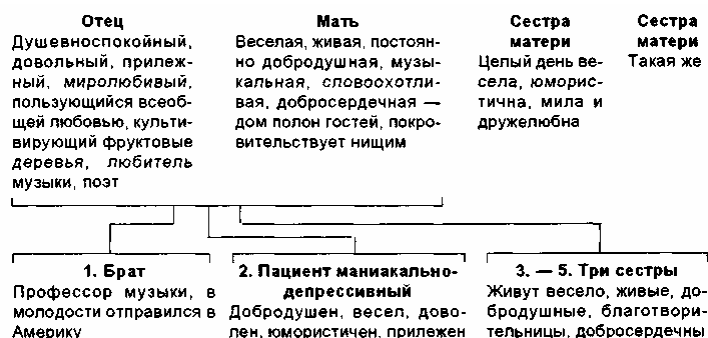

Если мы в параллель к этому рассмотрим тип семьи, который наблюдается у родственников циркулярных, то попадем в совершенно иной мир, абсолютно другую психическую атмосферу. Для иллюстрации в качестве типичного примера я привожу 65-летнего циркулярного И. Н., который на почве гипоманиакального темперамента в течение своей жизни колебался между маниакальным и депрессивным психозом (табл. 11).

Дополнительно после этой веселой семьи я привожу пример семьи 49-летнего циркулярного Г. С. (периодические депрессии с задержкой) с преимущественно депрессивными темпераментами.

И в этой семье мы находим все переходы темпераментов, от периодического депрессивного психоза пациента, через легкую однократную старческую депрессию у бабки по матери к все принимающим близко к сердцу душевным людям с намечающимися циклическими колебаниями до серьезного, гармоничного добросердечия совершенно здоровой сестры. Из таких семейных диаграмм особенно ясно, что мы никогда не сможем биологически распознать эндогенные психозы, поскольку рассматриваем их как обособленные, клинические единицы, выделив их из естественных, наследственных связей и втиснув в узкие рамки клинической систематики.

Таблица 11. Тип циркулярной семьи с преимущественно веселыми темпераментами

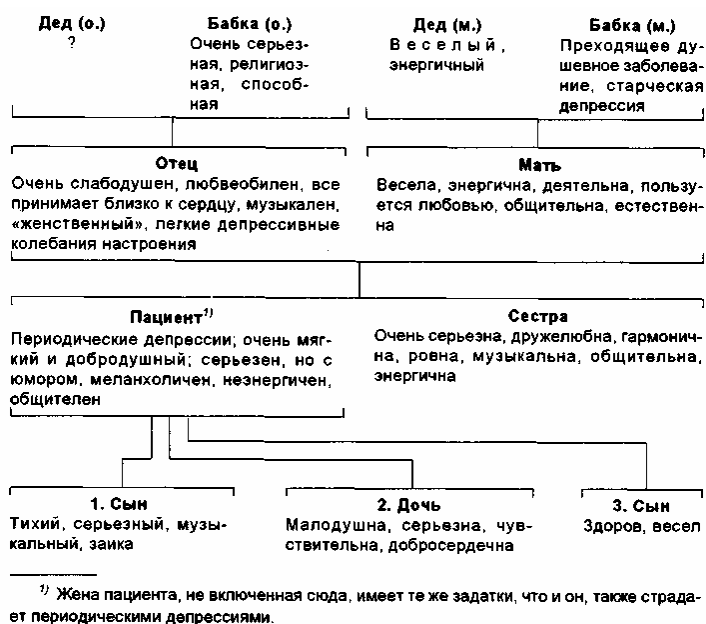
При рассмотрении эндогенных психозов в широких биологических рамках они

являются не чем иным, как заострениями нормальных типов темперамента.

Если мы приучимся одновременно с психозом тщательно изучать всю личность пациента и индивидуальность родственников, то тотчас испытываем чувство: все сделано из одного материала. Все, что в скачкообразных переходах, причудах наших кататонических пациентов катастрофически прорывается как бред преследования, абсурдная система, заторможенность, окаменелое оцепенение, враждебный аутизм, негативизм и мутизм, — все это скользит, как *spiritus familiaris* в различных оттенках, здоровых и психопатических вариантах у всей родни в форме педантов, совестливых скупцов, мрачно настроенных, боящихся жизни изобретателей, в их застенчивой нежной боязливости, неверии, молчаливости, угрюмом человеконенавистничестве.

Если из психической среды шизофренических семей попадаем в семью циркулярных, то испытываем ощущение, будто вышли из холодного закрытого подвала на простор, залитый ярким солнечным светом. Общим для обеих вышеприведенных семей является известное добросердечие, теплота и мягкость, открытый, общительный естественный характер, который примыкает то к гипоманиакальному полюсу циркулярной формы, выражаясь в веселости, свежести, остроумии, живой деятельности, то к депрессивному полюсу, сказываясь в меланхоличности, спокойствии и мягкости.

Таблица 12. Тип циркулярной семьи с преобладанием депрессивных темпераментов

Существуют семьи, особенно шизофренического типа, где мы видим, как с большой настойчивостью и через ряд поколений наследуется этот *spiritus familiaris*, несмотря на разнообразной приток крови иного рода, то скрываясь, то резко проявляясь в отдельных чертах личности. Такова следующая семья, об отдельных членах которой в моем распоряжении имеются достоверные сведения современников.

Мы находим в этой родословной целую коллекцию таких типов характера, которые в области шизофрении уже отчасти хорошо известны психиатру, и о них мы подробно поговорим позже. Здесь речь пойдет об уже подверженной вырождению высокоодаренной старой семье, в которой социально полноценные шизоидные индивидуумы, как II,2 и V,4, встречаются наряду с совершенно опустившимися людьми. Бросается в глаза тот факт, что типы совпадают как в правой, так и в левой боковой родословной: неуравновешенные, сбившиеся с жизненного пути (IV,2 и 3) имеют явное семейное сходство с праздношатающимися оригиналами IV.7 (и при

V,3 легкий намек). Богомолка-ханжа IV,5 имеет приблизительный прототип в V,5. Чуткие, застенчивые невропаты IV,8 и V,4 находят в V, 1 свою параллель. У отдельных представителей встречаются шизоидные типы строгого моралиста и идеалиста II,2, тихого примерного мальчика VI, 1 и сварливого старого холостяка IV,4; относящиеся сюда супруги вместе с их семьями (II,2) известны мне лично или по точным описаниям. Жена II,2 была необычайно мягкой и добросердечной; супруга III,2 — упрямой и строгой и происходит из семьи с цветущим здоровьем; муж V,6 имел конституционально-депрессивные черты, он был очень справедлив, совестлив, строг, чуток и сердечен; его отец умер от артериосклероза мозга, в остальном у ближайших предков не было ничего ненормального. Тяжелые отягощения в смысле шизофрении в этих главных чертах мало заметны в родословной.

Итак, мы видим, как тяжелое шизоидное предрасположение, подобно незаметно подкрадывающемуся несчастью, наследуется в обоих семьях без того, чтобы была обнаружена грубая явная *dementia praecox* (лишь IV,7 наводит на мысль в этом направлении). Наконец, в четвертом поколении (V, 1) внезапно довольно бурно диатез проявляется в особо тяжелой форме: уже в 15 лет наступает кататония. Что произошло? К счастью, нам известны мать и ее семья. В семье матери не было никакого психоза. Братья и сестры матери чрезмерно нежные, сентиментальные, мечтательные люди. У самой матери, теперь здоровой, но крайне нежной, сентиментальной и фантазерки в том же возрасте, что и у сына, случались нервные состояния, при которых она иногда наяву видела фигуры, которые потом расплывались. Она эти состояния пережила в доме отца, не прекращая своей обычной деятельности и не нуждаясь в больнице.

При анализе этой семьи создается впечатление, что для возникновения явной шизофрении во многих случаях, вероятно, должны встретиться две зародышевые массы, отца и матери, которые относятся друг к другу, как комплементы. Пока не наступает действие комплемента, частичные предрасположения агента, вызывающего шизофрению, могут упорно наследоваться поколениями; они фенотипически выражаются в ярких своеобразных личностях, в тех же самых, какие мы встречаем и препсихотически в группе явных шизофрений и у кровных родственников. Они выражаются в более тяжелых случаях в своеобразных изменениях личности в период полового созревания, как, например, неуравновешенных, сбившихся с жизненного пути (IV.2,3 и 7). Но настоящая *dementia praecox* возникает из этих многих диатез только один раз в определенном месте (V, 1). Все это, впрочем, высказывается лишь как предположение. Основательное методическое исследование данных вопросов дает Гофман. Мы отсылаем по всем этим вопросам наследственности к его компетентному суждению, а в отношении наследственности ограничимся лишь краткими соображениями, подчеркнув, что наследственность надо рассматривать как одну из важнейших сторон конституциональной проблемы. Благодаря генеалогическим исследованиям Гофмана подтверждается наша группировка конституциональных типов.

Из приведенных диаграмм семей (таблиц) мы узнаем, что плодотворное исследование хода наследственности эндогенных психозов возможно лишь при интимном знакомстве со всеми нормальными и психопатическими типами личности, соответствующими этим психозам, как в психическом, так и в телесном смысле.

Особо это касается тех случаев, когда в одном пациенте соединяются различные конкурирующие друг с другом наследственные предрасположения, как, например, у 43-летнего Е. Л., страдающего маниакальным и депрессивным психозом (табл. 14).

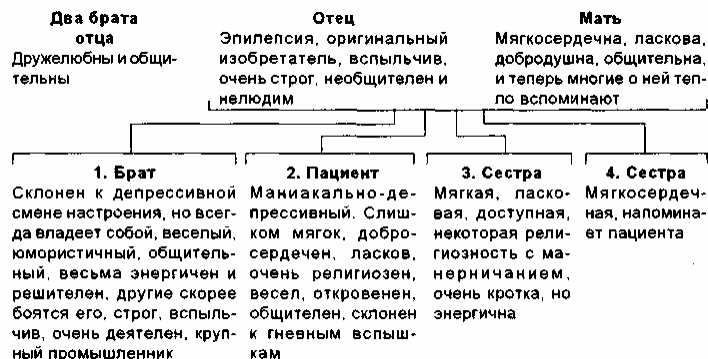
При знакомстве с данной семьей становится ясно, что исследователь наследственности

идет по ложному пути, если его внимание привлекают только больные члены семьи. В нашем случае он должен был бы сказать: мы видим здесь полиморфное унаследование психоза, поскольку от эпилептического отца происходит циркулярный сын. В биологическом отношении это довольно неудовлетворительный способ мышления.

Если мы присоединим сюда здоровых членов семьи, то обнаружим нечто совершенно иное. Мы видим, что наследственный continuum идет к циркулярному сыну не от отца, а от матери, что мать и сын отличаются сходными чертами темперамента и этот темперамент уже у здоровой матери такой же, какой мы встречаем у родственников циркулярных и у самих циркулярных. Отец, напротив, как совершенно иной тип, стоит в стороне. У четверых детей мы видим типы темпераментов родителей, распределенные таким образом, что первый и третий представляют собой комбинации предрасположений обоих родителей, между тем у второго (пациента) и четвертого материнский тип выявляется в чистой форме. Нам незачем, по крайней мере в этом случае, обращаться к довольно невероятному полиморфизму в наследственности—модус наследования можно объяснить так: или отец (его братья были ласковы и общительны) привнес фенотипически малозаметные у него самого наследственные черты циркулярного характера к задаткам матери, идущим в том же направлении, или несомненно дегенеративное предрасположение отца действовало как неспецифически вредный импульс на специфические зародыши матери, иначе выражаясь, типично циркулярное предрасположение идет от матери и только дегенеративное ухудшение, вызывая появление циркулярных психозов, идет от отца.

После этого генеалогического обзора обратимся к более подробному описанию.

Таблица 14 Конкурирующие наследственные предрасположения

Глава 9. Циклоидные темпераменты.

Строение тела и характер
Кречмер, Эрнст

Шизоидом или циклоидом мы называем колеблющиеся между здоровьем и болезнью патологические личности, которые отражают в легкой степени основные симптомы шизофренического и циркулярного психоза; такие шизоидные и циклоидные типы, прежде всего встречаются в препсихотическом периоде самих душевнобольных, а затем среди их близких и кровных родственников. Обе группы дают прочную основу для нашего описания. Раз мы их установили, то имеем право называть шизоидами и циклоидами такие патологические личности, которые по своему телесному и психическому габитусу совпадают с ними, хотя соответствующий психоз в ближайшем поколении отсутствует.

Давно известны те общие очертания, в кругу которых вращаются типы личности, относящиеся к dementia praecox. Берзе (Berze), Медов (Medow), Крепелин и Блейлер

описали характер этих людей. Блейлер наметил путь от грубого внешнего описания к более тонкому психопатологическому анализу шизофренических симптомов, и все, что в дальнейшем будет сказано о психологии шизоидов и шизотимиков, опирается на установленные Блейлером положения. Кроме того, следует особо подчеркнуть заслуги Вильманса (Wilmanns) в плане выяснения взаимоотношений между dementia praecox и известными большими группами психопатов и дегенератов среди бродяг и преступников.

Менее ясным представляется облик типов личности циркулярных. В случаях, где встречались описания таких людей, нам часто не удавалось ясно выделить существенное содержание циклоидных темпераментов, скорее мы находили его сильно смешанным с иного рода элементами — с шизоидными и другими дегенеративными чертами, с налетами, которые мы, разумеется, довольно часто обнаруживаем в отдельном случае наследственности и преемственности маниакально-депрессивных; при этом, при сравнении многочисленных характерологических серий случаев, они не выглядели типичными.

Прежде всего, пока отсутствует широкое характерологическое связующее звено между тем, что называют гипоманиакальным и конституционально-депрессивным темпераментами; не существует описания людей, стоящих между гипоманиакальным и депрессивным настроениями, поскольку они находятся в связи с циркулярной формой; не строго выделены черты темперамента, общие для гипоманиакальных и депрессивных и, таким образом, для всей циркулярной формы. Если даже легко бросающийся в глаза гипоманиакальный тип изображен не очищенным от всех гетерогенных элементов, то особые трудности начинаются при определении понятия «конституциональное расстройство настроения». Рейсе (Reiss) в своей известной работе ясно показал эти трудности и отметил текучие переходы. Прежде всего мы должны попытаться приблизительно охарактеризовать те расстройства настроения темперамента, которые ближе к циркулярным формам, в противовес тем, которые более склонны к шизофрении.

Чтобы дать приблизительный обзор, воспользуемся статистикой нескольких сотен историй болезни шизофреников и циркулярных, в которых все преемственные характерные качества пациентов, установленные по вышеописанному методу, мы выделили каждое в отдельности и сосчитали, а затем для контроля сравнили с характеристиками в историях болезни больницы Winnenthal, которые, несомненно, были сделаны без всякой предвзятой идеи и системы.

Диатетическая пропорция

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

При этом для маниакально-депрессивных пациентов обнаружили следующие признаки темперамента как самые частые и постоянно возвращающиеся:

- 1) общительный, добросердечный, ласковый, душевный;
- 2) веселый, остроумный, живой, горячий;
- 3) тихий, спокойный, впечатлительный, мягкий.

Для наглядности все признаки мы разделили на три группы. Первая объединяет до некоторой степени основные черты циклоидного темперамента, которые постоянно возвращаются, как в маниакальном, так и в депрессивном состоянии, и придают веселости и мрачности оттенок, характерный именно для циклоидного человека. Люди

с маниакально-депрессивным психозом преимущественно общительны, добродушны, с ними легко иметь дело, они понимают шутку и приемлют жизнь такой, какова она есть. Они естественны и откровенны, быстро вступают в приятельские отношения с другими, в их темпераменте есть что-то мягкое и теплое.

Это совершенно соответствует тому, что мы наблюдаем и у циркулярных больных; известно, что возбужденные маньяки в общем отличаются детским добродушием, доверчивостью и уступчивостью: они скорее производят беспорядок, чем совершают грубое насилие; циркулярные больные редко причиняют серьезное зло кому-либо, быстро вспыхивают, но сейчас же становятся опять хорошими, нечасто на них можно обидеться. И типичные чистые депрессивные из циркулярных имеют в своем настроении нечто мягкое. В тех случаях, где течение душевных процессов не очень затруднено высокой степенью задержки, можно с ними вступить в душевный контакт и иногда, несмотря на все их отчаяние, сказать им что-нибудь приятное; они испытывают потребность в ободрении и, при стихающей задержке, в желании высказаться; если приближается выздоровление, они скромны, ласковы и благодарны. Пациенты, у которых преобладает задержка, часто и особенно сильно жалуются на недостаток теплого, душевного чувства к людям и к вещам; это признак того, что именно данное чувство составляет их жизненный элемент. Несмотря на это субъективное ощущение задержки, они при объективном наблюдении наряду с шизофрениками производят впечатление обходительных и душевно теплых.

Наряду с общительными натурами мы находим среди циклоидов, особенно с депрессивной окраской, обходительных отшельников, людей немножко тяжеловесных, спокойных, живущих созерцательной жизнью. Их отличает от соответствующих шизоидов отсутствие какой-либо внутренней антипатии или враждебного нежелания общаться с людьми, но этим отшельникам свойственна известная мрачность, иногда также боязливость и склонность к чувствам недостаточности. Если с ними пытаются войти в общение, то они бывают ласковы, естественны и доступны, в большинстве своем посещают определенный тихий трактир, имеют узкий круг знакомых и друзей, с которыми приятно проводят время.

Важное значение имеет тот факт, что конституционально-депрессивные, т. е. люди, у которых печальное настроение постоянно стоит на первом плане, не так уж часто встречаются среди представителей маниакально-депрессивного психоза. Можно было бы из нашего циркулярного материала составить серию типичных гипоманиакальных темпераментов гораздо скорее, чем собрать ряд конституционально-депрессивных, несмотря на то что швабы представляют собой особенно мрачный тип людей. Если мы предложим родственникам людей, склонных к периодическим депрессиям, рассказать об их личности вне психоза, то не получим вначале указания, что больной бывал постоянно в дурном и подавленном настроении; в лучшем случае родные дают негативную формулировку: он никогда не мог радоваться так, как другие; часто они говорят: он тих и спокоен, он все близко принимает к сердцу, у него мягкая душа. Если мы прямо спросим о его настроении, то нам скажут: он в обычное время дружелюбен, его любят, он не угрюм, понимает юмор, смеется вместе с другими, иногда и сам острит. Но он легко начинает плакать, уже мелочи его волнуют, и при печальных обстоятельствах он печалится дольше и глубже других. Следовательно, такие люди не сами по себе печальны, они лишь легче откликаются на печальные события. Но особенно характерно следующее. На тяжелых ответственных постах, при опасных положениях, при неприятных ситуациях, при неожиданном крахе в делах они не становятся нервными, раздражительными, угрюмыми, как средние люди и особенно многие шизоиды, а делаются печальными. Все представляется им в мрачном свете и стоит перед ними как непреодолимое препятствие.

Следовательно, люди этого типа обладают мягким, способным к глубоким сомнениям темпераментом. Настроение колеблется здесь между веселостью и печалью, но в сторону веселости не так сильно и часто, как в сторону печали. В типичных случаях колебания в иной плоскости (нервной раздражительности) слабо выражены, так как и на эмоциональные воздействия, которые лежат в этом направлении, они реагируют преимущественно не так, а своим типичным, преформированным симптомокомплексом: печалью и чувством задержки.

То же самое, но в обратном порядке мы наблюдаем при чистых гипоманиакальных темпераментах. Не только гипоманиакальное настроение является особенно лабильным и отклоняется в сторону депрессии, но и многие из этих веселых натур, если с ними ближе познакомиться, всегда имеют в глубине существа мрачный уголок. «Во мне постоянно таилась частичка этого», — сказал мне всегда ранее веселый мужчина, который лишь в старости заболел депрессией. Мать Гёте, имея веселый маниакальный темперамент, строго запрещала своим слугам сообщать ей что-нибудь неприятное; ее душа сильно нуждалась в искусственной защите.

Поэтому мы не должны циклоидных людей называть просто гипо-маниакальными или депрессивными. Многие гипоманиакальные таят в себе небольшой депрессивный компонент, а у большинства циклоидных меланхоликов есть налет юмора. Гипоманиакальная и меланхолическая половины циклоидного темперамента сменяют друг друга, переплетаются между собой в каждом отдельном случае в различнейших комбинациях. Это отношение, при котором в циклоидной личности сочетаются гипоманиакальные и мрачные черты темперамента, мы называем диатетической пропорцией или пропорцией настроения.

Гипоманьяк вспыльчив. Это человек, которого гнев освежает, он быстро вспыхивает и тут же становится добрым. Гипоманьяк не может держать язык за зубами; если ему что-нибудь неприятно, лицо его краснеет, он тут же высказывает свое мнение. Он не создан для того, чтобы таить в себе недовольство и нести его в сердце с нежным чувством и со скорбью; поэтому такой человек ничего не оставляет в себе: скрытность, интриги и обидчивость ему чужды. Если пронесся гром, то всякое дурное настроение исчезает и остается только освежающее чувство облегчения. О типично гипоманиакальном человеке мы не вправе говорить, что он не бывает печален, скорее, он никогда не бывает нервен. «Я не знаю, что такое нервы, у меня лошадиная натура». Это любимые выражения гипоманиакальных темпераментов. И действительно, они не знают ни утомления, ни раздражительности и напряжения нервов.

Это согласуется с тем, что мы раньше сказали о чисто депрессивных темпераментах. В неприятных ситуациях циклоидный человек становится печальным или вспыльчивым, но отнюдь не нервным, в равной степени в борьбе его (гипоманиакального, а также депрессивного) нет эмоций холодной строгости, уязвляющей обидчивости и резкой враждебности. Разумеется, мы не хотим сказать (и это относится *mutatis mutandis* ко всем нашим анализам), что никогда не встречаются нервные циркулярные; но должны отметить, что в среднем при анализе больших характерологических серий нервозность не оказывается наиболее яркой чертой характера циклоидных людей.

Большинство циклоидов отличает отзывчивая эмоциональная сфера, которая содержит в себе все оттенки и переходы сангвинического, живого темперамента гипоманиакальных и устойчивого теплого чувства более мрачных натур. Темперамент циклоидов колеблется в глубоких, мягких, закругленных волнах настроения между веселостью и грустью, у одних это протекает быстро и мимолетно, у других — долго и обстоятельно. Только центр подобных колебаний у одних направлен к гипо-

маниакальному, у других — к депрессивному полюсу.

Циклоидные люди отличаются душевностью. Слово «душевность» (Gernuth) или, лучше, «добродушие») (Gemuthlichkeit) выражает собою общее для большинства таких натур при всем различии их настроений: мягкий, теплый, добросердечный, естественно откликающийся на радости и горе темперамент. Слово «юмор» родственно этому. Мы встречаем юмор при среднем типе циклоидных темпераментов, когда способность к смеху с гипоманиакальной стороны сочетается с душевной глубиной с депрессивной стороны.

Социальная установка

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Темперамент циклоидов определяет характер их социальной установки, на что уже было указано. Они имеют потребность высказаться, высмеяться и выплакаться, ближайшим естественным путем стремятся к тому, что приводит их душу в адекватное движение, радует и облегчает ее, — к общению с людьми. Всякий раздражитель настроения находит в них отклик: отсутствуют тормозящие моменты, заранее готовые мнения. Они могут в настроении момента слиться со средой, тотчас же принять участие и свыкнуться со всем. Каждая мелочь, каждый предмет окрашивается их теплым чувственным тоном. «С благодарностью и любовью» относятся они к жизни. Конечно, только вне депрессивных настроений. Поэтому средний циклоид в своем обычном состоянии общителен, человеколюбив, реалистичен и легко приспосабливается к окружающему. Так как темперамент сливается со средой, то у человека нет никакого резкого противоречия между «я» и внешним миром, нет принципиального отрицания последнего, нет желания корректировать мир по твердо установленным положениям, нет трагически заостренного конфликта, но есть жизнь в вещах, слияние с вещами, спайка с жизнью, сочувствие и сострадание.

То, что называют у маниакального эгоизмом, имеет в себе нечто детски-наивное, которое находит свой настоящий прототип в чрезмерной радости награждать других подарками и доставлять им удовольствие. Это гипоманиакальное чувство собственного достоинства не заключает в себе резкого противоположения между собственной личностью и враждебным или безразличным внешним миром, но требует жизни для себя и дает жить другим; здесь полная удовлетворенность самим собой и миром, почти странная убежденность в ценности и правах своей собственной индивидуальности.

Эта реалистическая настроенность циклоидов, естественное слияние с данными людьми и обстановкой в зависимости от притяжения к депрессивному или гипоманиакальному полюсу имеет несколько различную окраску. Гипоманиакальный — это подвижный человек, постоянно подпадающий под влияния настроения и среды. Он радуется всякому новому лицу и сразу становится его другом. Склонность к известному материалистическому образу мышления: наслаждениям, любви, пище и вину, естественному приятию всех прекрасных даров жизни — не только совершенно ясна у гипоманиакального, но ее можно характерологически проследить через циклоидные типы вплоть до депрессивной сферы, где мы их вновь встречаем среди известного сорта уютно-меланхолических старых любителей выпить. Кроме того, эта реалистическая отзывчивость к другим людям приобретает этическую углубленность у депрессивных: она проявляется как неморализующее умение понимать особенности других, добродушная скромность, которая делает мрачных циклоидов столь приятными при личном общении.

Эта способность растворяться в реальной среде и сопереживать ее теснейшим образом связана с другой типичной чертой характера. Циклоиды не являются людьми строгой последовательности, продуманной системы и схемы. Сказанное касается всех оттенков.

При быстром темпе гипоманиакального это свойство принимает форму постоянно изменяющегося непостоянства. Но и среди спокойных лиц среднего типа, и среди мрачных мы встречаем группу людей, с которыми можно добродушно беседовать, и они, несмотря на всю совесть, склонны к уступчивости и компромиссам. Это практики, которые раньше знакомятся с человеком и реальными возможностями, а затем уже считают с принципом. Любопытно, что данная черта характера обнаруживается также при маниакальных и депрессивных психозах. Известна бедность циркулярных бредовыми идеями. Ни маниакальный, ни депрессивный не создают в типических случаях бредовую систему с последовательным ходом мыслей и методическим сочетанием их. Без долгих размышлений содержание представлений приобретает у них окраску печали или веселья, так возникают несколько простых идей обеднения и греховности или мимолетные идеи величия. Настроение — это все, размышление не играет здесь никакой роли.

Поэтому мы встречаем у циклоидов много радости в работе, текучей практической энергии, но у них нет твердой, непреклонной, решительной активности известных шизоидных темпераментов. Лишь в редких случаях мы наблюдаем у циклоидов сильное честолюбие. У гипоманиакальных влечение к труду и самомнение значительно больше, нежели сильное стремление к высоким идеалам. Вообще, качества, основанные на интрапсихических напряжениях, все эксцентричное, фанатическое чуждо чистым циклоидам. В этом их сила и слабость.

Несомненно, в связи с описанной структурой характера стоит тот факт, что среди препсихотических типов личности циркулярного круга асоциальные качества довольно редки. Названия «деятельный», «экономный», «солидный» и, прежде всего, «прилежный» относятся к самым частым характеристикам нашего материала. Нередко даже восхваляют громадную работоспособность натур с гипоманиакальной окраской. Выражения «суетлив, деятелен, предприимчив» характеризуют такую работу; тем не менее следует подчеркнуть, что бестактность и беспощадность, смелые, необдуманные предприятия хотя и встречаются у гипоманиакального, но поступки уголовного характера и тяжелые асоциальные действия мы находим у них довольно редко, особенно если психические свойства не достигли степени душевного расстройства. В отдельных случаях влечение к пьянству, расточительности, эротическая распушенность становятся опасными для их личного благополучия. Все-таки, игнорируя некоторые соображения морального свойства, надо сказать, что большинство гипоманиакальных темпераментов, поскольку они не выходят из рамок характерологического, социально вполне пригодны, а одаренные люди среди них даже резко возвышаются над средним уровнем.

В нашем материале мы находим много примеров, когда гипоманьяки, которых надо причислить к очень «легкомысленному» типу, в определенных профессиях (купцы, ораторы, журналисты и т. п.) имели удивительный успех и пользовались большой популярностью. Из их положительных качеств надо прежде всего указать на неутомимую работоспособность и радость в труде, на энергичность, находчивость, порыв, смелость, обходительность, приспособляемость, беспристрастие, умение обращаться с людьми, богатство идей и способность быстро схватывать конъюнктуру. Будет ли действовать гипоманьяк полно- или малоценно в социальном смысле, зависит прежде всего от компенсирующего сочетания в наследственном предрасположении гипоманиакального элемента с другими свойствами характера, а также, разумеется, от воспитания, от подходящих товарищей по работе, которые дополняют неустойчивого воителя жизни и ослабляют его отрицательные стороны, его склонность к поверхностности, бестактность, непостоянство, переоценку самого себя и отважность.

VI среди депрессивных мы находим необычайно прилежных работников. Об

энергичных практиках среднего типа мы позже поговорим. Темпераменты с депрессивной окраской не могут быть вождями и организаторами вследствие своей рассудительности, мягкости и впечатлительности, но они великолепно исполняют свои обязанности как чиновники и уполномоченные, а в спокойные периоды даже на ответственных постах. Уже на первой своей службе, благодаря добросовестному отношению к делу, солидности, спокойствию, практичности, а также добросердечию, обходительному отношению с людьми и личной привязанности, они становятся всеми любимыми, уважаемыми, незаменимыми руководителями дела. Мне приходилось видеть несколько таких типов. Если они неожиданно попадают в беспокойную, необычную, ответственную ситуацию, то быстро теряют мужество, мысль и энергию и даже заболевают типичной депрессией с задержкой, что мне пришлось наблюдать в революционное время среди фабрикантов и чиновников. Таким был машинист М., добросовестный, преданный делу человек, который не мог справиться со своими обязанностями, когда в плохих паровозах военного времени медные части заменили железными. Несмотря на старания и осторожность, постоянно обнаруживались дефекты. Когда случались такие вещи, он, при своей исключительной добросовестности, не мог как следует спать и есть. В железнодорожных мастерских он успокоился, но, когда ему вновь пришлось вести поезд с плохим паровозом, заболел типичной депрессией. Подобные типы в качестве сельских священников или уважаемых ремесленников представляют собою необычайно симпатичные и деятельные фигуры.

Среди депрессивных темпераментов мы встречаем нередко религиозных. В своей набожности, как и по характеру вообще, они мягки, душевны, сердечны, эмоциональны, глубоко верующий, но без ханжества и педантизма, скромны и терпимы к инакомыслящим, без сентиментальности, фарисейства и излишнего морализма.

Психический темп и психомоторная сфера

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Особенности психического темпа и психомоторной сферы, какие наблюдаются при циркулярной форме, столь известны и так легко понятны, что только полноты ради мы несколько остановимся на них. Веселое настроение у циклоидов, как известно, в большинстве случаев сопровождается простым ускорением психического темпа. То и другое называют гипоманиакальным темпераментом. Восприятие молниеносно и резко экстенсивно, оно не проникает вглубь, а одновременно охватывает разнообразное. Мысли текут гладко, без малейшей задержки; при более высоких степенях это называют вихрем идей. Здесь особенно ясно выступает несистематическое мышление, обусловленное моментом, свежим впечатлением, случайно всплывшей идеей, отсутствие оценки анализа, системы последовательного построения и твердой руководящей идеи, т. е. преобладание интереса при недостаточной выдержке (Tenasitat). Все эти особенности: экстенсивную многосторонность, наивную наглядность и недостаток систематического построения — мы встретим позже, при рассмотрении гениального творчества здоровых циклотимических поэтов и исследователей. Между тем систематическое, абстрактное и последовательное можно установить как элективный признак отдельных шизотимических групп.

Психический темп депрессивных циклоидов в отношении недостатка настойчивости, системы и последовательности, отсутствия сложных задержек и комплексных механизмов сходен главным образом с таковым гипоманиакальных. И у них реакция на раздражения наступает тотчас же, и они обнаруживают непосредственную мягкую впечатлительность. Но их темп простой и равномерно замедленный. Движения

осторожны и скудны; для мыслей необходимо время, решения назревают с трудом. Комбинацию простого замедления психического темпа со склонностью к депрессивным аффектам мы называем мрачным типом темперамента, который (с психотическим уклоном) непосредственно примыкает к картине депрессии с задержкой. Между гипоманиакальным и мрачным типами располагается вся совокупность чисто циклоидных темпераментов. Лица со средним настроением и темпом, которые находятся между обоими полюсами, составляют большинство.

Нам остается лишь немного сказать о психомоторной сфере циклоидов. И здесь, как и в интрапсихических актах, нет более сильных задержек, порывистости, угловатости. Психомоторная сфера проста, адекватна раздражению, мимика и движения закругленны, плавны и естественны, но только с той разницей, что гипоманиакальный обнаруживает быстрые и обильные движения, депрессивный — медленные и скудные. Общее впечатление от моторной сферы и психического темпа гипоманиакального лучше всего характеризуется словом «подвижный», таковое депрессивного — лучше всего словом «довольный» («behagig»), причем слово «довольный» включает в себя представление о пикническом телосложении вместе с замедленным темпом и добродушным настроением.

Циклоидные варианты

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Известные боязливость и застенчивость свойственны некоторым циклоидно-депрессивным натурам, но означенные качества не особенно часто отмечаются в моей статистике. Боязливость и застенчивость сочетаются тогда со скромностью и склонностью к чувству недостаточности и ими же психологически мотивируются, вот почему у этих людей она большей частью умеренна, не бросается в глаза и легко преодолевается. Резкие степени нелюдимости и застенчивости у вполне взрослых, у которых уже обычно наступает типичная моторная неподвижность и задержка в ходе мыслей, согласно нашим наблюдениям, стоят вне конституционально депрессивных рамок в циклоидном смысле и, вероятно, объясняются шизоидными конституциональными налетами.

То же самое касается случаев, при которых депрессивная совестливость принимает характер педантичного узкосердечия или навязчивости, а обычная религиозность переходит в систематическое мудрствование, богатство идей — в причуды изобретателя и гневливое самосознание — в постоянные жалобы или параноидное состояние. Шизоидные налеты в наследственности и строении тела идут нередко параллельно с этим, и психозы, которые возникают на такой конституциональной почве, обнаруживают иногда признаки шизофренической симптоматиологии, хотя их главным образом надо считать маниакально-депрессивными. Также, если внимательно отнестись, и в более редких атипических формах маниакально-депрессивного помешательства, и в некоторых случаях меланхолии с ворчливостью, недовольством, ипохондрическими параноидными идеями, с двигательными симптомами можно изредка констатировать посторонние конституциональные налеты шизоидного или иного характера. Мы еще не выдвигаем определенных положений в этом направлении, так как не имеем достаточного количества наблюдений. Впрочем, и Гофман пришел к аналогичным результатам на основании своих исследований о наследственности.

В области характерологии наша статистика вместе с психологическим сравнением отдельных качеств дает нам определенные подсказки. Качества, которые мы в шизоидной группе встречаем очень часто в типичной форме, а в циклоидной,

напротив, изолированно, мы будем вначале объяснять шизоидными компонентами, особенно там, где они выступают в рамках циклоидной личности. Таким путем мы получим предварительные данные для клиники и для исследования о наследственности, не устанавливая догматов для каждого отдельного случая и сознавая, прежде всего, что не все характерологическое должно непременно находиться только в циклоидных и шизоидных формах или в комбинации обеих, хотя пока и было бы целесообразно возможно шире пользоваться этими двумя группами.

Что же касается конституциональной депрессии, то мы все больше и больше удаляемся от центра циклоидной группы, когда в меланхолическую мягкость вплетаются черты сухости, ипохондрической ненависти к миру и к людям, нервозности, непостоянства настроения (но не мягкого циклического колебания настроения), бледности аффекта, ворчливого недовольства, пессимизма, мрачной замкнутости и угрюмости. Именно для такого типа резко выраженное расстройство настроения вовсе не является прототипом конституциональной депрессии циклоидного характера, скорее, оно стоит ближе к шизоидным формам, чем к циклоидным. Мало того, я видел, что отдельные случаи этого рода прямо заканчивались шизофреническим психозом. Из нашего материала можно было бы составить непрерывный ряд случаев, в которых при постепенном ослаблении характерных признаков одной из названных выше групп (в смысле характерологии, строения тела и соответственных психозов) можно было бы наблюдать постепенный переход от типичных циклоидов к типичным шизоидам.

В отношении соответствующих гипоманиакальных переходных форм наш материал менее богат; весьма вероятно, что редкие среди гипоманьяков опустившиеся типы, которые изображаются как крайне ленивые, грубые, неуправляемые, нетерпимые, кверулирующие, сварливые, базируются на аналогичных конституциональных комбинациях. Это же касается небольшой криминальной группы, которая в характерологическом отношении выпадает из рамок остальных.

Все эти вопросы составят плодотворную и интересную область для отдельных исследований как в клиническом смысле, так и в отношении наследственности. Пока эта работа не будет выполнена, мы воздержимся от окончательного суждения.

Отдельные типы

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Мы считаем излишним для себя и для читателя приводить обширную казуистику, на которую опирается наше описание циклоидных типов личности, и для пояснения даем лишь несколько наглядных примеров.

Живой гипоманиакальный тип

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

40-летний фабрикант Квик — сын тяжелоциркулярной матери и отца такого же темперамента, как и он сам. Этот ловкий, смелый, предприимчивый делец в 1911 г. вместе с другими основал небольшую фабрику с первоначальным капиталом в несколько тысяч марок, которая теперь превратилась в крупное производство с семью отделениями. Его компаньон — сухой, вдумчивый, солидный человек; их качества прекрасно дополняют друг друга.

При Квике не скажешь ни слова. Обязательный, всегда чистенький, любезный и с

великолепным настроением, он говорит непрерывно сам, очень быстро и много, уклоняется в сторону, возвращаясь опять к своему предмету. Выходя за дверь, он вспоминает, что он должен еще что-то сказать. Он ни о чем не забывает, кроме того, что хочет забыть. Одним взглядом он улавливает обстановку комнаты до мельчайших подробностей и по-купечески оценивает ее. Его понимание конъюнктуры удивительно. Когда у него нет лишних денег, он фабрикует на бумаге карбидные лампы, что приводит в отчаяние соучастника предприятия. Последнюю зиму, когда перестало работать газовое освещение, он быстро его исправил и заработал большие деньги. Он настойчив в том, чего домогается, и не терпит никаких советов. Его служащие улыбаются, когда о нем говорят: они его любят и стоят за него горой, но при этом считают сумасбродом.

Квик — маленький, кругленький человек, уверенный и довольный. Он элегантно одет, надушен, его галстук и носовой платок красивы и изящны. По утрам он их утюжит карманным утюжком; самое необходимое у него с собой и только лучшего качества. Его реклама в стихах и рисунках является кричащей. Он охотно сообщает, что не только очень много пьет, но к тому же и очень хорошо ест. Для хорошего завтрака ему нужен фунт зернистой икры. Когда он выпивает много вина, то становится неосмысленным, грубым, «швабом». Он пишет тогда евреям, которых не любит, оскорбительные деловые письма, которые приходится задерживать для сохранения престижа фирмы.

Недавно он следующим образом праздновал день рождения тещи в своем доме: возвратившись из поездки на автомобиле в 2 часа ночи, он появился с поздравлением перед ее кроватью, держа в одной руке два мешочка лучшей муки, а в другой — портрет, написанный масляной краской. В 6 часов утра в его квартире зазвучал духовой оркестр из десяти человек, заказанный им в честь тещи. Они играли непрерывно с 6 до 10 часов: «Этот день господина», «Не забывай меня», «Благодарите все Бога», «Смешанное погурри» и закончили «более серьезным». После обеда, так как шел дождь и они ничего не могли заработать, им разрешили еще раз прийти. Они играли, Квик их щедро наградил. Он был в великолепном настроении. Народ собрался внизу на площади и аплодировал. Квик появился на балконе и обратился к собравшимся с речью. Только он один еще был на своем посту; его дамы лежали в постели с расстроенными нервами.

Вследствие этого празднества, далеко не подобающего для фирмы, он попадает под наше наблюдение. Жена и компаньон огорчены и озабочены таким его поведением. Здесь у нас он мил, обходителен, вежлив, легко со всеми знакомится и находит себе дело. Его комната быстро украшается маленькими диванными подушками, драпировками и безделушками. На столе находится: небольшая коллекция его фабрикатов, электрический аппарат, который то неожиданно освещает, то затемняет их, затем большой белый слон, внутри воспламеняющийся, поглощающий дым и взамен этого выделяющий приятные ароматы, наконец, платяная щетка, которая начинает издавать музыкальные звуки, как только чистят платье, и на стене клозетная бумага, снабженная внутри музыкальным аппаратом — при отрывании каждого листка раздается песнь: «Радуйтесь жизни, так как еще горит лампочка».

Квик говорит о себе так: «Я весьма ценный человек, человек души. Моя жена совсем не знает, что я для нее значу!»

Такие живые маниакальные люди представляют собой не самый часто встречающийся тип среди более веселых циклоидных темпераментов, но наиболее

акцентированный, который выявляет характерные качества этих весельчаков, их социальные преимущества и отрицательные стороны. Подобные случаи находятся на крайнем полюсе при переходе от характерологически-гипоманиакального к психотически-гипоманиакальному. Отсюда уже идут все переходы от живого, веселого типа к тихому самодовольству, что мы сейчас же опишем. В циркулярных семьях мы встречаем эти умеренные формы веселых, солнечных, подвижных и добродушных людей, социально вполне терпимых и обращающих на себя внимание не чаще, чем резко гипоманиакальные. В нашем случае гипоманиакальное находится в благоприятном конституциональном соединении: комбинировано с чертами решительной уверенности, что не является типично гипоманиакальным. Это соединение делает возможным большие социальные успехи нашего пациента, несмотря на ненормальную степень особенностей его темперамента. Я не привожу специального примера других, более частых соединений. и прежде всего известных типов надоедливых спорщиков и ругателей. Подробное описание их, часто слишком выдвинутыми на первый план, можно встретить в учебниках. Они не являются ни наиболее частым типом циклоидного гипоманьяка, ни самым чистым. Самый чистый тип — это любезный, солнечный, подвижный гипоманьяк, поскольку этот тип совпадает с циклоидным общим типом, что мы увидим при изучении препсихотической личности циркулярных.

Тихий самодовольный тип

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Старый ротмистр Франц Ксавье Вюрцнер провел часть своей жизни в постоянных маниакальных и депрессивных колебаниях настроения, временами также в состоянии психоза. Во многом Вюрцнер в здоровые периоды походил на своего отца, который постоянно был доволен и работал с утра до ночи, чтобы дать хорошее воспитание детям. По вечерам он ложился на софу вместе с кошкой и кружкой вина. Он говорил немного, внутренне был доволен собой, миролюбив и всеми любим. Он хорошо играл на органе, имел много книг, иногда писал стихи, которые оставлял только для себя. Он занимался также пчеловодством. Мать его была хорошей женщиной, веселой и полной жизни, хотя и не отличалась здоровьем и всегда носила на голове повязку. Дом был полон гостей. Никто ее не видел недовольной. Она была мила со всеми и делала много добра. Нищие устремлялись к ней со всей округи. Она пела уже рано утром, когда готовила кофе.

Вюрцнер должен был в 45 лет уйти на покой, так как больше не мог служить. В это время он был, «как дикий бык, перед которым держат красный платок». Он сразу становился бешеным. Позже он неоднократно страдал тяжелой меланхолией и писал при этом день и ночь пятитомную поэму в стихах о войне семидесятого года.

Теперь все это прошло. На свои небольшие деньги он купил себе место в окружной больнице и живет там как пансионер в маленькой собственной комнатке среди стариков и инвалидов. Он чувствует себя хорошо и бодро, статен, несколько медлителен в движениях, но с блестящими, живыми глазами. Зимой и летом он носит на шее шерстяной платок. Он не переносит открытых окон. Утром он убирает свою комнату, чистит и подметает ее, не нуждаясь в прислуге. «Если я этого не смогу сделать, то знайте: старый Вюрцнер скоро погибнет».

Перед обедом он час гуляет, затем, часок поспав, как хорек, идет гулять часа на два-три, пьет после ужина бутылку пива в хорошем, но недорогом ресторане и спит почти всю ночь. Бутылка пива стоит 45 пфеннигов, а больше ему ничего не надо. Он так воспитан, его отец был таков же. Он охотно делает подарки; если кто-

нибудь ему делает одолжение, он не забывает этого.

Его нельзя «вывести из равновесия», и с злыми сестрами госпиталя он ладит. Зачем ему волноваться? Он давно уже ни с кем не ссорится. Он озлобляется лишь тогда, когда в соседней комнате храпят и кашляют. Тогда он обращается с жалобами к администрации госпиталя.

С юношеских лет ему каждый говорил: «Если бы был у меня ваш юмор». Он всегда был прекрасным музыкантом. На органе и рояле он и теперь играет, охотнее всего Бетховена и Моцарта. «Приходите опять к нам и доставьте нам удовольствие», — говорят его односельчане, когда он бывает у них в церкви и играет. Он очень много читает, особенно любит Жана Поля. Раньше он писал юридические статьи, которые не публиковал, занимался физиологией, психологией и философией. Его жизненная мудрость очень популярна. Во время войны он написал небольшую брошюру, состоящую из собранных им 50 правил жизни, которую на собственные средства он отправлял на фронт. Брошюра открывается сентенцией: «Счастлив тот, кто не обжора, не пьяница, не развратник и не бродяга». «Без моральной основы нельзя создать никакого государства» — таков его лозунг.

Будучи студентом, Вюрцнер ровно в 10 часов возвращался домой. «Достаточно пить до десяти». Он никогда не ходил на обед, где подавалось больше одного блюда. «Больше не требуется. В противном случае можно впасть в распутство». Пирог с ягодами для него выше всяких деликатесов. Суп утоляет жажду. У него не было никаких связей, и в течение 6 семестров он блестяще сдал юридический экзамен. Но приятное общество у него было всегда; когда Вюрцнер появлялся, становилось весело. Когда он вступил в шахматный клуб, его сразу же захотели сделать председателем.

В гимназии у него была своя «возлюбленная». Вообще он не питал особенных чувств к девушкам, опасаясь, что они хотят выйти за него замуж. Он был «также слишком страстным любителем музыки» и членом общества любителей пения. Он отличался своеобразной боязливостью, опасался, что у него будут большая жена и больные дети или кто-нибудь из них может умереть. Это для него было бы невыносимо больно. Он невинно рассказывал о грубых историях в ярких выражениях.

Теперь он стар и без должности, но работа ему необходима. Он не выносит праздности. Если ему нечего делать, он берет свой карандаш и работает умственно. В последнюю зиму он прочитал 12-томную научно-популярную энциклопедию. Для длинных зимних вечеров он покупает что-нибудь из литературы, у него есть иллюстрированный журнал, и он любит красивые картины. Для ближайшей зимы он купил себе речи Цицерона; еще недавно он читал древнегреческих классиков. Для своих 65 лет он ведет живую умственную жизнь.

С тех пор как Вюрцнер постарел и не стало его старых друзей, он ведет скорее замкнутый образ жизни. Он охотно беседует с людьми, но особенно не домогается их. Он начинает беседу с знакомыми, которых встречает во время прогулки, вступает в разговор со старыми женщинами. Все в округе его знают. Ведь нельзя совершенно терять юмора. Каждый весенний цветочек доставляет ему радость. При встрече с красивыми мальчиками и девочками он отпускает какую-нибудь реплику. В ответ они хихикают и говорят: «Наш старый ворчун сегодня в хорошем

настроении».

Он совершенно не боится смерти, твердо держится своей религии: «Я не монах и не ханжа». С юных лет он каждое воскресенье ходит в церковь как «верующий в Бога человек». Однако внешним формам он не придает значения. Вюрцнер не любит подстрекательства: «К чему это горячие головы нападают друг на друга?» Если кто-нибудь не верит, он ничего не имеет против этого. Это дело каждого. Нельзя еще знать, кто прав.

Сам он стоит на следующей точке зрения: «Если есть Бог, то я счастлив на этом пути, если же его нет, мне это не может повредить».

Уклон в оппортунизм, который, так сказать, лежит в плоскости циклотимических темпераментов, ярко выявляется в последнем изречении Вюрцнера. И у этого довольного, веселого старого господина в характерной боязни неприятных переживаний (по его мнению, в связи с браком) мы можем ясно распознать депрессивный остаток на фоне настроения. С циклотимической стороны темпераменты вроде Вюрцнера составляют ближайшую переходную стадию к типу художника жизни.

Радостная детская веселость и психическая разносторонность Вюрцнера идут от гипоманиакальной стороны, но уже в комбинации с известной созерцательной флегматичностью в более пожилом возрасте и с тяжеловесностью у него замечается, кроме того, особая отзывчивость на печальные стороны жизни, что характерно для перехода в депрессивную сторону. В своей общительности он являет тип обходительного отшельника, который не ищет людей, но радуется, когда они к нему приходят. Его легкую склонность к ипохондрическому чудачеству нужно, вероятно, рассматривать как известную добавку.

Опишем теперь темперамент с депрессивной окраской.

Меланхолический тип

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Юлиус Гютле, который с юношеских лет страдал легкими циклическими расстройствами настроения, на 50-м году заболел периодическими депрессиями. Как человек он во многом напоминает нашего славного машиниста. У него широкая крестьянская голова, красивый красный нос, на его маленьких глазах, на каждой складке круглого, доверчивого лица написаны преданность и добросердечие. Он сам, разумеется, придерживается иного взгляда, он себя считает «неловким человеком», неуклюжим парнем: в нем еще сказывается крестьянское происхождение и над ним, пожалуй, смеются втихомолку. Он в своей жизни уже совершил несколько глупостей, за которые его следовало бы наказать.

С юных лет он любил книгу, в 17 лет читал Шекспира, а в молодые годы писал стихи. В школе и на государственном экзамене он получил блестящий аттестат, кроме того, он был прилежен и совестлив. В студенческие годы у него была солидная связь; он уже тогда был религиозен, но не хотел сделаться теологом.

Внешняя жизнь, которая привела его к высокому посту, была тиха и проста. Начальники ценили его. В канцелярии он добродушно покрикивал, но не хотел никому причинять зла. Он требовал аккуратности и добросовестности, но не был мелочен со своими подчиненными, в конторе не очень следил за дисциплиной, но

только желал, чтобы работа шла успешно.

В своей правильно протекающей жизни чиновника он чувствовал себя хорошо, но плохо переносил перемены ситуации: ему трудно было заменять других, он привык делать все сначала. Благодаря этому ему было особенно тяжело во время войны, когда после привычной канцелярии в министерстве он должен был сразу заменять окружных чиновников и выполнять трудные и сложные дела военного хозяйства. Он чувствовал себя на этом посту неуверенным, не справлялся с делом, видел все в мрачном свете, стал мудрствовать, и таким образом постепенно развилась его первая депрессия.

Он никогда не был человеконенавистником, легко отзывался на радость и горе других, посещал небольшой ресторан, где уютно проводил время со своими добрыми старыми друзьями, иногда даже шутил. Он чувствовал себя неловко в большом обществе и когда к нему холодно относились. Если же с ним ласково беседовать, то можно сразу заслужить его полное доверие.

Его только мучит внутреннее чувство, что он по ошибке и не по праву попал в министерство. Он, собственно, несколько ограничен, но только другие этого не замечают.

Глава 10. Шизоидные темпераменты. Общая часть.

Строение тела и характер Кречмер, Эрнст

Циклоидные люди — прямые, несложные натуры, чувства которых в естественной и непритворной форме всплывают на поверхность и в общем вполне понятны каждому. Шизоидные люди за внешним скрывают еще и нечто глубинное. Язвительно-грубая, или ворчливо-тупая, или желчно-ироническая, или моллюскоподобно-робкая, бесшумно скрывающаяся — такова внешность. Без нее мы видим человека, который стоит на пути как вопросительный знак, мы ощущаем нечто шаблонное, скучное и неопределенно проблематичное. Что скрывается за этой маской? Она может быть ничем, пустотой мрака — аффективной тупостью. За безмолвным фасадом, который слабо отражает угасающее настроение, — ничего, кроме обломков, зияющей душевной пустоты или мертвящего дыхания холодной бездушности. Мы не можем по фасаду судить, что скрывается за ним. Многие шизоидные люди подобны римским домам и виллам с их простыми и гладкими фасадами, с окнами, закрытыми от яркого солнца ставнями, но где в полусумраке внутренних помещений идут празднества.

Цветы шизофренической внутренней жизни нельзя изучать на крестьянах, здесь нужны короли и поэты. Бывают шизоидные люди, относительно которых после десятилетней совместной жизни нельзя сказать, что мы их знаем. Робкая, кроткая, как ягненок, девушка служит в течение нескольких месяцев в городе, она послушна, нежна со всеми. Однажды утром находят троих детей убитыми в доме. Дом в пламени, она не расстроена психически, она знает все. Улыбается без причины, когда признается в преступлении. Молодой человек бесцельно проводит свои молодые годы. Он так вял и неуклюж, что хочется растолкать его. Он падает, когда садится на лошадь. Он смущенно, несколько иронически улыбается. Ничего не говорит. В один прекрасный день появляется томик его стихотворений, с нежнейшим настроением; каждый толчок, полученный от проходящего неуклюжего мальчишки, перерабатывается во внутреннюю трагедию; ритм строго выдержан и отличается стилем.

Таковы шизоидные люди. Аутизмом называет это Блейлер, жизнью в самом себе. Нельзя знать, что они чувствуют; иногда они сами этого не знают; или же только неопределенно ощущают, как несколько моментов в расплывчатой форме одновременно проникают друг в друга, переплетаются друг с другом и находятся в предчувственном мистическом взаимоотношении; или же самое интимное и самое пошлое сочетается у них с цифрами и номерами. Но все, что они чувствуют, банальность ли это, прихоть, низость или сказочные фантазии, — все только для них одних, ни для кого другого.

В шизофреническом цикле нам труднее отделить здоровое от больного, характерологическое от психотического. Циркулярные психозы протекают волнами, которые набегают и уходят и опять выравниваются. Почти одно и то же наблюдается в картине личности до и после психоза. Шизофренические психозы протекают толчками. Что-то перемещается во внутренней структуре. Все строение может рушиться внутри, или же появляются некоторые уклоны. Но в большинстве случаев сохраняется нечто, что уже больше не восстанавливается. В легких случаях мы называем это постпсихотической личностью, в тяжелых — шизофреническим слабоумием; между тем и другим нет никаких границ. Но мы часто не знаем, закончился ли психоз. Люди, которые в течение десятилетий исполняли свои служебные обязанности как оригинальные и недружелюбные личности, могут нам случайно открыть, что они таили в себе фантастические бредовые идеи, — и здесь нет границ. Кроме того, что представляет собой оригинальность и что является бредовой системой? Наконец, особенно ясно меняется человек в период полового созревания. И шизофрения падает преимущественно на этот период. Должны ли мы таких людей, которые в это время сильно изменились, рассматривать как психотические личности или считать их никогда не болевшими шизоидами? Этот вопрос очень важен для родственников шизофреников. В период полового развития шизоидные черты характера находятся в полном расцвете; однако в легких случаях нам неизвестно, стоим ли мы перед развитием шизофренического психоза, наступил ли уже психоз, есть ли психологические продукты закончившегося приступа или, наконец, все это лишь бурное и причудливое половое развитие шизоидной личности. Ведь нормальные аффекты периода полового развития — робость, неповоротливость, сентиментальность, патетическая эксцентричность, напыщенность — находятся в тесном родстве с некоторыми чертами темперамента у шизоидов.

Короче говоря, мы можем выделить препсихотическое, психотическое, постпсихотическое и непсихотическое, но не в состоянии психологически расчленить шизоидное. Только сопоставив все, мы получим правильное представление.

К этому присоединяется дальнейшая методологическая трудность. Шизоидный человек обнаруживает лишь свою психическую поверхность также, как это делает шизофренический душевнобольной. Поэтому клиницисты в dementia praecox в течение многих лет ничего не видели, кроме аффективной тупости, странности, дефективности и умственной неполноценности. Это было необходимой предварительной стадией, на которой уже давно застряло исследование. Лишь Блейлер нашел ключ к шизофренической внутренней жизни и открыл доступ к удивительным богатствам психологического содержания; пока здесь, вероятно, сделано очень мало. Ведь ключ к шизофренической внутренней жизни — это одновременно ключ (и единственный ключ) к большим областям нормальных человеческих чувств и поступков.

Ясно, что при таком положении вещей и о шизоидной характерологии путем грубого статистического метода, прибегая к исследованию родственников шизофреников, мы можем установить лишь часть психических данных: главным образом шизоидную поверхность, а из глубины лишь более редкие, часто шаткие, психологически совершенно неточные черты. О внутренней жизни шизоидных темпераментов мы можем получить целостное представление из автобиографий даровитых, образованных шизоидов и прежде всего из объективных психологических документов, каковые нам оставили шизоидные и шизотимические гении, особенно поэты. О более глубокой характерологии шизоидов можно будет судить на основании отдельных тонких психологических анализов.

Развитие жизни шизоидов

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Циклоидные люди сохраняют через все маниакально-депрессивные колебания основные симптомы темперамента от колыбели до могилы. Биологически действующее начало, создающее шизофрению и шизоидную личность, есть нечто, что уже заранее заложено и наступает с известной последовательностью в определенном периоде жизни и затем действует дальше. Порядок в тяжелых случаях следующий; с самого раннего детства имеется налицо шизоидная личность, в период полового созревания развивается шизофренический психоз, после него остается специфическое слабоумие или постпсихотическая личность, которая, даже если оставить в стороне грубые дефекты, отличается от препсихотической более ярким проявлением шизоидных симптомов.

Этот типичный ход может варьировать в своем временном появлении. Мы находим иногда шизоидов, которые производят впечатление, будто они испытали шизофренический психоз до рождения: уже в раннем детстве они столь слабоумны, упрямы, недружелюбны, необходимы, каковыми делается большинство шизоидных людей, перенесших тяжелый психоз. Врожденное асоциальное слабоумие такой шизоидной окраски может, благодаря своим кататоническим толчкам, в более позднем возрасте обнаружить несомненную принадлежность к шизофреническому циклу. Все эти разрушительные дефективные состояния врожденного или приобретенного характера — независимо от того, принимают ли они окраску криминальной антиобщественности или ворчливости, странности, тупости, нелепости,— имеют типичный отпечаток шизофренической психологии; но для характерологии они дают так мало материала, что мы, несмотря на их частоту, лишь вкратце упоминаем о них, тем более что они подробно описаны в учебниках психиатрии.

Если в упомянутых случаях появление шизофренического действующего начала было слишком рано, то нередко наблюдается обратный случай — его запоздание. В моем материале имеется небольшое количество очень интересных шизофреников, у которых в их детские годы нельзя было обнаружить никаких признаков препсихотической шизоидной личности, и они их родными воспринимались как живые, довольные, добродушные и веселые. Здесь психоз времени полового развития или наступает внезапно, или же препсихотический шизоид запаздывает при хронических изменениях личности в период полового созревания; эти изменения стабилизируются в течение всей жизни, застывают в рамках характерологического, а также могут заканчиваться шизофреническим психозом. И в детстве шизоиды после короткого расцвета всех их психических качеств могут переживать этот надлом личности в период полового развития, но без психоза. Для психологии гениального творчества такой расцвет

продуктивности и неожиданное прекращение ее, особенно у писателей, весьма важен (я припоминаю, например, здорового, но в физическом и психическом смысле классического шизотимика Уланда). Наконец, существует несколько редких случаев, когда шизоидные частичные компоненты наследственного предрасположения могут выявиться поздно, например в период инволюции, когда у людей, ранее веселых, цветущих, добродушных, после 40 лет появляются черты недоверия, ипохондрии, отчужденности и угрюмого человеконенавистничества. Мы уже коснулись этого процесса поздней смены доминант при описании конституциональных стигмат.

Психэстетическая пропорция

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Из шизоидных качеств характера, наблюдаемых на поверхности, выделены из нашего материала следующие:

- 1) необщителен, тих, сдержан, серьезен (лишен юмора), чужак,
- 2) застенчив, боязлив, тонко чувствует, сентиментален, нервен, возбужден, друг книги и природы;
- 3) послушен, добродушен, честен, равнодушен, туп, глуп.

Наша статистика отражает, прежде всего, препсихотические личности, ставшие позже душевнобольными. По ним мы, вероятно, можем судить об основных чертах шизоидных темпераментов, но временами нам придется дополнять их чертами, характерными для шизофренических психозов и постпсихических личностей, причем часто отсутствуют возможность и надобность отделять эти постоянно переходящие друг в друга случаи.

Мы расчленили наиболее частые шизоидные черты на три группы. Черты группы 1 — самые частые, так как они красной нитью проходят через всю шизоидную характерологию, а также через группы 2 и 3. Они объединяют, кроме лишенной юмора серьезности, которая обнаруживает слабое участие в диатетической (циклоидной) шкале темпераментов, главным образом то, что Блейлер называет аутизмом. Группы 2 и 3 известным образом противоположны друг другу, они образуют такую же контрастную пару, как у циклоидов качества веселых, живых гипоманьяков и тяжеловесных, мрачных меланхоликов. Группа 2 дает всевозможные оттенки психической чрезмерной чувствительности, от мимозоподобной тонкости чувств до гневной возбужденности. Группа 3 обнаруживает, наоборот, признаки известной психической нечувствительности, тупости, понижения способности к самопроизвольным актам. Она приближается к тому полюсу, который Крепелин при очень тяжелых психотических случаях называет аффективным отупением.

Если мы хотим кратко охарактеризовать шизоидные темпераменты, то должны сказать: шизоидные темпераменты находятся между полюсами раздражительности и тупости, так же как циклоидные темпераменты находятся между полюсами веселости и печали. При этом необходимо особо выделить симптомы чрезмерной психической раздражительности, так как им как интегрирующему составному элементу общей шизоидной психологии слишком мало придавалось значения, между тем симптомы тупости уже давно оценены.

Только тот владеет ключом к пониманию шизоидных темпераментов, кто знает,

что большинство шизоидов отличаются не только чрезмерной чувствительностью или холодностью, а тем и другим одновременно, и при этом в совершенно различных комбинациях. Мы можем из нашего шизоидного материала образовать непрерывный ряд который начинается тем, что я обычно называю типом Гёльдерлина, — теми крайне сентиментальными, чрезмерно нежными, постоянно обидчивыми мимозоподобными натурами, «состоящими только из нервов», — и который прекращается на тех холодных, застывших, почти безжизненных типах тяжелой dementia praecox, прозябающих, как «животное», в углах больницы. И тем не менее у нежнейших представителей этой мимозоподобной группы мы ощущаем еще легкий, незаметный налет аристократической холодности и неприступности, аутистическое сужение сферы чувств отграниченным кругом избранных людей и вещей, слышим иногда резкое замечание о людях, находящихся вне этого круга и по отношению к которым аффективная откликаемость совершенно умолкает. «Между мной и людьми завеса из стекла», — сказал мне недавно такой шизоид с неподражаемой четкостью. Эту тонкую, холодную, остро колющую стеклянную завесу мы чувствуем у сделавшегося кататоником Гёльдерлина, представителя мимозоподобной группы, и еще яснее у шизофреника Стриндберга, который о себе говорит: «Я тверд, как железо, и все-таки полон чувств до сентиментальности». Этот мимозоподобный тип можно лучше всего изучать на гениальных шизоидах, но он встречается и среди обычного больничного материала, особенно среди интеллигентных и образованных, в препсихотической форме или в начальных стадиях психоза.

От мимозоподобного полюса шизоидные темпераменты во всевозможных оттенках идут к холодному и тупому полюсу, причем элемент «тверд, как лед» (или «туп, как кожа») все больше и больше расширяется, а «полон чувств до сентиментальности» постоянно идет на убыль. Но и среди половины нашего материала с бедностью аффекта мы довольно часто находим в глубине их души, если только ближе знакомимся с такими шизоидами, за застывшим, лишенным аффекта покрывалом нежное ядро личности с крайне уязвимой нервной сентиментальностью. «Вы не знаете, как мне все это больно», — сказал недавно своим родителям юный гебефреник, который по внешним проявлениям отличался равнодушием, вялостью и полным отсутствием темперамента. Блейлер первый показал, что и те, напоминающие мумии, старые обитатели больниц, которых обычно рассматривают как тип глубочайшей аффективной тупости, подчас имеют остатки «комплексов», отдельные чрезмерно чувствительные места в своей душевной жизни, которые сохраняются, и прикосновение к ним может оказать неожиданное, удивительное действие. Нам постоянно приходится видеть, как сразу исчезает окаменелость у таких, совершенно бесчувственных на вид, кататоников и как из глубины души исходят аффективные толчки. Таким образом, по отношению ко многим шизофреническим картинам мы совсем не в состоянии оценить, сколько в этом полном оцепенении элементов действительного аффективного отупения и сколько судорожного аффекта.

Комбинацию соотношений, при которой у отдельного шизоида гиперэстетические элементы переплетаются с анестетическими элементами шизоидной шкалы темпераментов, мы называем психэстетической пропорцией. Припомним, что и при циклоидных темпераментах в их диатетической пропорции, или пропорции настроения, мы находили такие же отношения, и там нам приходилось реже встречать абсолютно веселых или абсолютно мрачных, скорее можно было отметить наслаения и колебания между веселым и печальным; у солнечно-веселых — ясно депрессивный фон и остатки юмора, которые можно было отметить даже

среди самых мрачных темпераментов.

Пропорция настроения циклоидов колеблется волнами. Психэстетическая пропорция шизоидов перемещается. Это значит, что отношение между гиперэстетическими и анэстетическими частями темперамента меняется в течение всей жизни у многих шизоидов толчкообразно, но больше не возвращается к исходному пункту. Но и психэстезия здорового человека со смешанным средним темпераментом в эксцентричности и сентиментальности периода полового созревания достигает своего наивысшего пункта, чтобы, приблизительно с 25-летнего возраста, постепенно прийти к известной спокойной основательности, солидности или же к отрезвляющему, сухому реализму. Студенческая песня отражает охлажденное филистерское чувство посредственного человека, обращающего свои взоры назад, к периоду полового созревания.

Перемещение психэстетической пропорции шизоидов часто идет параллельно с этим нормальным развитием. Оно составляет как бы более углубленную форму последнего. У шизофреника Гёльдерлина такое перемещение может считаться образцом, если мы проследим жизнь поэта, начиная от возвышенной нежности его юных годов вплоть до тупоумия его кататонической инвалидности. Переход от гиперэстетического к анэстетическому полюсу с жестокой явственностью переживается как постепенное внутреннее охлаждение, и Гёльдерлин описывает его в стихах.

Wo bist Du? Wenig lebt ich, doch atmet kalt
Mein Abend schon. Und Stille, den
Schatten gleich. Bin ich schon hier, und schon
gesanglos Schlummert das schauernde
Herz im Busen?

Таким путем и без душевного заболевания развивается целая группа одаренных шизоидов, которые с детства отличались нежностью, застенчивостью и нервозностью; в раннем периоде полового созревания они пережили непродолжительный расцвет всех своих способностей и эмоций, на почве повышенной возбудимости темперамента, в смысле элегической нежности или напыщенности и экзальтированности. Через несколько лет они становятся более вялыми, более холодными, молчаливыми и сухими. Волна полового развития подымает их выше и опускает ниже нормального человека.

Или же психэстетическое перемещение совершается постепенно, в течение более длинных промежутков времени, без определенной даты. При всех этих различных возможностях перемещение пропорций идет большей частью в направлении от гиперэстетического к анэстетическому полюсу, от раздражения к параличу, причем (выражаясь схематически) после первой стадии общей чрезмерной чувствительности вначале утрачивают свой аффективный резонанс ценности, чуждые личности, между тем как ценности, свойственные личности, сами по себе постоянно подчеркиваемые, сохраняют выраженный акцент, и лишь тогда, когда и свойственные личности элементы утрачивают свою аффективную ценность, наступает третья стадия — аффективной тупости. Аллопсихический резонанс утрачивается раньше аутопсихического. Наполовину мертвый шизофреник желает в этой переходной стадии сделаться артистом или музыкантом. Самооценка еще налицо; во всяком случае он рассчитывает быть футуристическим художником, экспрессионистским поэтом, изобретателем или создателем абстрактно-схематических философских систем. Это несоответствие между угасанием аллопсихического резонанса и чрезмерной чувствительностью аутопсихического элемента часто становится закономерным источником безграничной переоценки

самого себя. Понятно, что из этой психэстетической пропорции должна получиться неправильная картина взаимоотношения между «я» и внешним миром. Мы можем себе представить, что у многих шизоидов охлаждение темперамента идет снаружи вовнутрь, так что при постоянно нарастающем торпидном застывании обращенных наружу слоев остается все более и более сжимающееся нежное и чрезмерно чувствительное ядро. Такое представление совпадает с тем любопытным фактом, что самые чувствительные и тонко чувствующие шизоиды при беглом знакомстве производят такое впечатление, будто они отделены тонким ледяным слоем от внешнего мира, и, напротив, при самых тяжелых оцепенениях могут наблюдаться сильные реакции чрезмерной чувствительности, если случайно затронуть наиболее интимные комплексы их личности. «Это капля крепкого вина в бочке льда», — говорит выразительно Геббельс о здоровом шизотимике Уланде.

Следует добавить, что стадии абсолютной чрезмерной чувствительности, как и абсолютного охлаждения аффекта, в самом точном смысле слова лишь теоретические фикции, которые в действительности вряд ли полностью выявляются. Практически пред нами выступает психэстетическая пропорция — чрезмерная чувствительность и холодность в определенных, изменчивых комбинациях. Только часть шизоидов проходит в течение жизни путь от выраженного гиперэстетического до преимущественно анестетического полюса, часть из них остаются гиперэстетичными, другие же торпидны уже с момента появления на свет. Наконец, бывают случаи, когда после шизофренического психоза делаются даже более гиперэстетичными, чем раньше; таковым был Стриндберг.

Социальная установка

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Аутизм, рассматриваемый как шизоидный симптом темперамента, имеет оттенки в зависимости от психэстетической шкалы отдельного шизоида. Бывают случаи, когда аутизм является преимущественно симптомом повышенной чувствительности. Такими крайне раздражительными шизоидами сильные краски и тона реальной жизни воспринимаются как резкие, некрасивые, грубые, неприятные и даже с душевной болью, между тем как для циклоида и нормального человека они желанны и составляют необходимый возбуждающий жизненный элемент. Их аутизм проявляется в том, что они уходят в самих себя, стремятся избежать всяких внешних раздражений, заглушить их, закрывают окна своего дома, чтобы в нежном, тихом полумраке внутреннего «я» вести фантастическую «бездеятельную, но полную мыслей» жизнь в грезах (Гёльдерлин). Они ищут, как красиво о себе сказал Стриндберг, одиночества, чтобы закутаться в шелк своей собственной души. Они обычно предпочитают определенной среде, которая не причиняет боли и не ранит: аристократический, холодный салонный мир, механически протекающую чиновничью работу, одинокую прекрасную природу, древность, кабинет ученого. Если шизотимик из чопорного, сверхцивилизованного светского человека становится взъерошенным анахоретом, как Толстой, то скачок уж не так велик. Одна среда дает ему то же самое, что другая, — единственное, что он вообще желает от внешнего мира: пощады его гиперэстезии.

Напротив, аутизм анестетика — это простая бездушность, отсутствие аффективного резонанса для внешнего мира, который для его эмоциональной жизни не представляет интереса, и к справедливым требованиям этого мира он остается глух. Он замыкается в самом себе, потому что у него нет основания делать что-нибудь другое, а окружающее ему ничего не может дать.

Аутизм большинства шизоидов и шизофреников представляет комбинацию обоих элементов темперамента: равнодушие с налетом боязливости и враждебности и холод одновременно со страстным желанием быть оставленным в покое. Судорога и паралич в одной картине.

Характер социальной установки шизоидных людей, а также и здоровых шизотимиков, о которых речь пойдет позже, обуславливается только что описанной психэстетической пропорцией. Шизоидные люди или абсолютно необщительны, или общительны избирательно, в узком замкнутом кругу, или поверхностно-общительны, без более глубокого внутреннего контакта с окружающим миром. Необщительность шизоидов имеет многочисленные оттенки; редко это лишенная аффекта тупость, большей частью она характеризуется ясным налетом неудовольствия, даже враждебности защитительного или наступательного характера. Эта антипатия к общению с людьми варьирует от нежной тревоги, робости и застенчивости через иронический холод и угрюмую причудливую тупость до резкого, грубого, активного человеконенавистничества. И самое любопытное — то, что эмоциональная установка отдельного шизоида в отношении ближнего переливается замечательными цветами радуги между застенчивостью, иронией, угрюмостью и жестокостью. Красивым характерологическим примером такого рода служит Робеспьер. И у шизофренических душевнобольных эта аффективная установка к внешнему миру имеет часто характер «принятия мер защиты» (Адлер), подобно инфузории, недоверчиво со стороны наблюдающей с полуопущенными ресницами, осторожно выдвигающей свои щупальца и вновь съеживающейся. По отношению к чужим, вновь появляющимся людям пробуются весь регистр психэстетической шкалы с нервозностью и неуверенностью. Это чувство неуверенности переносится на наблюдателя. Некоторые шизоиды производят впечатление чего-то расплывчатого, непроницаемого, чуждого капризности, интриганства или даже коварства. Но для постороннего всегда остается нечто за колебаниями шизоидной аффективной установки, чего он не может ни понять, ни постичь и что не исчезает.

Многие шизоиды, а в нашем швабском материале, пожалуй, большинство препсихотиков, считались в общежитии добродушными. Это добродушие совершенно иное, чем соответствующее свойство характера циклоидов. Циклоидное добродушие — это добросердечие, готовность разделить горе и радость, активная доброжелательность или дружелюбное отношение к ближнему. Добродушие шизоидного ребенка слагается из двух компонентов: боязливости и утраты аффекта. Это есть уступка желаниям окружающих вследствие равнодушия, смешанного с робкой боязливостью оказать им сопротивление. Циклоидное добродушие — это дружеское участие, шизоидное — боязливая отчужденность. В соответствующих конституциональных соединениях и это боязливое шизоидное добродушие может получить черты истинной доброты, приятной нежности, мягкости, внутренней привязанности, но всегда с элегической чертой болезненной отчужденности и уязвимости. Это тип Гельдерлина; послушность известных шизоидных примерных детей можно сравнить с *flexibilitas cerea* кататоников.

Также и застенчивость, довольно частая и специфически шизоидная особенность темперамента, с характерным построением из заторможенности в ходе мышления и моторной неподвижности — точное отображение кататонических симптомов болезни, но лишь в слабой форме. Застенчивость в этих случаях — гиперэстетическая аффективная установка при появлении чужих лиц в аутистическом заколдованном круге шизоидной личности. Вступление в него нового человека ощущается как чрезмерно сильное раздражение, вызывает чувство

неудовольствия: это чрезмерно сильное раздражение, парализуя, действует на ход мыслей и двигательную сферу. Беспомощная боязливость по отношению к новым необычным ситуациям и антипатия к их смене являются гиперэстетическим признаком многих шизоидных педантов и чудаков.

Среди застенчивых, нежно-мечтательных шизоидов мы особенно часто встречаем тихих друзей книги и природы. Если любовь к книге и природе у циклоидных натур вытекает из равномерной любви ко всему, что существует, и прежде всего к человеку, а затем к вещам, то сфера интересов шизоидных людей не обнаруживает такой равномерной окраски. Шизоидные люди, даже простого происхождения, весьма часто являются друзьями природы и книги, но с известным элективным подчеркиванием. Они делаются таковыми вследствие бегства от людей и из склонности ко всему тому, что спокойно и не причиняет боли. У некоторых эта склонность имеет нечто компенсаторное. Всю нежность, на которую они способны, они расточают красивой природе и мертвым предметам своей коллекции.

Наряду с тихими мечтателями мы встречаем среди необщительных шизоидов как характерную фигуру угрюмого чудака, который, замкнувшись от внешнего мира в своей келье, всецело поглощен собственными мыслями, будь то ипохондрические телесные упражнения, технические открытия или же метафизические системы. Эти оригиналы и чудаки внезапно покидают свой угол, как «озаренные» и «обращенные в новую веру», отпускают себе длинные волосы, образуют секты и проповедуют в пользу человеческих идеалов, сырой пищи, гимнастики и религии будущего или все это вместе. Многие из этих активных типов изобретателей и пророков имеют различные конституциональные соединения и заключают в себе все оттенки — от типичных шизофреников до резко-гипоманиакальных. Шизофреники эксцентричны, витиеваты, туманно-расплывчаты, мистически метафизичны, склонны к системе и к схематическому изложению; гипоманьяки, напротив, лишены системы, говорливы, находчивы, стоворчивы, подвижны, как ртуть. Шизофренические изобретатели и пророки производят на меня впечатление не столько препсихотиков, сколько людей с остаточными состояниями или даже психозами.

Аутистическая изоляция от других действует, разумеется, в смысле выработки собственного мировоззрения и любимых занятий. Но это не обязательно. Некоторые шизоиды не отличаются особенной продуктивностью в мышлении и поступках, они просто необщительны. Они ворчат и уходят, если кто-нибудь появляется; если подобные шизоиды остаются, то чувствуют себя страдальцами. Они проявляют стоическое душевное спокойствие и ни слова не говорят. У выдающихся «великих молчальников» (Уланд и Мольтке) можно отметить и другие шизотимические черты характера.

Наряду с простой необщительностью, специфической чертой некоторых высокоодаренных шизоидов, существует избирательная общительность в замкнутом кругу. Многие чувствительные аутисты отдают предпочтение определенным социальной среде, сторонам психической атмосферы, которые они считают своим жизненным элементом. Это, прежде всего, изящные светские формы жизни, аристократический этикет. В его строго выдержанном, вылощенном формализме нежная душа находит все, что ей нужно: красивую линию жизни, которая нигде и ничем не нарушается, и заглушение всех аффективных акцентов при общении с людьми. Кроме того, безличный культ формы прикрывает то, что так часто отсутствует у шизоида,— недостаток сердечности и непосредственной

душевной свежести за холодной элегантностью, что вскрывает также и в этих тонко чувствующих натурах начинающееся охлаждение эмоции.

Аристократическое некоторых шизоидных натур выявляется и у простых людей в потребности высокомерия, желании быть лучшими и иными, чем другие. Стремление говорить на изысканном верхненемецком наречии в среде непривыкших к этому иногда вскрывает шизоидное предрасположение. То же касается изысканности в одежде и внешности. С дальнейшим развитием болезни, со сдвигом психэстетической пропорции эта крайняя утонченность и важность могут перейти в резкую противоположность. Мало того, часто мы обнаруживаем, что элегантность и неаккуратность соседствуют у одного и того же индивидуума. Впрочем, холодную аристократическую элегантность, которая вполне подходит к некоторым здоровым шизотимикам, можно проследить во всех шизоидных оттенках, вплоть до симптоматиологии шизофренических психозов. Там мы находим ее как известную карикатурную напыщенность в речи и движениях.

Существенное в этой характерологической тенденции — стремление к замкнутому кругу. Дружба таких шизоидов — избирательная дружба к одному. Неразделимый союз двух мечтающих чудаков или союз юношей, эфирный, торжественный, удаленный от народа; внутри его — экстатический культ личности, вне его — все резко отвергается и презирается. История юности Гёрдерлина служит наглядным примером этого.

В шизофренических семьях мы нередко встречаем ханжей. Многие шизоиды религиозны. Их религиозность — с тенденцией к мистически трансцендентальному. Иногда она характеризуется фарисейством, набожностью, эксцентричностью, таинственностью или вращается в ограниченном кругу и удовлетворяет свои личные прихоти.

Так же обстоит дело и с эротикой. Не горячее естественное влечение, но экстаз и резкая холодность. Ищут не красивую девушку, но женщину вообще, «абсолютное»: женщину, религию, искусство — в одном лице. Или святая, или мегера — середины нет. Стриндберг — красивый пример такого типа.

Третья социальная установка шизоидов — поверхностная общительность без более глубокого психического гарпорта. Такие люди могут быть очень ловкими, расчетливыми дельцами, суровыми властелинами или холодными фанатиками, а также равнодушными, вялыми, ироническими натурами, которые вращаются среди людей всякого круга, но при этом ничего не ощущают. Мы подробнее опишем эти типы у здоровых шизотимиков.

Словом, шизоид не растворяется в среде. Здесь всегда — стеклянная завеса. При гиперэстетических типах развивается иногда резкая антитеза: «я» и внешний мир. Постоянный самоанализ и сравнение: «Как действую я? Кто поступает со мной несправедливо? Кому я сделал уступку? Как теперь я пробьюсь?» Эта черта четко выступает у талантливых художников, которые позже заболели шизофренией или происходили из шизофренических семей: Гёрдерлин, Стриндберг, Людвиг II Баварский, Фейербах, Тассо, Микеланджело. Это люди постоянного душевного конфликта, жизнь которых представляет собою цепь трагедий и протекает по одному только тернистому пути. Они, если можно так выразиться, обладают талантом к трагическому. Циклотимик вовсе не в состоянии обострить ситуацию, если она трагична; он уже давно приспособился, и окружающий мир к нему приспособился, так как он его понимает и в контакте с ним. Такой здоровой

натурой из пикнически-циклотимической группы был, например, Ганс Тома (Hans Thoma), который был далеко не так понят, как Фейербах, и жизнь которого все-таки протекала, как тихий ручей.

Резкий, холодный эгоизм, фарисейское самодовольство и чрезмерное самомнение во всех вариациях мы находим в шизофренических семьях. Но перечисленные качества не являются единственной формой аутизма. Другой его формой служит желание осчастливить людей, стремление к докринарским принципам, к улучшению мира, к образцовому воспитанию собственных детей, при полном игнорировании своих потребностей. Альтруистическое самопожертвование высокого стиля, особенно в пользу общих идеалов (социализм, воздержание от алкоголя),— специфическое качество некоторых шизоидов. В одаренных шизофренических семьях мы иногда встречаем прекрасных людей, которые по своей искренности и объективности, непоколебимой стойкости убеждений, чистоте воззрений и твердой настойчивости в борьбе за свои идеалы превосходят самых полноценных циклотимиков; между тем они уступают им в естественной, теплой сердечности в отношении к отдельному человеку и в терпеливом понимании его свойств.

Психэстетические варианты

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Мы до сих пор рассматривали гиперэстезию и анестезию как нечто однородное. Но существует весьма значительное количество случаев, относительно которых мы не знаем, отличаются ли они только по степени или качественно, в биологическом смысле.

На анэстетическом полюсе мы встречаем главным образом три варианта темпераментов, которые часто существуют одновременно и обнаруживают многочисленные переходы: тупость (с параличностью аффекта или без этого), холодность и безразличие (*Wurstigkeit* Блейлера). Между тем на гиперэстетическом полюсе нам приходится отличать раздражительность, сентиментальность, вспыльчивость.

Теперь нам нужно выделить препсихотиков из общей массы шизоидов. Статистически, правда, на нашем швабском материале мы не встречаем в детстве и в период раннего полового развития позже заболевших столь часто соответствующие типы, каковые численно преобладают у взрослых родственников шизофреников и у постпсихотиков: своенравных, упрямец, злых, холодных и педантично-сухих. Разумеется, и среди нашего препсихотического материала отмечаются такие качества, как грубость, упрямство; при этом нельзя с уверенностью сказать, что родственники описывали действительно первоначальную личность или уже незаметную раннюю перемену в ней в наступившем периоде полового развития. Но грубость, упрямство численно отступают на задний план по сравнению с качествами, о которых мы говорили в начале главы.

Наиболее распространенный тип в нашем препсихотическом материале — ребенок, лишенный аффекта, тихий, боязливый, послушный, застенчивый, но вместе с тем добродушный. Примерные дети, которых выделяет Крепелин, встречаются среди них довольно часто. Многие из них характеризуются как прилежные, солидные, набожные и миролюбивые. Термин «параличность аффекта» (*Affektlahmheit*) подходит к популярному народному языку, который называет таких людей «расслабленными» и тем самым правильно выражает, что

внешне наиболее резко выступающим является психомоторный симптом. Выражение «параличность аффекта» (Affektlahmheit) не вполне совпадает с термином «тупость аффекта» (Affektstumpfheit), который ясно ставит акцент на сенсорной стороне. Хочется, чтобы он был бодрее. Он слишком равнодушен. Жизнь и темперамент у него всегда отсутствуют — обычные характеристики молодых людей, лишенных аффекта. Отсутствие свежести, непосредственно реагирующей живости в психомоторных проявлениях касается также и высокоодаренных людей этой группы с их чрезмерно нежной внутренней способностью реагировать.

Спокойный циклоид доволен (behabig); спокойный шизоидный тип, о котором мы здесь говорим, расслаблен. Флегматичность — характерологическое выражение для самых легких степеней психомоторного типа, который мы встречаем в задержке депрессивных. Оно обозначает нечто тяжеловесное, медлительные речь и действия, но при этом, в каждом двигательном и речевом акте присутствуют теплота и эмоциональное участие. Психомоторная медлительность является общей для расслабленного и флегматичного. Расслабленность обозначает, кроме того, утрату непосредственной связи между эмоциональным раздражением и двигательной реакцией. Этим объясняется, почему у нас по отношению к флегматичному постоянно существует чувство эмоционального rapporta, даже если он ничего не говорит, между тем расслабленный производит впечатление чуждого, несимпатичного, поскольку мы не можем по выражению его лица и движениям уловить того, что он чувствует, а также адекватную реакцию на наши слова и действия. Самым характерным для расслабленного является то, что он может стоять как вопросительный знак, с неопределенным выражением лица и опущенными руками при ситуации, которая даже флегматичного может наэлектризовать.

Если наступает психическая реакция, то она не вполне соответствует раздражению. Выразительные движения у лишенного аффекта отличаются неопределенностью, так что его иногда считают гордым, когда он робок, или ироничным, когда он глубоко оскорблен.

К этому присоединяются нередко отклонения в моторной сфере. Люди, которых называют расслабленными, иногда отличаются вялой осанкой и неуклюжестью в жестах. Они не знают, куда им девать свои руки и ноги. Некоторые из них непрактичны, беспомощны в повседневной жизни, делают неудачные движения во время гимнастики. Сюда еще вплетаются моторные задержки, возникающие вследствие общей застенчивости или специальных комплексов. Словом, при рассмотрении более узкой психомоторной сферы отсутствует непосредственная совместная работа промежуточных инстанций между раздражением и реакцией. Отсутствует то, чем обладают циклоиды: округленность, естественность, непринужденность в проявлении аффекта и в двигательных актах.

Однако здесь ничего не говорится о психосенсорной стороне процесса. Расслабленность может соответствовать действительной тупости аффекта по отношению к данному раздражению, или могут развиваться самая утонченная сентиментальность и очень тяжелые интрапсихические напряжения. Простой обыватель большей частью не может их отличить, он считает человека, лишенного аффекта, глупым, тупоумным, бесчувственным, сонливым, скучным, которого приходится расталкивать. Он ему не симпатизирует. Молодые люди, лишенные аффекта, становятся в школе, а особенно в казарме козлами отпущения. Если они тонко чувствуют и одарены, то в этом и заключается их трагедия. Ведь некоторые

из них гораздо тоньше чувствуют, чем нормальные люди.

Большое количество наших шизофренических препсихотиков представляет тип добродушного, тихого отшельника, который внешне обладает слишком небольшим темпераментом, кажется равнодушным, мало общается с товарищами и слишком много позволяет другим по отношению к себе. Часть этих юношей слабо одарены: на первый план у них выступают равнодушие, эмоциональная тупость. У примерных детей специальные школьные способности хороши, но значительная часть их продуктивности объясняется эмоциональным дефектом, недостатком отзывчивое™ на то, что обычно аффективно заполняет и занимает молодых людей.

И у средних типов нашей группы лишенных аффекта мы находим черты нервозности, раздражительности, боязливости, нежности и, прежде всего, утонченной чувствительности, о чем часто упоминают необразованные родственники. Но такие родственники не могут более тонко и точно описать эти качества, и, действительно, у необразованного среднего шизоида они в психологическом отношении довольно диффузны. Он производит впечатление робкого, застенчивого или угрюмого, жалуется на нервные боли, боязливо уклоняется от грубых игр и драк. Чем ближе мы подступаем к образованным и одаренным препсихотикам, тем за внешней стороной ярче выступают те специально гиперэстетические качества, наиболее выраженную степень которых представляет тип Гёльдерлина.

И у более развитых типов, лишенных аффекта, мы обнаруживаем черты угрюмости, упрямства и раздражительности, но их гнев не отличается жестокостью, а упрямство — нелепостью; чаще всего гиперэстезия принимает характер нежности, внутренней сентиментальности, в плане как легкой ранимости с долгодействующими, скрытыми затем комплексами и болезненными интрапсихическими напряжениями аффекта, так и нежности к немногим близким лицам, которая обретает эксцентричные, сентиментальные, патетические, мечтательные и элегические черты, а также, в плане тонкой восприимчивости к природе, искусству и книгам. Но здесь чувствительность остается элективной, ограниченной своим предметом; кроме небольшой, но резко отгороженной зоны личных интересов существует обширная область общих человеческих интересов и чувствований, которые у этих тонко чувствующих гиперэстетиков не находят никакого резонанса. Прежде всего настоящее чувство к людям распространяется лишь на нескольких человек; здесь можно принять частичную тупость аффекта.

В негативном смысле наш тип сентиментального, лишенного аффекта имеет общие характерные черты с большинством всех шизоидов. Они, как правило, лишены юмора, часто серьезны без ясной реакции на печаль и веселье. Диатетическая шкала — главная шкала циклоидов — в их темпераменте лишь слабо выражена. У шизоидов часто бывает расстройство настроения, но это расстройство настроения совсем иное, чем печаль циклоида. Оно носит в себе черты угрюмости с ясным характером внутренней раздражимости и напряжения; поэтому мы среди шизоидов можем найти таких лиц с конституциональным расстройством настроения, которые постоянно путешествуют, между тем как депрессивные с задержкой (циклоиды) остаются дома. Наряду с этим нервно напряженным унынием мы встречаем среди самодовольных шизоидов с аутистическим спокойствием духа, между тем как их сильные позитивные аффекты носят характер скорее экстаза и эксцентрической мечтательности, нежели свободной веселости.

Тип сентиментального, лишенного аффекта во всем его объеме, начиная от

боязливых шизоидных имбецилов с слабым аффектом вплоть до очень сложных натур, мы должны признать самым важным шизоидным типом темперамента и одним из наиболее частых препсихотических основных и исходных типов. И постпсихотически мы находим его нередко среди старых обитателей больниц. В равной степени он встречается и у здоровых родственников шизофренических семей.

Мы познакомились с аффективной тупостью как с одной из составных частей темперамента. Выражение «тупость» обозначает пассивную бесчувственность. Аффективная тупость широко распространена в шизофреническом цикле. Более легкие характерологические степени, каковые мы встречаем у здоровых родственников шизофреников, импонируют как непоколебимое душевное спокойствие, которое отличается от спокойствия циклоидов отсутствием теплого душевного участия к другим. Более тяжелые степени шизофренического тупоумия, как правило с налетом угрюмой жестокости и робкой боязливости, мы встречаем у шизоидных имбецилов, но они довольно распространены среди постпсихотиков, а также после переломов в личности в период полового созревания. Это внутреннее притупление в остальном деятельного и даже одаренного человека может выражаться в неаккуратности, небрежности в одежде и беспорядке в квартире. Или оно сказывается в неожиданной, непонятной бестактности и безвкусице, которая иногда прорывается сквозь сохранившийся фасад хорошего воспитания. Это производит особенно странное впечатление у тонко чувствующих аристократических типов среди шизоидов. Поэт Ленц представляет собой любопытный пример такой полуразрушенной шизофренической личности. Вообще можно этот изъян личности особенно хорошо изучать на литературном стиле болеющих шизофренией поэтов, например Гёрдерлина. Не вся личность равномерно гибнет, но торжественность и изысканность стиля прерываются где-нибудь посреди стиха ужасающей банальностью. Психический аппарат таких людей, их стиль в жизни функционируют иногда так, как плохая швейная машина, которая делает известное количество нежных стежков и затем подпрыгивает. Тонкое чувство и абсолютная тупость могут непонятным образом здесь сосуществовать: самая грязная рубаха наряду с блестящими ногтями, хаотический беспорядок в комнате, в которой создаются громадные художественные ценности. Такие картины мы встречаем не только как переходную стадию к полному шизофреническому слабоумию, но они могут сохраниться в течение всей жизни как странные черты личности. Здесь сочетаются здравый смысл и нелепость, моральный пафос и банальные прихоти, оригинальная мысль и странные суждения.

Мы не станем подробнее останавливаться на этих шизофренических дефектах, тем более что речь у нас идет не только об аффективных, но и о глубоко проникающих расстройствах ассоциаций; мы хотим из аффективно-тупых выделить группу, которая имеет известное значение как тип темперамента. Это тип гневно-тупых, или тупо-жестокых. Данный тип встречается, прежде всего, постпсихически после былых шизофренических приступов или как незаметно развивающийся продукт шизоидного изменения; он, вероятно, также бывает врожденным. Темпераменты такого рода — комбинация гиперэстетических и анестетических компонентов, но в данном случае в очень грубой форме. Если наблюдать такие натуры в течение короткого времени в благоприятной обстановке, вне их обычной среды, то их отличает полное душевное спокойствие; они производят впечатление несколько тупых, честных людей, которые никому не причиняют вреда. Если исследовать их домашнюю обстановку, то она имеет, соответственно их тупости, жалкий вид. Там они уже не душевно спокойные, но из-под покрывала угрюмой молчаливости

постоянно сверкает искра внутренней раздражительности, которая носит комплексный характер и возникает из суммирования небольших внутренне накапливающихся и невысказываемых неприятных раздражений повседневной жизни на службе и в семье; искра нервной внутренней раздражительности, которая при легком прикосновении к какому-нибудь комплексу может разрядиться в жесточайшую вспышку гнева, прорывая при этом покров тупости. Эта форма шизофренического гнева по своему психологическому механизму скрытого аффективного застоя и бессмысленного разряжения имеет некоторое родство с известными синдромами травмы мозга и эпилепсии. Гневно-тупые шизоиды могут сделаться жесточайшими и опаснейшими тиранами дома, которые безжалостно, бесчувственно относятся к окружающим и распоряжаются ими согласно своим педантичным прихотям. Некоторые известные в истории деспоты имеют, по крайней мере внешне, немалое сходство с этими шизоидными типами.

Безразличие *Wurstigkeit* (Блейлер) — частый шизоидный вариант аффективной тупости. Это — равнодушие, выставляемое напоказ; следовательно, частичная тупость, принимающая черты психической активности. Безразлично ко всему относящийся знает, что многие вещи, важные для других, не представляют для него никакого интереса: это сознание он выявляет в своих поступках, к чему иногда примешиваются причудливый юмор или сарказм. Безразлично относящиеся ко всему являются, вероятно, теми полуопустошенными людьми, которых мы описали выше, когда сохранившиеся обломки психической активности лежат среди развалин отупевшей души; вероятно, это также расщепление в смысле Блейлера, когда неразрушенная часть личности в полукомическом виде вырисовывается среди этих развалин. В области душевных заболеваний сюда также относится неприятная, грубая осанка гебефреников.

Как из лиц, ко всему безразлично относящихся, так и из других полуопустошенных, тупых рекрутируется большая армия социально гибнущих, неудержимых расточителей, игроков и пьяниц, богатых папенькиных сынков, эксплуатируемых женщинами, студентов-пьяниц, преступников и главным образом проституток и бродяг. Эти взаимоотношения вскрыла Гейдельбергская клиника, в особенности Вильманс. Близкое отношение к шизоидному циклу имеет также группа постоянно странствующих, у которых безразличие комбинируется с шизоидными приступами расстройства настроения. Полуравнодушные, полустрадающие внутренне, они бродят с места на место по всему свету. Иногда сюда вплетаются легкие шизофренические толчки, отдельные галлюцинации. Черты такого типа можно встретить у некоторых высокоодаренных, например у Платена, а также у простых бродяг.

Что такое холодность аффекта в противоположность тупости его? Прежде всего, холодными называются такие натуры, у которых отсутствует сердечное отношение к людям, юмор, сочувствие к радости и горю других. Короче говоря, у которых слабо звучит диатетическая темпераментная шкала. Другой вариант диатетического дефекта называется сухостью. Простой народ, как мы видели, выраженных диатетиков, например циклоидов, называет душевно теплыми людьми. В этом общем смысле, следовательно, все шизоиды отличаются холодным темпераментом.

Здесь уместно отметить, что тонкочувствующие шизоидные люди воспринимают все очень своеобразно. Шиллер, здоровый шизотимик, говорит в своих сочинениях: «Когда я впервые познакомился с Шекспиром, меня возмутила его холодность, его нечувствительность, которая позволяет ему шутить в состоянии

высшего пафоса». Аналогичное суждение, как здесь о Шекспире, я читал о Готфриде Келлере. Шизотимики не могут вполне вчувствоваться в циклотимические темпераменты. Тонким шизотимикам кажется бесчувственным, грубым, если циклотимик созерцательно рассматривает и «ощупывает», юмористически снисходительно улыбается и даже начинает смеяться по поводу таких ситуаций, которые, нежно трогая и устрашая, приводят шизотимика к торжественному пафосу или к мечтательной элегии. То, что типичный шизотимик называет душевностью и теплотой, — это сильно позитивные аффекты, его психэстетическая темпераментная шкала. Диатетик же для этих ценностей в основу кладет свою собственную шкалу. Обычный человек чувствует аналогично циклотимику, а не так, как шизотимик.

Выражение «душевно холодный» имеет более узкое значение. Тупым мы называем человека, которого можно толкать, а он при этом не поднимает головы. Холодным мы называем человека, который проходит мимо трупов и ничего при этом не ощущает. Тупым называют в обыденном смысле пассивную бесчувственность; холодным, напротив, — активную. При тупости дефект касается психомоторной сферы; холодность — это чистая анестезия при ненарушенной способности действовать. Производят ли шизоидные личности скорее впечатление холодных или тупых или же (что бывает весьма часто), являются теми и другими — это вопрос конституциональных комбинаций соединения. Кроме того, можно иногда наблюдать, как с перемещением психэстетической пропорции тупость превращается в холодность, и наоборот. Приходится видеть случаи (таковой ниже представлен), когда типично шизоидные препсихотики с сентиментальным, лишенным аффекта темпераментом, в период полового созревания при незаметном перемещении становятся, даже без психоза, холодными, жестокими людьми. На основании поверхностных сведений, особенно относительно шизоидных родственников, нельзя выяснить, сколько холодных шизоидов развилось под влиянием толчков и незаметных перемещений.

Известно, что черты активной холодности, случайной грубости и эгоистической раздражительности вплетаются в картину сентиментального, лишенного аффекта типа. Стильные аристократические шизоиды производят впечатление особенно холодных.

Вообще говоря, часто в семьях шизофреников мы находим черты активного бездушия, холодную стойкость, жестокость, сварливость, циничный эгоизм, деспотическое упрямство, тупую ненависть, наконец, жестокие, преступные инстинкты. Гофман приводит в своей книге примеры таких типов. Мы могли бы предложить вниманию читателя целую серию злобных, худосочных старых холостяков и злых жен, язвительных, ироничных, кислых существ, сухих, угрюмых педантов, недоверчивых, холодных интриганов, ограниченных тиранов и скряг. Мало того, мы могли бы заполнить целую книгу очерками жизни всех этих конституциональных вариантов и социальных типов, которые в цикле шизофренического помешательства выявляют анестетически-шизоидные компоненты в смысле душевной бедности, холодности и сухости.

Следует указать на то, что шизоидные налеты наследственности в благоприятных сочетаниях могут создавать высокоценные социальные варианты. Резкая холодность по отношению к судьбе отдельного человека вместе со склонностью к схематической принципиальной последовательности и строгой справедливости могут как хорошо компенсирующие элементы личности создавать людей со стальной энергией и непоколебимой решительностью. Фридрих Великий со

своими шизоидными наследственными чертами из дома Вельфов служит этому хорошим примером.

Настойчивая энергия являет собой противоположный «недостатку импульса», полному равнодушию и слабОВОЛИЮ шизоидных психопатов и гебефреников полюс. И здесь в психомоторной сфере шизоидов чрезмерная энергия и равнодушие составляют аналогичную биологическую контрастную пару раздражения и паралича, как психэстетическая чрезмерная чувствительность и нечувствительность. Психэстетическая тупость и психомоторное безразличие настолько переходят друг в друга, что их нельзя изолированно рассматривать.

Шизоидная эмоциональная холодность при неблагоприятных конституциональных соединениях может выделиться в дурные поступки. Особенно в сочетании с вышеописанной недостаточной устойчивостью инстинкта, например в сочетании с садистскими компонентами. Здесь встречаются жесточайшие преступные натуры.

Стоит только представить себе жестокости, которые описаны в дневнике шизофренического короля Людвига II Баварского, осуществленными в действительности более активной натурой в абсолютическом государстве, чтобы понять многое из того, что происходило столетия тому назад благодаря полудушевнобольным цезарям.

Выразительные движения и психомоторная сфера

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Мы выдвинули на первый план психэстетические качества шизоидных темпераментов, так как они составляют важнейшую основу построения личности. Но мы должны наряду с этим еще коротко остановиться на их характерологических выразительных свойствах и психомоторной сфере. О шизоидных волевых процессах мы только что сказали. Если у циклоидов выразительные движения в психомоторной сфере закруглены, естественны, адекватны раздражению, то многие шизоиды характеризуются отсутствием непосредственной связи между эмоциональным раздражением и моторной реакцией.

У душевнобольных шизофреников путь от душевного раздражения до реакции, благодаря задержкам промежуточных импульсов и кататоническим механизмам, часто так загоразживается, искажается и перемещается, что мы его не в состоянии распознать или можем судить о нем лишь на основании косвенных заключений. В более легких степенях мы находим эту инконгруанцию между раздражением и выразительной реакцией у многих шизоидных личностей.

Мы уже подробно говорили о двух важнейших шизоидных психомоторных симптомах в их психэстетических взаимоотношениях: параличности аффекта и застенчивости. Наряду с этими существует много вариантов, которые отчасти объясняются внутренними различиями в пропорции и конституциональных сочетаниях, а отчасти простыми условиями среды. Деревянность аффекта (Блейлер) можно рассматривать как «спастический» прототип параличности аффекта. Эта деревянность аффективно выразительных движений наблюдается у шизоидов с аристократическими манерами и патетическими характерами. В зависимости от того или иного повода или окружающей обстановки она выражается в напыщенности, церемониальности, торжественности или педантизме. Живые шизоиды производят, напротив, впечатление торопливых,

суетливых, вертлявых, причем выявляется порывистость моторного темпа в противоположность подвижности гипоманиакального. Душевное спокойствие — симптом как психомоторный, так и психэстетический. Оно может комбинироваться с нервной суетливостью в удивительных сочетаниях.

Наряду с этими грубыми стигматами мы находим ряд мелких ослаблений и напряжений в выразительных движениях, что может благоприятным образом действовать на личность. Мы уже упомянули о стильности и сдержанности в жестах и движениях, что вместе с гиперэстетическим тонким чувством составляет аристократический симптомокомплекс и вырисовывает в жизни таких людей своеобразную красивую линию, которая отсутствует у циклоидов. Такт, вкус, нежная внимательность, избегание всего грубого, неуклюжего и ординарного составляют особое преимущество этой шизоидной группы и делают ее антиподом гипоманиакальных темпераментов. Тонкое чувство и стильность бывают только у одних, свежесть и естественность — только у других. Вследствие этого оба сорта людей плохо понимают друг друга.

Своеобразную военную выправку в выражениях и движениях мы встречаем иногда как наследственную в шизоидных семьях даже таких сословий, где подобные вещи вовсе не культивируются и даже не признаются. Если таких людей называют стройными, то таким образом их одновременно характеризуют и соматически и психически. Здесь речь часто идет о властных натурах, крайне настойчивых и с сильным характером.

Склонность к психомоторной инконгруанции стоит в тесной биологической связи со склонностью к психэстетической чрезмерной чувствительности, интрапсихическим задержкам и комплексным образованиям в смысле Блейлера. Все эти три момента, выражаясь схематически, можно рассматривать как выявление того же действующего начала на различных частях психической рефлекторной дуги. Многие шизоиды предрасположены к аффективно сильным переживаниям, к расстройствам проводимости так, как мы это определили при сензитивном бреде отношения. Некоторые шизоиды при группировке симптомов дают ту комбинацию гиперэстезии и сдержанности, которая предрасполагает сензитивные реакции переживаний. Поэтому мы находим такие сензитивные моменты развития при шизофренических психозах.

Психический темп

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Этим мы заканчиваем наши исследования о психэстезии и психомоторной сфере шизоидов и на момент остановимся на близкородственном психическом темпе. Мы сказали, что циклоиды имеют волнообразный тип темперамента, эффективность, постоянно отзывающуюся на эмоциональные раздражения, которые в глубоких волнообразных линиях эндогенного или реактивного характера колеблются между веселостью и печалью. Циклоиды не имеют никаких комплексов или лишь очень незначительные; вливающийся аффективный материал становится тотчас же видимым и непосредственно перерабатывается. Напротив, шизоидные люди, поскольку они сохранили способность к психическим реакциям, часто имеют прыгающий тип темперамента. У них не бывает закругленной, волнообразной кривой; их кривая аффекта обрывиста. В психозе мы видим этот тип особенно развитым в кататонических картинах, при переходе от полной замкнутости к внезапным разряжениям аффекта. Шизоиды — типичные люди комплекса, у которых суммированные немногие повседневные раздражения, а также большие группы представлений, аффективно окрашенные в судорожном напряжении, долго

действуют под покрывалом и затем могут дать неожиданно аффективные реакции, если их кто-нибудь коснется. Так, шизоиды часто становятся капризными, неожиданно меняются в настроении при невинном замечании во время беседы, чувствуют себя обиженными, делаются холодными, уклончивыми, ироничными и язвительными. Благодаря этим механизмам комплексов взаимоотношение между причиной и действием их эффективности более сложно и менее ясно, чем у циклоидов.

Так, многие шизоидные темпераменты группируются около двух полюсов: чрезмерной тягучести и чрезмерной порывистости. Мы встречаем, с одной стороны, энергичные, упрямые, своенравные, педантичные натуры, а с другой — неуправляемые, капризные, порывистые, нестойкие. Циклоидные темпераменты двигаются между «быстро» и «медленно», шизоидные — между «тягуче» и «порывисто». Циклоидная кривая темперамента волнообразна, шизоидная — прыгающая.

С этим, пожалуй, отчасти стоят в связи известные особенности мышления. Наряду с непостоянными, разорванными, соскальзывающими, афоризматическими, туманными рукописями у высокоодаренных шизоидов, параноидных пророков и в рукописях тяжелых кататоников мы находим стремление к тягучести, перечислению имен и чисел, к схематизации, последовательной абстракции и образованию систем. Эту характерную особенность мы опять встретим в психологии гениальных шизотимиков.

В связи с прыгающей кривой аффекта следует упомянуть то, что Блейлер называет амбивалентностью, — колебание чувств и воли между «да» и «нет», что характерно для многих шизоидов. Мы присоединяем сюда, вероятно, близко примыкающую психологическую черту, которая часто наблюдается не только у пациентов (очень хорошо у некоторых шизофреников с незаметным началом болезни), но особенно в биографиях шизоидных художников и у здоровых шизотимиков: альтернативную установку эффективности. В то время как известные циклоидные типы являются типичными представителями здравого смысла, примиряющей умеренности, сглаживания и аффективного выравнивания, шизоиды, о которых мы говорим, характеризуются тем, что у них отсутствует аффективное среднее положение. Они или восхищены, или шокированы, или преклоняются, или ненавидят человека; сегодня они проникнуты чрезмерным самосознанием, завтра — совершенно разбиты. И это происходит вследствие пустяков: кто-нибудь употребил грубое выражение или произвольно коснулся их чувствительного комплекса. Или весь мир, или ничего, или как Шиллер, «срывающий с головы венок», или как жалкий игрок, для которого единственным выходом является пуля в лоб. Они не видят людей, которые могут быть добрыми или злыми, с которыми можно ладить, если к ним отнестись несколько юмористически; для них существует только джентльмен или простолюдин, ангел или черт, святая или мегера — третьего нет.

Эту особенность темперамента нельзя смешивать с сангвинической преизбыточностью некоторых гипоманиакальных натур. Циклоид преизбыточен, шизоид эксцентричен. Темперамент преизбыточного колеблется, темперамент эксцентричного перескакивает и съезживается. Циклоидный сангвиник, как бы высоко ни поднимались и низко ни опускались волны его настроения, колеблется все-таки в естественно закругленных переходах, проходя через аффективное среднее состояние; мечтательный шизоид перескакивает через них от одного противоположного полюса к другому. Здесь уместно указать, что старое

обозначение темперамента как сангвинического и флегматичного неприменимо для более тонких психологических анализов, так как они без резкой дифференцировки объединяют преизбыточное и эксцентричное, циклоидное довольство и шизоидную аффективную тупость.

Следует иметь в виду эту альтернативную эффективность некоторых шизоидов, так как мы ее позже встретим в нормальной психологии и у гениальных людей как страсть к пафосу и элегической мечтательности и как склонность к фанатизму в поступках шизотимиков.

Мы говорим очень кратко, чтобы понапрасну не переходить от анализа шизоидных темпераментов в область шизофренических расстройств мышления. Мы подчеркиваем, что не наша задача писать психологию шизофреников, мы хотим только осветить проблему шизофрении в связи с общим биологическим учением о темпераментах. Клиницисту, кроме того, надо еще иметь в виду, что известные, четко выступающие у отдельных шизоидов черты характера напоминают некоторые стороны описания «нервного характера» и «истерического характера». Не подлежит никакому сомнению, что существуют нервные и истеричные психопаты и дегенераты, которые в биологическом отношении являются не чем другим, как шизоидами.

Это подчеркивали Блейлер и его школа, и возможно, что некоторые черты таких шизоидов отмечены в обычном описании нервного или истерического характера. Следует отметить, что нервность и истерия, хотя и являются целесообразными сборными клиническими понятиями, вовсе не представляют собой конституциональных понятий в углубленном биологическом смысле. Существует базедовидная, травматическая, шизоидная нервность и т. д. Все это мы здесь не можем рассматривать. Это задача будущих исследований, при современных средствах они неразрешимы. Мы воздерживаемся поэтому от всякого суждения, насколько шизоидное проникает в область нервности, истерии, дегенеративной психопатии, врожденного слабоумия и т. д. Мы советуем только не сливать все в одно и не устанавливая границ. В равной степени мы не рекомендуем делать попытки уже теперь решить вопрос, является ли шизофрения или шизотимический конституциональный тип чем-то биологически однородным или представляет собою лишь группу родственных между собой типов. Это же, разумеется, касается и циклотимических конституций. Но мы чувствуем, не имея, однако, положительных доказательств, что главная масса циклотимического круга по своему телесному и психическому строению производит более простое и целостное впечатление, чем это можно было бы сказать о весьма различных типах строения тела и характера шизоидного круга; разумеется, большое внешнее разнообразие не служит доказательством против внутреннего единства. Наша цель — только по возможности характеризовать телесно и психически шизотимический тип в целом, в противоположность циклотимическому; но этим мы не хотим сказать, что шизотимическое и циклотимическое заключают в себе нечто абсолютно однородное или что наряду с обоими группами нет других конституциональных главных групп, которых мы пока не знаем.

Глава 11. Шизоидные темпераменты. Специальная часть.

Строение тела и характер *Кречмер, Эрнст*

Мы приведем несколько конкретных примеров для иллюстрации теоретической части, причем главное значение будем придавать типам темперамента, а

шизоидные концепции (идеи изобретателей и пророков и т. д.) будут иметь для нас второстепенное значение. В равной степени мы, разумеется, не дадим никаких особенных примеров для большой массы малоодаренных, просто вялых и тупых шизоидов, всем известных и малоинтересных в психологическом отношении

**Группа 1. Преимущественно
гиперастетические темпераменты.
Сентиментальный, лишенный
аффекта тип (препсихотический).**

**Строение тела и
характер**

Кречмер, Эрнст

Молодой Эрих Ганнер, сын образованных родителей, уже в 15 лет перенес тяжелую кататонию. Это был бледный, нежный, серьезный, высокий юноша, с длинными неповоротливыми членами и с расплывчато-мечтательным лицом, умный, как взрослый, и в то же время трогательный, как ребенок. Обычно он сидел расслабившись, тупо и бездумно, так что его считали глупым; если кто-нибудь вступал с ним в беседу, он смотрел удивленно и робко. Все обращали внимание на его медлительность и обстоятельность. Если его не подталкивали, он мог утром потратить 3 часа на одевание. Внимание родителей было направлено на то, чтобы сделать его бодрым и быстрым, он горько плакал по этому поводу и прилагал все усилия, чтобы угодить им. Он делал уроки до часа ночи. Он был одним из первых в школе, хотя и работал слишком медленно. Его добросовестность и пунктуальность граничили с педантичностью.

Он был тих и тотчас же начинал плакать, когда его бранили. Школьных товарищей у него никогда не было. И даже с сестрами и братьями он не был близок. Когда он попадал в общество мальчиков, то застенчиво улыбался; в грубых играх никогда не участвовал. Товарищи часто насмехались над ним, и он очень страдал от этого. С сестрами и братьями часто возникали ссоры вследствие особенностей его характера. У него было горькое чувство, что он не таков, как другие. Он никогда не отличался умением хорошо говорить. Слова ему давались с трудом. «Когда мне приходится говорить первым, у меня такое ощущение, будто я болтаю вздор».

Он был необычайно нежен, тонок и чувствителен. Когда сделался старше, он перестал есть мясо, так как оно от убитых животных. Он считал это несправедливым, не мог видеть, как совершалось насилие над животными и людьми. Даже мухи нельзя обидеть. «Две жизни для одного кушанья», — говорил он, когда мать собиралась купить двух цыплят. Когда уходил из дому, то сильно тосковал. Он был очень нежно привязан к матери. Позже он впал в религиозную мечтательность; каждое воскресенье ходил в церковь, хотел сделать верующими своих родителей и стать миссионером.

У него была любимая сестра, с которой он, особенно в молодые годы, делился мыслями и состоял в тесной дружбе; его преждевременно пробудившийся рассудок породил собственные идеи, преимущественно технического плана. У него в голове были фантастические изобретения, например он придумал телегу,двигающуюся по воде на колесах. Модель он испытал в ванне, работал тихо и усердно, послал даже в военное министерство свой проект. Телега действительно двигалась, она была хорошо сконструирована. Кроме того, он довольно неплохо рисовал и писал кистью.

Больше всего он любил фантазировать со своей сестрой в тихом углу, в стороне от других детей. Они мечтали о княжествах, о прекрасных местах, о волшебных

звездах, об эфирных судах, направляющихся в мировом пространстве к звездам.

Он не любил, когда его касались. Ему иногда казалось, что он стеклянный...

Мы видим на этом примере, как за внешней стороной, лишенной аффекта, начинается, как тепличное растение, расцветать гиперэстетическая душевная жизнь, проявляясь в нежнейшей сердечности к отдельным лицам, в сентиментальных идеалах гуманности, мечтательной религиозности, стремлении к изобретениям, в поэтической фантазии. Менее одаренные шизоиды лишены этой нежной продуктивности и вытекающей из нее внутренней жизни. Они кажутся парализованными, частично тупыми, с чертами боязливой нервозности.

Два следующих типа, аристократический и идеалистический, с психэстетической точки зрения не столько самостоятельные проявления шизотимического темперамента, сколько варианты только что описанного основного типа. И они базируются на той же нежной внутренней гиперэстезии, с весьма суженной аффективной откликаемостью и обусловленным этим аутистическим самоограничением небольшим кругом людей и интересов, вместе с известными особенностями психомоторной и аффективной сфер.

Тонкочувствующий холодный тип аристократа

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Ирена Гертель, 29-летняя дочь простого чиновника, с далеко зашедшей шизофренией, пришла в один прекрасный день в сопровождении своего старшего брата. Брат, который нам тотчас же вручил записанную им, строго пронумерованную и исчерпывающую историю болезни, — стройный, элегантный, чистенький, аккуратный мужчина, сухой, корректный и очень вежливый; он держался прямо, не облачиваясь на стул, делал размеренные, едва заметные жесты, и лишь его губы двигались, когда он говорил; он не смеялся.

Младший брат, с которым я позже познакомился, привлекал к себе больше. Он был светлым блондином с прозрачным цветом лица и нежными чертами, тонко чувствующий, внимательный, очень осторожный, сдержанный в выражениях и с предельно слабыми аффективными акцентами. Умершая мать была такой же нежной и тонкочувствующей; грубых натур, как, например, одну из своих сестер, она не могла выносить.

«Каковы вы были будучи ребенком?» — спросил я однажды больную. «Вялой и чрезмерно раздражительной, — ответила она. — Вялость — это слабость; если быть слабой, то приходится чрезмерно раздражаться». Работа давалась ей с трудом, она сильно напрягалась, но училась очень прилежно; была стойка и не отставала, работала с утра до ночи. В 16 лет она долго оставалась в пансионе во Франции, где тосковала по родине и страдала от непривычных условий, но не возвратилась домой, прежде чем не овладела французским языком.

Она росла крайне нервным и раздражительным ребенком, быстро утомлялась и была склонна к внезапному гневу. Ирена часто плакала, но только вследствие усталости. Когда она поднималась в гору, у нее кружилась голова. После легкой физической работы, даже после уборки постели, в ее голове зарождались фантазии. Она была очень склонна к грезам наяву. Ирена видела фантазии «образно», перед глазами, но только тогда, когда уставала. На других она производила впечатление апатичной; часто учитель в школе ей говорил, чтобы она не засыпала. Между тем в

действительности она сильно страдала. Она всегда была своенравной, замкнутой и в школе не имела подруг.

Уже очень рано Ирена производила впечатление «твердого, спокойного характера»: у нее были определенные вкусы и этические воззрения. Она вполне владела своими чувствами. По внешности нельзя было судить о ее состоянии, даже если она была очень расстроена. Она никогда никому не говорила о своих опасениях и мыслях, хотя внутренне была очень склонна к раздражительности и недоверчивости. Внешне она была довольно весела, но тиха, что производило впечатление серьезности. Девушка была нелюдима, любила одиночество, ее с трудом можно было убедить отправиться на бал или в гости; если она попадала туда, то вполне владела собой, танцевала, принимала участие во всем, не проявляла никакой застенчивости; никогда она не была влюблена, не обнаруживала никаких сердечных чувств к мужчине, ее родные исключали возможность, чтобы она когда-нибудь думала о браке. Этого нельзя было себе представить. Когда она слышала в обществе какое-нибудь неприличное выражение, то улыбалась и быстро убегала.

Она любила изысканные формы жизни, цветы и красивые книги. Она со своеобразным удовольствием читала описания жизни высшего света, императорского дома, знатных дам, элегантного спорта. Она мечтала об аристократах и о красиво одетых мужчинах. Ее внешность носила на себе отпечаток стильности, благородства и сензитивного.

По отношению к собственной личности она была крайне непритязательна и настолько внимательна к другим, что сто раз извинялась, если полагала, что кого-нибудь обидела. Когда в течение некоторого времени жила в одной комнате с сестрой, она боялась даже дышать, чтобы не мешать той. Она была тактична, со всеми любезна, но ни с одним человеком, кроме матери, не была откровенна. При всей ее любезности с ней никогда не было тепло.

Мать была единственным человеком, с которым она имела внутреннее психическое общение, мать ее предохраняла также внутри собственного дома от всякого грубого прикосновения. Только она одна проникала в ее душевную жизнь, никто и не предполагал чего-либо о ее позднейших болезненных любовных помыслах. «С тех пор как умерла мать, все на нее стало производить более глубокое впечатление», — сообщает ее брат. «С того времени все у нее тотчас же превращалось в бредовую идею. После смерти матери (несколько лет тому назад) между больной и родными появилась глубокая пропасть — больная не могла найти мост к отцу и братьям».

Психоз развивался приблизительно с периода полового созревания, медленно, без заметного начала из этой препсихотической личности; после смерти матери расстройство выступило в грубой форме. Ей казалось, что она недостойным взглядом смотрела на молодого профессора, которого идеализировала и почитала. Поэтому она подверглась его мести; он вместе с соседями и родственниками создал целую систему преследований против нее. Наступили недоверие и вспышки аффектов. Враждебной холодностью иногда веяло от нее, появилась страсть к разрушениям. «Мысли скользят быстро в голове: разрушить, сорвать занавес, кого-нибудь ударить». Она становилась странной, холодной и замкнутой, выражалась расплывчато и несколько витиевато, произвольная улыбка скользила по ее лицу. Отсутствовала способность концентрировать мысли, они «как бы улечивались».

В таком состоянии поступила она к нам. Она почти ничего не ела, почти ничего не говорила, от ее комнаты веяло холодом. Практически не было слышно, как она вставала и как уходила. Ее одежда отличалась простотой и элегантностью. Эфирно-прозрачная фигура светлой блондинки с узким носом и с висками синеватого отлива. Вокруг нее создавалось впечатление неприступности. Ее движения медленные, тонкие, аристократичные, но несколько угловатые. Если с ней вели беседу, она незаметно отстранялась и искала опоры у шкафа, на девушке лежал отпечаток отчужденности. Ее руки узкие, длинные и слишком гибкие. Она приветливо протягивает только кончики пальцев, холодные и совершенно прозрачные, на лице блуждает неопределенная бессмысленная улыбка.

Психэстетические отношения здесь те же, что и у нашего мальчика, только сильнее подчеркнуты холодность и неприступность. Аффективная психомоторная сфера имеет другие оттенки: не робость, неуклюжесть, вялость, но стильность, спокойствие, полное умение владеть собой. Мы не видим ни малейших признаков нежных внутренних чувствований на моторной поверхности. Это то, что мы называем аристократизмом. С этим, вероятно, стоит в связи холодная, стойкая воля, которую мы так часто встречаем в шизоидной области. Старший брат представляет собой вариант элегантного аристократического типа: нежная сентиментальность скорее отступает на задний план, стильное спокойствие, напротив, повышено, усилено до внешней эмоциональной бедности, до холодной корректности, педантичности и почти машинообразности. Отсюда непосредственно идет мост к тому, что Блейлер называет у шизофреников деревянностью аффекта.

Патетический тип идеалиста

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Франс Блау, молодой художник, ученик консерватории, пришел к нам однажды самостоятельно, расстроенный, полный пламенных бредовых аффектов в душе; за ничего не говорящей улыбкой и напыщенной вежливостью скрывалось напряженное, почти враждебное недоверие. Порывистый, доброжелательно-сердечный, с остановившимся блеском на лице, он сильно гримасничал, производил размашистые, чопорные, риторические движения. Он постоянно говорил в самых общих, абстрактных выражениях и обходил конкретные вопросы одним потоком слов, патетическим, совершенно расплывчатым. «Я присоединился к другим людям», — говорит он, когда хочет рассказать, что у него в М. была связь. Музыка, сексуальность, религия — обо всем этом он говорит в один миг, придавая всему одинаковое значение. Душевное банкротство, гибель: «Я пропавший человек». Он необычайно экзальтирован: «Только бы успокоиться».

После нескольких дней, которые молодой человек провел в тиши и в выжидании, он настолько вооружился доверием, что пожелал высказаться. Весь поток слов, которые он вылил во время бесед, длившихся несколько часов, я дословно записывал карандашом. Они перед нами. Он говорил беспорядочно, элегически устало и страстно, но естественным тоном, когда шла речь о его серьезном переживании, крайне субъективно, но совершенно не так, как в первые дни; чопорные гримасы и задержки редко прерывали течение его речи.

«Больше реальности? Это мой недостаток. К идеализму должен присоединиться реализм. «Вы мечтательны и любите одиночество», — говорит девушка. «Да, я люблю музыку, природу... Более высокое! Я в музыке не нахожу счастья». Отец захлопывает дверь. «Ты сам во всем виноват, твой дурной образ жизни!» Мы на ножах — таковы условия в доме. Отец тиранствует над всеми, мать ничего не

значит; когда его нет в доме — легко; когда он приходит — все судорожно сжимается. Он строгий педант. «Немедленно снять сапоги», раздавался строгий голос отца, когда я возвращался домой, будучи мальчиком. У матери отсутствовали интеллигентность, такт и чувство. «Это жалкий человек, — кричит отец, — ему не надо жениться, надо покончить с этим!» — Жениться? Это грубое слово — «подруга жизни»!

Угнетенное настроение. Полный упадок духа... Я постоянно вижу улицу М., девушку, с которой мне было хорошо; это на меня давит, это меня окончательно угнетает. Это проходит через мое тело, как испуг, оно надвигается на меня. У меня тонко чувствующая душа. Со мной дома так обращались, что я должен был чувствовать: ты плохой парень.

Я — идеалист и вижу мир в ином свете...»

На следующий день он мне рассказывал: «Будучи ребенком, я тотчас же после обеда 1—2 часа упражнялся на рояле. Когда я плохо играл, меня строго наказывали. В 2 часа я вновь отправлялся в школу. Раньше меня хотели сделать музыкантом, но затем отец принудил меня вступить в дело. Во время занятий я часто убегал в институт для девиц, где занимался музыкальными упражнениями. Там была сестра милосердия, которая на меня имела сильное влияние, ей было больше 40 лет. Когда через 3 года ее перевели на новое место, у меня появились страшная тоска по родине и отчаянное настроение. Я никогда не был влюблен. Но по отношению к ней у меня было душевное чувство. В первый раз я ощущал, что кому-то нравлюсь.

Когда она уехала, я почувствовал страшное возбуждение; несколько дней я был в больнице; после этого я никак не мог свыкнуться с мыслью, что сестры больше нет; она всецело захватила меня.

В один прекрасный день я появился в городе, где жила сестра, чтобы проститься с ней. Я был совершенно в ее власти. «Франц, — сказала она, — если ты не можешь быть без меня, то я уйду с тобой». Она бросила монастырь и ушла со мной. С февраля по июль мы вместе жили в тихом уголке в горах. Начало, нашей совместной жизни было самым спокойным периодом моей жизни.

Когда я поцеловал ее, у меня было сильное чувственное возбуждение, но я ее не тронул. Эта пожилая женщина заменяла мне мать, каковой она, мне казалось, должна была быть. «Сестра, вы теперь останетесь у меня, — воскликнул я. — Я больше не могу!» Я потерял голову, я не знал, что я делаю; красивая натура меня опьянила. Я заметил, что все было страшной ошибкой...

Я еду с ней домой. Отец меня встречает на вокзале. Мужчины неожиданно хватают меня и связывают; меня должны отправить в больницу. «Вы можете идти», — сказал холодно отец сестре. Я неистовствовал. Ужасное поведение — я дошел до того, что разбил все в доме — все бросил на пол.

Несколько недель в больнице. Затем опять отдых в горах. Угнетенное настроение. Я не знал, где сестра; я сам хотел в монастырь. Полное отсутствие психического контакта с людьми, с семьей. Так это было. Кроме музыки — ничего. Все так переменялось. Я тогда еще не был правильно ориентирован в сексуальных отношениях. С того момента я болен, нахожусь постоянно в беспокойстве и угнетении, я не выхожу из состояния волнения. Я в первый раз почувствовал, что

любовь играет роль в жизни человека...

Я хотел все-таки стать музыкантом. Если бы была сестра, я сделал бы успехи в музыке. Я всецело находился под ее влиянием. Я не мог решиться прекратить связь. Она жила еще четверть года со мной в музыкальной академии, у нас сложилось общее маленькое хозяйство, она готовила для меня. У меня были хорошие отметки, музыка стала для меня самым главным и единственным; столица меня привлекала; мне пришлось завязывать сношения с людьми.

Тогда все прошло. В столице у меня создалось совершенно иное представление о жизни. Я почувствовал, что она для меня слишком проста. Она была малоинтеллигентна, но добросердечна — дитя простых родителей. Она, кроме монахинь, ничего не видела. Я ее называл тетей. «Мы должны разойтись», — сказал я ей. Это не должно было бы никогда произойти. Я же был в ужасном настроении на Рождество, когда она уехала. Я написал ей после разлуки письмо в 28 страниц, все об одном и том же — что я нуждаюсь в человеке, с которым был бы душевно связан.

Спустя два месяца после разлуки с ней у меня установилась новая связь. Я познакомился с певицей — она была драгоценнейшим существом, которая вела меня, как ангел, за собой».

Тут опять начался психоз. Он стал чувствовать, будто сестра знает о его новой связи. У него не было никакой гарантии, что она об этом не узнает. Его начали выслеживать с помощью хозяйки дома, врача. «Я страдал, как тот, который охвачен бредом преследования, но с той разницей, что меня действительно преследовали». Он однажды откровенно рассказал девушке о сестре все.

«Я больше не знал, что я делаю в состоянии беспокойства. Занятия должен был прекратить. Я отправился в санаторий, к врачу по нервным болезням. У меня столько было на душе, что я нуждался в человеке, которому бы я мог все изложить. Девушка посещала меня в санатории, и сестра пришла однажды туда по инициативе врача. Я думал, что сестра не чиста. Я рассердился на нее и не мог с ней говорить. Это было ужасное положение. Она видела, как я привязан к девушке, и беседовала со мною хорошо. Мне не нужно было иметь связь ни с девушкой, ни с сестрой... Мне не следовало бы идти к врачу. Я не видел никакого выхода. Сестра сказала, что она меня больше не увидит, и ушла на ночь в монастырь.

Если меня и девушка оставит, тогда я совсем погибну. «Ты меня не понимаешь», — сказал я девушке. Если меня девушка больше не понимает, тогда я должен возвратиться к сестре. В течение 8 часов я шел по узкой, покрытой снегом дороге к монастырю. «У меня душевное горе, — сказал я, — пусть выйдет сестра». — «Франц, оставь теперь меня, — сказала сестра, — у тебя есть другая!» Мне больше не пришлось с ней говорить, три раза я врвался насильно в монастырь, но, не достигнув цели, уходил оттуда. Так я пошел домой совершенно одиноким».

Мы еще раз подчеркиваем, что весь дословный оригинальный протокол передает рассказ тяжелого шизофреника, находящегося в полном разгаре своего психоза. Мы лишь ограничились приведением в порядок разрозненных предложений и исключили многое несущественное; только в немногих местах использованы не оригинальные выражения пациента, а сведенные, при сохранении смысла, в одно короткое предложение. Грубые очертания его внешней жизни подтверждены родственниками. Мы и раньше знали эту семью, ибо одна из сестер пациента

находилась у нас на излечении с простой шизофренией. Семья такова, как ее описывает пациент. Невозможно и нет надобности проверять, насколько в детали рассказа входят реальность и фантазия. Мы используем рассказ как психологический протокол в смысле не истории жизни, а способа ощущать эту жизнь. Если бы даже все, рассказанное им, было сновидением или вымыслом, то и оно имело бы для нас то же значение.

Этот шизофреник воспринимает жизнь трагически, и при этом он полон пафоса. Чувствительный идеалист — с одной стороны, грубый реальный мир — с другой. Больше реальности и любви, контакта с людьми! Цепь неудачных попыток приспособиться к жизни. Нежное чувство к окружающим — и тотчас же судорожный уход в самого себя, в одиночество. Отсутствует спокойное наблюдение, взвешивание. Все или ничего; экстаз и мечты в один момент, крайняя уязвимость — в другой. Бурный порыв, жестокая неудача, и все это постоянно повторяется, но жизнь никогда не идет по среднему проторенному пути. Франц Блау принадлежит к той группе людей, относительно которых мы говорим: у них естественный талант к трагическому переживанию. Таких людей мы особенно часто встречаем среди гениальных шизоидов. В зависимости от силы аффекта, который иногда скрывается за искаженными жестами, выразительные формы таких людей производят на здорового человека впечатление трагического, истерического, эксцентрического. У Стриндберга мы наблюдаем то же самое. Мы можем ясно показать этот шизоидный тип только у одаренных. Одни одаренные люди — художники слова — могут вообще описать этот характер шизоидной установки жизни. Шизофреники среднего типа не в состоянии правильно выразить в словах такой конфликт, если даже они его смутно ощущают.

В своей психэстетической пропорции данный патетический тип сходен с двумя вышеописанными: гиперэстезия с ограниченным кругом чувствований и вытекающая отсюда аутистическая неспособность к объективной регистрации действительности, решительная склонность к ирреальному, идеалу, абстракции, красивому и возвышенному. Склонность к построению замкнутого, нежного внутреннего мира. Избирательная симпатия к отдельным лицам, резкая антипатия к другим. У Франца Блау становятся ясными те шизофренические механизмы мышления, с помощью которых осуществляется эта аффективная тенденция: его мышление — мистически романтическое, расплывчатое, избегающее конкретных вопросов. Что служит ему идеалом? «Высшее». Звучное слово без содержания, однако наполненное пламенным аффектом. Этот абстрагированный идеал возникает здесь благодаря столь родственному психологии сновидений шизофреническому ассоциативному механизму сгущения. Эротика, религия и искусство сжаты в группы представлений, очень расплывчатых, но с сильным чувственным тоном. Если Блау говорит «Высшее», то смутно сливаются в одно целое элементы представлений из всех трех групп. Именно мистическое смешение религии и сексуальности является, как известно, постоянной составной частью шизофренического содержания мышления. Но это между прочим.

Отличие патетического типа от двух других заключается, следовательно, не в психэстетической стороне, а в импульсивной силе, интрапсихической активности, во влечении выявлять аффект. Те нежные и в то же время слабые импульсами природы, как Гертель или молодой Ганнер, если только они избежали распада благодаря эндогенному психозу, находят единственный выход, который остается для тяжелых гиперэстетиков, чтобы примириться с реальной жизнью: тихое уединение, уход в самого себя и в спокойную мягкую среду, которая не причиняет страданий. Подобное отречение возможно только у натур со слабыми импульсами,

а их среди шизоидов очень много. Трагедия таких людей, как Франц Блау, заключается в том, что они имеют сильный темперамент, стремление выявить свой аффект, душевно волноваться, любить. «Больше реальности! Одна музыка не делает счастливым!» Это влечение ведет их по тернистому пути жизни, для которого не созданы их нежные руки. Вследствие сказанного они ранимы и постоянно чувствуют себя ужаленными.

Несомненно, здесь играет решающую роль биологическая основа сексуального предрасположения. Наш первый пациент по-детски нежно привязан к своей матери. Девушка Гертель, без потребности и способности к реальной влюбленности, удовлетворяется мечтательной любовью к проходящему незнакомцу, с которым она никогда не говорила. Для таких шизоидов жизнь может протекать в сумеречной удовлетворенности, без борьбы и конфликта. Я знаю людей, которые, неся в сердце в течение десятилетий тихий бред любви, никогда тяжело и остро не заболели. Но люди, подобные Францу Блау, в шизоидном предрасположении которых наследственностью заложена пылкая агрессивная эротика, не могут отвлечься, но также не в состоянии найти счастья в реальном. Их психэстетически ужаленная безмерность уже при возникновении портит им любую красивую связь с людьми.

На таких шизоидах с сильным темпераментом особенно красиво выступает скачущий, альтернативный тип аффекта. Эти крайние психэстетические аффективные состояния, когда человек мечется из стороны в сторону, судорожно стараясь проникнуть в глубину своих переживаний и излить чувства, мы называем пафосом.

**Группа 2. Преимущественно
холодные и тупые
темпераменты. Тип холодного
деспота (нравственное
помешательство).**

**Строение тела и
характер**
Кречмер, Эрнст

Эрнест Кат, 23-летний студент, преследует своих родителей с фанатичной ненавистью и жесточайшей бранью, называет отца бродягой, мать — проституткой, угрожает избить их кнутом, насколько может, крадет и выжимает у них деньги. Их существование — сплошное мучение. Они ни на один момент не уверены в своей жизни. На столе перед матерью лежит бумажник. Эрнест Кат с папиросой в руках небрежно берет бумажник, вынимает оттуда все деньги, кладет их спокойно в карман и возвращает бумажник обратно. Отец не желает платить его долги. Эрнест берет несколько серебряных ложек, тщательно рассматривает и прячет их. Он конфискует ценные вещи в доме до тех пор, пока не удовлетворяют его требований. Если Эрнесту угрожают полицией, то он пожимает плечами; ибо знает, что отец не желает скандала. Он насилует кельнерш и образованных молодых девушек, которых приводит ночью в дом отца, в свою комнату. Когда возмущаются его поведением, он только холодно улыбается. Если ему напоминают о работе, он приходит в бешенство, после чего, весь покрытый потом, покидает комнату.

Его университетские занятия лишены всяких целей и плана, он поступал на все факультеты, изучал философию, психологию, эстетику, но кутил и ничего не достиг. Наконец он пришел к заключению: «Я исключительный человек, обычная профессия не для меня; я хочу сделаться артистом».

Вне дома он совершенно иной: весьма любезный, считающийся молодым человеком с изящными манерами, умеющим себя держать в обществе. Он любим в кругу товарищей и играет в хорошем обществе известную роль *maitre des plaisirs*. В его отношении к молодым женщинам есть нечто подкупающее, со многими он состоит в нежной переписке. Он постоянно носит монокль, у него удивительная слабость к дворянскому обществу; в его собственной личности проглядывают черты дворянского происхождения. «Я не могу возвращаться в кругах, где живут мои родители». Его политические убеждения крайне консервативны. Тем не менее его охватило внезапное настроение играть роль пролетария, который имеет желание расстрелять всю буржуазию.

Однажды Эрнест Кат пришел к нам сам. Худая жилистая фигура. Лицо очень длинное, бледное, холодное, спокойное, каменное. Почти отсутствует мимика. Поза небрежная, аристократическая, речь сдержанная, усталая, лишенная акцента. Иногда нечто деревянное, напыщенное. Некоторые выражения странные, приводящие в тупик. Когда он говорит долго, ход его мысли становится расплывчатым. Когда он составляет предложение, чувствуется, что его мысль соскальзывает, он не фиксируется на конкретном вопросе, а постоянно впадает в общее, абстрактное. Идеалистические раздумья о личности, мировоззрении, психологии, искусстве почти хаотически переплетаются между собою, нанизываются среди отрывистых предложений: «Я установлен к конфликтам. Я стою на психической почве, я психически совершенно сознателен».

Его внешность обнаруживает эмоциональную холодность и бесчувственность, за которыми проглядывают душевная пустота и разорванность с чертами отчаяния и трагического чувства. «Внутренняя безнадежность и расщепленность», — как он говорит. Он стремится «к спорту, к сцене и к психологии». Только никакого занятия для заработка, ничего такого, что «может делать другой». Родители всюду мешают развернуться его личности. Они должны давать средства, которые ему нужны, чтобы он мог жить в «своей сфере», то есть в такой среде, которая удовлетворяла бы его художественные наклонности. Он ничего не может достигнуть. Его «влечет к красоте, к общению с людьми». Он пишет много писем. Но всякое чувство в нем умерло. Это «чисто искусственная жизнь», которую он ведет, «чтобы насильственно приспособиться к социальной среде, самому пережить». Он судорожно рыдает. «У меня отсутствует человеческое и социальное».

У него никогда не было чувства юмора, это он сам понимает. Он всегда был занят только собственной личностью. «Мир — это для меня театр, в котором только я сам играю». Друзей у него никогда не было, юношеское не находит в нем отзвука. Он никогда серьезно не влюблялся в женщин. У него было много половых сношений, но при этом внутренне он оставался холодным: «Для меня невозможно уйти от себя». Все другое в жизни — «техника, обман». Крайне холодные театральные манеры. У него осталась сильная склонность к эстетическому, особенно к театру и музыке: хорошая музыка доставляет ему удовольствие.

Он разыгрывает интересного, избалованного человека, стоящего над жизнью; иногда внезапно говорит: «Я — Иванушка-дурачок».

Раньше Эрнест Кат был другим: слабым, тихим, нежным ребенком. Отец рассказал нам о нем следующее: мальчик принадлежал к лучшим ученикам. В его характере, наряду с крайней добросовестностью, отмечалась не свойственная возрасту серьезность, чрезмерная основательность и работоспособность. Его молчаливость,

грусть и странность уже тогда вызывали опасения.

В общем Эрнест был добросердечным, послушным, любвеобильным мальчиком, особенно нежным к матери. Наступление периода созревания несколько запоздало, и он долго не обнаруживал ни малейшего чувства к девушкам. В последних классах гимназии началось резкое изменение характера: он сделался угрюмым, нервным и ипохондричным. Терпение и умственная продуктивность заметно ослабли. Место усиленных занятий заняли легкомысленное чтение, безграничное философствование и неудачные попытки писать стихи. Юноша перестал заботиться о чистоте тела, приходилось принуждать его умываться и причесываться. Часами он бесцельно проводил время в мечтах. Плохо сданный выпускной экзамен рассеял все возлагавшиеся на него надежды.

Одновременно с этим изменился также и его характер. Раньше добродушный, тихий, мальчик сделался недовольным, сумрачным, упрямым. Он возненавидел отца. Еще долгое время он был сильно и нежно привязан к матери и к сестре, пока та не вышла замуж и не умерла от туберкулеза. Под влиянием бредовых идей ревности к зятю он вбил себе в голову, что родители виноваты в ее смерти, и с фанатичной ненавистью начал преследовать мать. Иногда у него проявлялись черты старой нежности к матери. «Любовь к матери была последней его опорой».

Интересно заглянуть в семью отца. Сестра отца заболела в период созревания душевным расстройством, сопровождавшимся сильным беспокойством; с того времени она возбуждена, недружелюбна и терзает окружающих. Брат отца был прекрасным учеником, внезапно в университете утратил энергию к занятиям, не достиг никакого положения в жизни, стал враждебен к родителям и жил чудачком, не имея профессии. Двоюродный брат отца (сын сестры отца) был ненормален и ничего не достиг.

Если мы такой случай, как этот, сравним с предшествующим, то невольно возникает вопрос: принадлежали ли все эти типы личности к однородному в биологическом отношении кругу или до некоторой степени родственному? Что имеет общего этот жестокий, холодный циник и опасный тиран с теми нежными, добродушными, идеалистичными людьми, о которых мы до сих пор говорили? Мы, конечно, отнюдь не хотим настаивать, что шизофреническая и шизоидная группы должны представлять собою нечто биологически однородное. Мы лишь ставим вопрос: имеем ли мы право как критические эмпирики провести линию разделения между отдельными психологическими типами именно в том месте, где это больше всего напрашивается?

Не без намерения я привел рядом оба случая. Они наводят нас на следующее размышление. Каким образом могло произойти, что нежный идеалист Франц Блау является сыном холодного деспота? И как случилось, что холодный тиран Эрнест Кат в детстве был кротким, нежным ребенком?

Это та своеобразная связь в наследственности и построении личности, которую мы встречаем постоянно у шизофреников. Мы должны признать эту связь именно потому, что она не столь неожиданна, потому что она установлена благодаря опыту, ибо мы не могли бы к этому прийти путем спекулятивных психологических дедукций. В равной степени мы заранее не могли бы предположить, что мания и меланхолия связаны между собой.

Состояние нашего пациента до периода полового созревания соответствует во всех

существенных чертах шизоидному препсихотическому главному типу sentimentalного примерного ребенка, лишенного аффекта. То, что с ним произошло в период полового созревания, не было тяжелым шизофреническим психозом, но это следует рассматривать, особенно в связи с наследственностью, как биологический эквивалент шизофренического процесса. Личность, которая возникла после, с точки зрения строгой теории, надо считать постпсихотической.

Личности до и после периода полового созревания как будто отделены пропастью. И все-таки перемена в период зрелости не обозначает никакого разрыва с прежней личностью, но представляет лишь сдвиг в ней. Это типичный пример того, что мы назвали сдвигом психэстетической пропорции. Тщательно присматриваясь, мы находим в следующей картине жестокого, циничного деспота еще множество черт, которые установлены нами у тонких препсихотиков: выраженный вкус к аристократическому, тенденцию к созданию sentimentalного, художественно-музыкального внутреннего мира, резко отличающегося от обычной жизни посредственного человека, и до последнего момента пробивающиеся следы мечтательной, элективной нежности к отдельным лицам, особо характерную привязанность к матери. Мы также и в этой почти уже охладевшей психике находим последний отзвук трагического конфликта, как и у нашего патетического идеалиста: горькое разочарование, «влечение к красоте, к общению с людьми», со, слезами на глазах высказанное признание: «У меня отсутствует человеческое!» При все уменьшающейся восприимчивости он замечает еще, не будучи в состоянии предотвратить его, неудержимо прогрессирующий процесс эмоционального охлаждения.

«Всякое чувство умерло», он ведет «чисто искусственную жизнь». Наряду с этим — судорожное желание жить, юношески наслаждаться и вырваться из наступающего оледенения. Погружение «во внутреннюю безнадежность и расщепление». И вместе с тем напыщенно-насмешливые попытки из холодной пустоты вместе с остатками тонкого чувства создать стильную личность. Наконец, трагическая гримаса: «Я — Иванушка-дурачок».

Гёрдерлин умер такой же духовной смертью шизофреника, но красивее. Стихи, которые мы выше цитировали, вновь всплывают в нашем сознании. У него была более счастливая судьба — после короткого перехода погрузиться в глубокое тупоумие. Эрнест Кат, напротив, по дороге к кататонии остановился на пути. Вначале по крайней мере. Быть может, также и навсегда. Такие шизоиды — самые несчастные, у них еще остается столько тонкого чувства, чтобы ощущать, как они холодны, пусты и мертвы. Если мы такое холодное бесчувственное существо рассмотрим генетически и с внутренней стороны, то оно выступит перед нами совсем не таким, каким бы оно нам казалось, если бы мы отметили только его социальные действия. Тогда мы не только-видим родство между нежным художником и жестоким деспотом, но также и чувствуем его.

Психэстетическая пропорция переместилась, центр тяжести темперамента передвинулся от гиперэстетического к анестетическому полюсу. Такой же сдвиг проделал психический темп: от упорной чрезмерно добросовестной педантичности к порывистой разбросанности. Если последний сдвиг не имел места, то мы получаем тип не капризного деспота, как здесь, а педантичного тирана и холодного фанатика, о которых мы позже поговорим, касаясь таких исторических фигур, как Робеспьер, Савонарола и Кальвин. Шизоиды, как Эрнест Кат, напоминают нероновские фигуры, с их смесью порывистого произвола и содрогающей ярости, напыщенного комедианства и холодной, расчетливой жестокости. Тем не

менее отсутствует достаточно проверенный биологический материал, чтобы решить вопрос, наблюдается ли здесь внешняя аналогия или биологическая зависимость.

Гневно-тупой тип

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Доктор медицины Грабер, практикующий врач, 50 лет, уже живет давно вдовцом с кучей маленьких детей. Он происходит из семьи сектантов. Его отец, способный человек, воспитывал своих детей в большой строгости; сам был очень фанатичным, мечтательно-религиозным и весьма педантичным. Так как его не удовлетворяли взгляды баптистской общины, то он лично организовал еще общину и стал во главе ее.

Сам Грабер отличался большими способностями, в школе был всегда первым учеником и обнаруживал значительное самомнение. Со студенческой скамьи обращали на себя внимание некоторые его странности. Он отправился как миссионер в тропики, где он из принципа ходил с непокрытой головой, без шляпы, на ярком солнце. Теперь уже давно он на континенте.

После смерти первой, нежно любимой им жены, около десяти лет тому назад, стало отмечаться все больше и больше недочетов в его врачебной практике и семейной жизни. Вскоре он женился на грубой, необразованной женщине с сомнительным прошлым. Этот брак, представлявший цепь ужасных сцен, был расторгнут через год.

На войне, во время спокойных военных занятий, его неожиданно обнаружили перед обедом в кабинете, где он кастрировал себя случайно попавшимся ножом. Он сказал, что страдал от сильного сексуального инстинкта, что противоречило его моральным и религиозным чувствам.

Дети никогда не любили отца. Они его постоянно боялись и скрывали от него все свои мысли; у них ничего общего не было с отцом, который жил изолированно в своей семье. Он был удивительно спокоен, за обедом почти ничего не говорил. Было заметно, что он внутренне раздражается и волнуется, например, в связи с врачебной практикой, но никогда не приходилось слышать от него ни одного слова по поводу того, что его угнетает. Если к этому присоединялся какой-нибудь пустяк, то он впадал в неистовую ярость, рычал, бил детей, пока все не оказывались на полу. Его всегда видели мрачным, недружелюбным и подавленным. Никогда он не бывал веселым. Недавно, в понедельник, пришел в гости сын его хозяйки; это было ему неприятно, но он ничего об этом не говорил до субботы, когда мальчик случайно позже обычного оставался в постели. В это утро неожиданно и без всякого объяснения разразилась бурная сцена. Когда вошла квартирная хозяйка в комнату, он крикнул ей: «В течение часа он должен оставить дом!» Это он непрерывно повторял до тех пор, пока мальчик не убежал.

Он был удивительно непрактичен. Его велосипед постоянно ломался; для того чтобы исправить велосипед, ему нужно было бесконечно много времени. И ограниченная практика отнимала у него время с утра до ночи, так как Грабер без всякой надобности тратил слишком много времени.

Он был совершенно равнодушен к своей внешности: костюм содержал в небрежном виде, руки грязные, в еде непритязателен.

Это была смесь педантизма и непостоянства. Никто никогда не знал, как ему угодить. Его бережливость граничила со скупостью. Его принципом было, чтобы маленькие дети много ели. Свою дочь, нервную и слабую, он принуждал к большим порциям. У нее часто случалась рвота, но она должна была тотчас же опять есть, как только он появлялся. Каждый час днем и ночью он мог заставлять детей работать в доме и саду.

Его близкие знакомые пишут о нем следующее: «Уже очень рано он обнаруживал признаки крайней душевной возбудимости, легкую внушаемость и склонность к некоторым странностям: то удивительное равнодушие или полная апатия, даже при тяжелых положениях, например при уменьшении практики и при нужде в деньгах, то неожиданные вспышки страстного возбуждения при незначительных неудачах или когда он встречал противоречие».

Недавно он крестил двух своих еще не крещенных по баптистскому обряду детей. В это время он был очень торжествен, совершенно не такой, как обычно. Он всю неделю носил черный фрак, ночью не спал и бродил взад и вперед, как бы ожидая кого-то. Утром он читал вслух Библию, но больше ничего не говорил. В воскресенье утром он приказал всем своим детям стать перед домом во фронт. «Кто будет отсутствовать, не войдет больше в мой дом». Дождь лил ручьем, но они должны были стоять без зонтика. Затем он по-военному скомандовал выступление и сам без шляпы и зонтика пошел впереди, в белых брюках, в церковь.

Через день, когда он гулял со своими двумя еще не крещенными детьми, начался дождь. Тогда у него возникла мысль: здесь достаточно воды для крещения. Тотчас же он заставил детей, сделав им необходимое наставление, отправиться с обнаженной головой и без зонтиков в ближайший большой город, где он их, промокших до костей, привел в еврейскую семью. Этим он считал крещение свершившимся.

Свое поведение он мотивировал библейским изречением, случайно пришедшим ему в голову: «Он не щадил своего собственного сына». «Это дети, которых я представил Господу».

Последний поступок послужил поводом к помещению его в больницу. Здесь он был совершенно иным. Никаких следов раздражительности. Он производил впечатление довольного, добродушного, душевно спокойного человека. Речь и движения очень медленные, почти торжественные. Он гулял немного, занимался музыкой и курил трубку, развалившись в удобной позе на софе.

Такова личность Грабера по своим внешним проявлениям. Внутри у него жила — и, вероятно, уже давно — совершенно фантастическая шизофреническая бредовая система религиозного характера, которую он составил в письменном виде, по строго проведенной схеме, со многими цифрами и символическими числами. Обычно он не говорил об этом. При тщательном анализе можно было констатировать в последние годы два психотических приступа, продолжительностью в несколько недель, из которых первый наступил после кастрации, между тем как второй относится ко времени описанной церемонии крещения. Весьма вероятно, что у него были и другие приступы, но их нельзя было доказать.

Что можно сказать по поводу этой картины? Если мы у Эрнеста Ката совершенно отнимем тонкое чувство и одновременно прибавим еще немного тупости, то он не

будет отличаться от доктора Грабера. Сдвиг психэстетической пропорции здесь больше коснулся анэстетического полюса. Вместе с этим вся личность более груба, и психический внешний фасад, который у Ката еще сохранился в известном обманчивом лоске, у Грабера сильно пострадал. Отсутствуют утонченное художественное чувство, аристократические манеры, умение держать себя в обществе, забота о своей внешности. Первый признак небрежности во внешности, которую мы уже заметили у Ката, здесь ясно выступает в неряшливости, нечистоплотности. И там мы видели, наряду с остатками сентиментальности, грозно выступающую ярость. Здесь, у Грабера, мы находим жестокий гнев и вместо тонкой раздражительности грубую форму внутренней гиперэстезии: угрюмую внутреннюю раздражительность, которая может вылиться во вспышку ярости, как у лиц с повреждением мозга. Очень типичен в нашем случае комплексный характер раздражительности. При полном отсутствии внешних столкновений нет и внутреннего расстройства настроения. Остается картина чистого спокойствия и тупости. Если настроение характеризуется тупостью наряду с гневливостью, то психическому темпу присуща своеобразная комбинация педантизма и фанатической стойкости, с одной стороны, разорванность, странные, порывистые причуды — с другой; здесь, таким образом, сочетаются две типичные крайности шизоидного темперамента.

Грабер — представитель особенно большой группы темпераментов посредственных шизоидов, которая, наряду с группой лиц сентиментальных, лишенных аффекта, типа Эриха Ганнера, является, пожалуй, наиболее частой; особенно это касается постпсихотиков и врожденно дефективных. Конечно, и у этих угрюмо-тупых содержание психики скуднее, если речь идет о простых людях из народа, и тогда различные стороны их темперамента не так хорошо отделяются друг от друга. В общем, тип Грабера представляет собою приблизительно ту границу, где еще можно, при прогрессирующем шизофреническом расстройстве, рассуждать о личности. Там, где сдвиг пошел дальше, мы уже не можем говорить о постпсихотической личности, ибо речь идет о развалине, о шизофреническом слабоумии.

В личности Грабера ясно выступают, даже целостнее, чем в личности его отца, черты холодного фанатика, который страстно лелеет только свои идеалистические мысли (например, баптистские церемонии крещения), при полной эмоциональной холодности к живым людям, даже к собственным детям.

Тип никчемного бездельника (безразличие - *wurstigkeit*)

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Карл Ганнер, кровный родственник Эриха Ганнера, с детства был высокоодаренным и очень злым. Уже со студенческой скамьи он считался не совсем нормальным. Он окончил теологический факультет и служил некоторое время, затем перешел на филологический, истратив для этой цели последние деньги своих малосостоятельных родителей, непосредственно перед государственными экзаменами из страха перед ними убежал и исчез в Америке.

Там он социально опустился и впал в печальное положение. Он был настолько неловок, что работа на фабрике у машин была сопряжена для него с опасностью для жизни. Попытка рекомендовать его домашним учителем не увенчалась успехом вследствие его неаккуратности, нечистоплотности и дурных манер. Долгое время он шатался без дела; до сих пор неизвестно, на какие средства он

жил.

В течение дня он читал в общественной библиотеке древние книги, ночью спал на скамьях, под открытым небом. При этом ему ничего не было нужно, он жил, как аскет, не пил, не курил, не крал и ничего плохого не делал.

Молодой эмигрировавший племянник нашел его однажды в таком состоянии: сухой, как скелет, неряшливый, в небрежно надетом костюме. Он простодушно спросил у племянника, как тот поживает; был в игривом настроении, размахивал палкой, пел студенческие песни и приводил много греческих и латинских цитат. Совершенный философ и стоик. Его начитанность была невероятна. Он ориентировался во всех философских системах. Он считал, что ему вовсе не плохо.

Племянник посадил Карла на пароход в Нью-Йорке, заплатив за билет и снабдив его хорошим костюмом. Костюм Ганнер продал уже в Бремене; куда девал деньги — неизвестно. Так он однажды, пешком, в жалком виде, явился к своим старым родителям.

Его дальнейшая жизнь ничего нового не дает. Терпеливые друзья детства дали ему небольшую службу. Он был вполне пригоден для нетворческой, конторской работы. Но он приходил и уходил, когда хотел, имел неприятные манеры, ничего нельзя было ему сказать, делал язвительные замечания и со всеми ссорился. Свою свободу он считал высшим идеалом; для жизни ему почти ничего не было нужно. Денег у него в руках не оставалось, он раздавал их и закладывал все. Иногда он появлялся без приглашения у знакомых и родственников, вбегал в комнату, ходил взад и вперед большими шагами, с руками за спиной и не говорил ни слова. Если произносил что-нибудь, то это были саркастические замечания. У него была старшая сестра, отличавшаяся таким же злым языком, как и он сам. При встречах с ней происходили бурные сцены. Он угрожал ей палкой, грубо бранил и называл ее дочерью пастора. Это было его самым сильным оскорблением.

Я его часто видел: тонкий, сухой человек, удивительно неповоротливый, с некрасивой позой и движениями, угловатый и беспомощный. Никакой костюм ему не подходил. Ему можно было надеть лучший сюртук, но он все-таки казался пугалом. Все на нем висело. Его можно было принять за бродягу.

К старости он становился все более странным и неряшливым, не пригодным ни к какой работе. Дети бегали за ним на улице. Он казался ребенком, тупым, спутанным и умер в престарелом возрасте в больнице.

При наличии Слабого юмористического штриха в этом случае шизоидный симптом «безразличия» выделяется особенно ярко. Само юмористическое является, конечно, лишь конституциональной примесью, а не шизоидной чертой. Характерно для праздношатающихся, что они скорее тупы, чем холодны, скорее неустойчивы, чем педантичны. Они — с хорошими задатками, но неисправимы. Неумение приспособиться к действительности и склонность к абстрактному, философскому ясно выступают в нашем случае. С одной стороны, он примыкает к высокоодаренным, постоянно странствующим людям типа поэта Платена, с другой — к множеству слабоумных бродяг и праздношатающихся.

Глава 12. Циклотимические и шизотимические средние люди.

Строение тела и характер
Кречмер, Эрнст

Мы не остановимся на границе области психиатрического исследования. Проблема конституции развернется перед нами во всей широте лишь тогда, когда мы приобретенные результаты перенесем в нормальную психологию. Переходом в нормальную психологию мы не делаем никакого скачка. Переноса связующие нити между строением тела и психическим предрасположением на все варианты психопатической личности и отодвигая благодаря этому на задний план грубые душевные расстройства как исходный пункт нашего исследования, мы неожиданно оказываемся среди здоровых людей, среди знакомых нам лиц. Здесь, у нормальных, четко выступают перед нами те черты, которые мы видели там в искаженной форме. Мы находим те же самые типы строения тела, те же самые стигматы телесной конституции и обнаруживаем, что за той же внешней архитектурой живет та же психическая стимулирующая сила. Те же самые задатки, которые здесь служат разумными регуляторами здоровой психической установки, там, нарушая равновесие, гибнут, подвергаясь расстройству.

Этим путем мы лучше всего освобождаемся от узости психиатрического кругозора: мы уже не смотрим на мир через больничные очки, пытаюсь всюду у здоровых выискивать ненормальные черты, но мы можем свободно стать в большой круг и в нем правильно судить о здоровом или, лучше сказать, об общебиологическом и, исходя из этого круга, верно понять небольшой круг болезненного. Мы уже не станем рассматривать психопатические личности как психопатические abortивные формы определенных психозов, напротив, мы будем считать конкретные психозы карикатурой определенных нормальных типов личностей. При таких условиях психозы представляют собою лишь редкие заострения широко распространенных больших конституциональных групп здоровых.

В этом смысле и следует обозначить термины. Мы называем людей, принадлежащих к тому большому конституциональному кругу, из которого рекрутируются шизофреники, шизотимическими людьми, а тех, которые принадлежат к одной группе с циркулярными, — циклотимическими. Переходные формы между здоровьем и болезнью или болезненные abortивные формы целесообразнее всего называть циклоидными или шизоидными, как мы это уже сделали. Нужно, следовательно, с самого начала ясно помнить, что названия «шизотимический» и «циклотимический» ничего общего не имеют с вопросом, здоровый или больной, но они представляют собою термины для больших общих биотипов, которые включают в себе огромную массу здоровых индивидуумов и лишь небольшую группу разрозненных, относящихся сюда психозов. Слова, следовательно, не указывают, что у большинства всех шизотимиков должны быть психические расщепления, а у большинства всех циклотимиков эмоциональные колебания, но мы только воспользовались существующими названиями для обозначения болезненного, применив их, целесообразности ради, и по отношению к здоровым.

Методический прием при этом был следующий: из нескольких сотен физически и психически здоровых людей, мне хорошо известных, я выбрал приблизительно 150, которые в строении своего тела носят яркие и несомненные признаки астенического, атлетического или пикнического типа. Кроме того, я имею в своем распоряжении фотографии большинства из них. Это были, следовательно, соответственно шизофреническому кругу, люди с длинными носами и угловым профилем, с чрезмерно высокой средней частью лица, с овальными, яйцевидными очертаниями его, при этом с худощавой, стройной фигурой, с грубо выделяющимся мышечно-костным рельефом и, напротив, хорошо известные из

циркулярного круга пикнические фигуры с полными, мягкими лицами, широкими очертаниями в форме щита или пятиугольника и с гармоничным строением профиля, короткой шеей, округленными формами тела и склонностью к пикническому отложению жира.

При этом вскоре обнаружились две большие группы темпераментов, из которых одна совпадает с пикническими, другая — с соответствующими шизофреническому кругу формами строения тела; разумеется, и здесь нам приходилось встречать небольшое количество частичных или полных перекрещиваний.

Преимущественно у пикников наблюдающиеся темпераменты можно разделить на следующие подгруппы, которые связаны между собою широкими переходами и часто одновременно наблюдаются у одного и того же лица. Мы описываем здесь представителей групп мужского пола, каковых мы встречали в молодом возрасте студентами и затем, позже, уже занятыми своей профессией; варианты к этим типам среди женщин можно себе легко представить.

Циклотимические средние люди.

Строение тела и характер *Кречмер, Эрнст*

1. БОЛТЛИВО-ВЕСЕЛЫЕ

Уже издали доносится их речь. Они всегда там, где весело и шумно, при каждом разговоре делают громкое замечание. Вино и веселье они любят больше, чем работу мысли или тяжелый и опасный труд. Они вносят освежающий и оживляющий элемент; веселы, приятные собеседники, любезны, довольны, подвижны, но иногда и тягостны вследствие недостатка такта и тонкости, вследствие выставляемой напоказ грубости, наивного эгоизма и чрезмерной болтовни.

2. СПОКОЙНЫЕ ЮМОРИСТЫ

Они сидят и наблюдают, говорят мало. Иногда они делают ценное критическое замечание. Они врожденные рассказчики, в устах которых каждое простое происшествие принимает характер приятного и интересного. Они говорят пространно, спокойно и без всякой искусственности. В обществе и в занятиях они воспламеняются. Они довольны миром, доброжелательно относятся к людям и к детям; сухое и «принципиальное» им противно. Они преданные друзья, считаются с каждым, и прекрасно умеют обращаться с людьми; для них приятнее всего правдивость и простота.

3. ТИХИЕ, ДУШЕВНЫЕ ЛЮДИ

Он — хороший парень, немножко флегматичный, душа-человек. Он осторожно двигается и неохотно решается на что-нибудь. Он производит симпатичное впечатление, несмотря на то что ничего не говорит. Он охотно смеется и никому не мешает. У него на глазах легко появляются слезы. Если это для него возможно, то он поселяется в деревне, где с добросовестностью и скромностью несет свои обязанности. Он очень немного берет на себя, слишком мало доверяет себе. Многого в жизни он не достигает.

Если мы теперь рассмотрим специальную жизненную установку в профессии и в

обществе, к которой склонны такие темпераменты в зрелом возрасте, то найдем, не касаясь уже намеченных направлений, главным образом две многочисленные группы, которые можно считать или самостоятельными типами, или же только фазами развития (выявления) уже описанных темпераментов.

4. БЕСПЕЧНЫЕ ЛЮБИТЕЛИ ЖИЗНИ

Этот тип особенно развивается там, где при соответствующем темпераменте интеллект не слишком высок и духовное воспитание не было очень заботливым. Его, следовательно, встречают часто у простых людей, а также среди образованных, вышедших из народа. В более высоких слоях он уклоняется несколько в сторону эстетической, красивой жизни, но при этом он не теряет своих материальных основных черт. Чаще всего мы встречаем этот тип в качестве постоянных посетителей в мелких трактирах и ресторанах, где они изображают юмористов и душевнобольных (тип 2—3), но, так сказать, в тривиальной форме. У представителей данного типа заметна склонность к доброжелательной душевности, но без глубоких мыслей и серьезности. Напротив, здесь на первый план у них выступает удовольствие в материальном, чувственно-осязаемом и в конкретных благах жизни. В Швабии таких людей называют «Vesperer», поскольку многочисленные, вкусно приготовленные кушанья и соответствующие напитки составляют содержание их жизни, благодаря чему их еще с юных лет намечающееся пикническое строение тела расцветает пышным цветом. Профессия служит скромным придатком к этой главной их деятельности.

Мерике охарактеризовал примыкающий сюда пикнически-циклотимический тип в маленьком стихотворении «Sommervesten».

Lieber Vetter! Er Ist eine
Von den freundlichen Naturen,
Die ich Sommervesten nenne.
Den sie haben wirklich etwas
Sonniges in ihrem Vesen.
Es sind weltliche Beamte,
Rechnungsrate, Revisoren
Oder Kameralverwalter
Auch wohl manchmal Herrn von Handel,
Keinesweges Petit-mattre,
Haben manchmal hubsche Bauche
Und ihr Vaterland ist Schwaben.
Neulich auf der Reise traf ich

Auch mit einer Sommerveste
In der Post zu Bezigheim
Eben zu Mittag suzammen
Und wir speisten eine Suppe,
Darin rote Krebse schwammen,
Rindfleisch mit französischem Senfe,
Dazu liebliche Radieschen,
Dann Gemuse und so weiter;
Schwatzten von der neuste Zeitung
Und dass es an manchen Orten
Gestern stark gewittert habe.
Druber zicht der wackre
Herr ein Silber Buchslein aus der Tasche,
Sich die Zahne auszustocherr»;
Endlich stopft er sich?
um schwarzen Kafee seine Meerschaumpfeife,
Dampft und diskuriert und schaut in —
Mittelst einmal nach den Pferden.
Und ich sah ihm so von hinten Nach und dachte:
Ach, dass diese Lieben hellen Sommervesten
Die bequemen, angenehmen
Endlich doch auch sterben müssen.

Выражение «Sommerveste» — довольно удачное сгущение впечатления, получаемого от пикнической фигуры с психическими свойствами солнечного и беспечного. Стихотворение содержит в косвенной, отчасти скрытой в юморе характеристике целый ряд особенностей темперамента посредственных циклотимиков из аффективных средних состояний: добросердечное, солнечно-дружелюбное, человечески-беспечное и обходительное, одновременно — склонность к флегматичности, душевному спокойствию, отсутствие суетливости и нервозности; за этим скрываются известные черты филистерства, беспечная удовлетворенность скромными благами жизни и банальными повседневными

разговорами, размеренная спокойная жизнь, отсутствие напряжения, пафоса, идеализма, высших целей.

5. ЭНЕРГИЧНЫЕ ПРАКТИКИ

Это средний тип, который сочетает свежесть, подвижность, живость с трудолюбием и трезвостью ума 2-го и 3-го типов. Энергичные практики — люди с отзывчивым сердцем, которые для всех могут быть полезны. Они сидят во всех комитетах, постоянно перегружены работой и все делают весьма охотно. Работают они неутомимо. Они берутся за разнообразную новую работу и склонны к конкретной практической деятельности: к медицине, политике, социальному обеспечению. Они все делают толково, отличаются ловкостью, умеют ладить, но действуют решительно, высказывают определенное мнение, всегда веселы; некоторые из них честлюбовивы, уверенны, довольны, держатся с сознанием собственного достоинства, знают себе цену, обращают внимание не столько на чины и отличия, сколько на освежающую деятельность. Эксцентричность и идеалистические порывы они не ценят.

Этот тип в гипоманиакальную сторону имеет текучие переходы к ртутному темпераменту постоянно дилетантствующего полипрагматика. То, что в обыденной речи называют пашой, то есть людьми, которые с известным величием управляют окружающими, также примыкает сюда и без резких границ переходит постепенно в соответствующие шизотимические типы холодных властелинов и эгоистов.

Этим мы заключаем ряд циклотимических темпераментов, причем мы ограничились приведением из каждого типа одного или двух взятых непосредственно из жизни портретов ярких личностей. Мы полагаем, что сказанным мы оказываем большую услугу читателю, чем перечислением отдельных качеств, всех комбинаций и оттенков в наших типах; для ясности узора мы умышленно отказываемся от полноты и подчеркиваем только, что выделили отдельные типы потому, что уже раньше сопоставили все остальное в отношении их существенных качеств.

Теперь же мы можем дать характеристики людей повседневной жизни, которые по строению своего тела сходны главным образом с шизофрениками.

Шизотимические средние люди.

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

1. ТОНКОЧУВСТВУЮЩИЕ АРИСТОКРАТЫ

Крайне нежная нервная система. Отрицание всего шаблонного, эстетический вкус. Общительность распространяется на строго избранные круги. *Odi profanum vulgus*. Тщательная чистоплотность. Плохо выглаженное белье может оскорбить их; они останавливаются на эстетических деталях, склонны к франтовству и педантизму. Они заботятся о своей личности, знают и наблюдают тонкие психические переживания (самая нежная сентиментальность). Они крайне уязвимы и чувствительны в личных отношениях, по незначительному поводу могут оскорбиться до глубины души; достаточно одного слова, чтобы охладить их внутренние чувства к старому другу. У них вообще отсутствуют средние тона. Они или пребывают в мечтательном экстазе, или относятся с резкой холодностью и крайней антипатией; у них тонкое, изысканное чувство к искусству. У них нет

прямоты, стойкости и простоты в характере; их собственные чувства отличаются надломленностью, внутренней неуверенностью, заключают в себе нечто ироническое и характеризуются расплывчатостью и логической формальностью. В среде, в которой они хорошо себя чувствуют, такие люди весьма любезны, тонки, внимательны, проникнуты нежными чувствами и окружают себя едва заметной атмосферой неприступности. В их образе мыслей лежит отпечаток благородства, аристократизма и благопристойности, но они игнорируют судьбу отдельных лиц.

Этот полноценный тип в дегенеративную сторону переходит без резких границ в круг бесчувственных и декадентов, людей бездушных, но с большими притязаниями, людей с изнеженными чувствами, но бедных эмоциями, пустых марионеток высшего круга общества, эстетов и холодных «умников».

2. ЧУЖДЫЕ МИРУ ИДЕАЛИСТЫ

Они погружаются в мир философских идей, они работают над созданием особенных излюбленных проектов, идеал их профессии связан с самопожертвованием. Они предпочитают абстрактное и одинокую природу. В скудном общении с людьми они застенчивы, неловки, неумелы; лишь с отдельными лицами, старыми знакомыми, они доверчивы и могут развивать свои идеи с теплотой и внутренним участием. Их внутренняя установка колеблется между эксцентричным самомнением и чувством недостаточности, возникающими вследствие неуверенности в реальной жизни. Презрение к роскоши и внешним удобствам жизни может достигнуть крайней воздержанности и даже опущенности. Некоторые в своих внешних проявлениях саркастичны, нервно-раздражительны или угрюмы, другие в детской отчужденности от мира, в полном отсутствии потребностей, в самоотвержении имеют нечто трогательное и даже величественное. Не все из этих идеалистов нелюдимы. Многие постоянно готовы открыто выступить со своими убеждениями, вербовать поклонников.

Наряду с описанными рассудочными людьми встречаются моральные идеалисты и ригористы, не признающие компромиссов с реальными условиями жизни, отстаивающие абстрактные, априорные постулаты добродетели, то с энтузиазмом в восторженном рвении, то с фарисейской удовлетворенностью, то руководствуясь непреклонными, неизменными жизненными принципами.

Мы уже упоминали, что здесь при хороших конституциональных сочетаниях могут возникнуть прекрасные типы с громадной нравственной энергией, широтой и чистотой образа мыслей.

3 ХОЛОДНЫЕ ВЛАСТНЫЕ НАТУРЫ И ЭГОИСТЫ

В этой группе встречается несколько ярких фигур из офицерской и чиновничьей среды. Совершенно нечувствительные к опасности, стойкие, холодные, рожденные давать приказание. Быстро и надолго уязвляемое самолюбие, бурное расстройство настроения при прикосновении к чувствительным пунктам. Они нелегко прощают. При сильно выраженном стремлении к справедливости и умеренности они легко становятся резкими и пристрастными. Такие натуры решительны, всякое колебание им чуждо. В инакомыслящих, особенно в политических противниках, они видят подлецов. Они вежливы и внимательны по отношению к равным себе, очень далеки от другого круга занятий, но им импонирует энергичная деятельность других. Они умеют командовать и строго руководить бюрократическим учреждением. Их понятия о законности и службе очень узки и ограничены, и в

этом отношении они отличаются человеконенавистнической холодностью. В иной среде мы встречаем тех же людей как упрямых, скупых, своенравных, властолюбивых дворовых и тиранов в семье.

Вариант этого типа, встречающийся особенно часто среди чиновников, отличается не резкостью и упрямством, а хладнокровием, ироническими чертами, гибкостью, без всякой скрупулезности и колебаний. На первый план у них выступает рассудительность, крючкотворство, честолюбие и некоторое интриганство.

4. СУХИЕ И ПАРАЛИЧНЫЕ

Отсутствие остроумия и огня. Они едва улыбаются и держатся очень скромно, отличаются неуклюжестью в жестах. Некоторые вздорно болтают. Слегка дружелюбны, слегка враждебны. Сухи. Рожденные подчиняться. Или молчаливые глупцы. Или поросшие мхом отшельники с ипохондрическими причудами.

Мы видим, что типы, которые получаются на основании изучения строения тела здоровых средних людей, не обнаруживают у своих типичных представителей никаких принципиальных отличий по сравнению с характеристиками, данными в последних главах при помощи материала душевнобольных. Строение тела и эндогенные психозы ведут нас при исследовании общей человеческой характерологии приблизительно к тем же целям. Они корректируют и дополняют друг друга. При комбинации обоих методов возможно, вероятно, поставить на прочный фундамент общее психологическое учение о темпераментах.

Глава 13. Гениальные

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Глава 13. Гениальные.

Высокоодаренные вследствие своей немногочисленности мало пригодны для статистических исследований, но зато богаче резко выраженными типичными личностями. В этой главе речь идет о том, чтобы не доказывать принципиально новое, а проверить выводы, полученные на большом материале, на немногих великих людях и установить у них более тонкие черты. Мы надеемся позже опубликовать индивидуальные анализы гениальных, некоторыми чертами которых мы воспользовались в последних главах; поэтому мы даем здесь лишь сжатый обзор. Наша методика была такова: вначале мы исследовали индивидуальную психологию таких талантов, которые позже заболели несомненными циркулярными и шизофреническими психозами или происходили из семей, которые были к ним предрасположены. Позже оказалось возможным с помощью обширных вспомогательных средств исследования строения тела дифференцировать известное количество гениальных или, лучше сказать, на основании строения тела подтвердить и дополнить уже полученные по методу сравнительной психологии группы. Если мы применим комбинирующе все методы: сравнительную индивидуальную психологию, исследование душевнобольных гениев и сопоставление типов строения тела, то получим прочно установленные эмпирические группы.

В первую очередь это касается поэтов и писателей, которые лучше всего подходят для индивидуально-психологических целей. Здесь мы имеем богатый и легко доступный материал в портретных и биографических заметках. Мы прежде всего опираемся на собственное описание индивидуального темперамента во всех поэтических произведениях как крайне важный объективный психологический

документ, не существующий в такой форме ни в одной из других гениальных групп. Мы потому несколько подробнее останавливаемся на поэтическом творчестве, что эти объективные осадки темперамента дают нам верное научное изображение чувств талантливых личностей, если даже они не проявляют себя в художественном творчестве.

Циклотимические темпераменты художников

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Соответственно циклотимическим темпераментам вначале ясно выделяются обе группы реалистов и юмористов. Чтобы характеризовать тип в его важнейших вариантах, мы назовем (обращая внимание только на темперамент, не придавая значения большей или меньшей продуктивности) имена: Лютер, Лизелотт фон-Перальц, мать Гёте, Готфрид Келлер, Готгельф, Фриц Рейтер, Герман Курц, Генрих Зейдель.

Все названные личности имеют типичное пикническое строение тела или резко выступающие пикнические компоненты. В психиатрическом отношении у них любопытно следующее: Герман Курц был циркулярным с типичными маниакальными приступами; Фриц Рейтер периодически страдал расстройством настроения, отчасти с дипсоматической окраской, отчасти с типично маниакально-депрессивной; мать Гёте, сама отличавшаяся здоровым гипоманиакальным характером, имела дочь, у которой бывали приступы меланхолии, и сына, поэта, который страдал легкими периодическими колебаниями настроения; у Лютера наблюдались сильные, отчасти эндогенные колебания настроения и отдельные приступы тоски с резкими физическими сопутствующими симптомами (как, например, в 1527 г.); у Готфрида Келлера семья матери была, по-видимому, маниакально-депрессивной.

Мы находим, следовательно, в группе реалистов и юмористов биологическую связь с пикническим строением тела, с одной стороны, и с маниакально-депрессивным кругом в самом широком смысле — с другой.

Реалисты и юмористы циклотимического типа темперамента так тесно связаны между собой, что их вряд ли можно разделить на две отдельные группы. Произведения циклотимических реалистов, как Готфрида Келлера, Иеремии Готгельфа, Германа Курца, совершенно пропитаны юмористическими чертами; у юмористов типа Фрица Рейтера склонность к подобному, поразительно реалистическому описанию составляет существенную черту их характера. На основании психологических документов, как, например, письма Лизелотт и матери Гёте, вообще нельзя понять, относятся ли они к юмористическому или к реалистическому типу. Но особенно любопытно, что там, где мы находим описание действительности без юмора или гениальное остроумное описание без трогательного разукрашивания действительности, как у группы Гейне—Вольтер, там и психические, и физические стигматы циклотимического конституционального круга значительно модифицируются или совершенно исчезают.

Циклотимические реалисты и юмористы как литературная группа характеризуются теми же чертами, какие мы уже выделили у циклоидов и циклотимиков: простая человечность и естественность, прямодушная честность, признание жизни, любовь ко всему, что существует, особенно к самому человеку и народу, здравый смысл и трезвые моральные взгляды, умение ценить добродетельное и добродушно

смеяться над мерзавцами. Умиротворяющий смех и умиротворяющий гнев. Способность грубо накричать и неспособность быть колким и злым.

Четкая литературная черта нашей группы — очень небольшое количество лирических и драматических талантов и, напротив, элективное стремление к нестилизованной прозе и эпически-пространному рассказу. «Влечение к содержанию», употребляя терминологию Шиллера, преобладает «над влечением к форме». Поэтическая красота у циклотимиков заключается в обилии красок, богатстве и душевной теплоте отдельного описания, но не в общем построении («Зеленый Генрих»). В этом одновременно состоит их сила и слабость. Наряду с циклотимически-реалистическим рассказом роман шизотимика производит впечатление бесцветного, между тем цикло-тимический характер описания по шизотимическому критерию лишен форм — существенное не отделяется от несущественного, нет сжатости, диспозиции, нет тонкой постановки проблем, нет драматической воли, пафоса, величия. Черта тривиальности тем не менее яснее выступает тогда, когда мы переходим от крупных литераторов к незначительным талантам в группе реалистично-циклотимических темпераментов среднего типа.

В отдельных произведениях мы находим диатетические наслоения, от гипоманиакального до созерцательного, между тем как среди продуктивных людей (даже не касаясь поэтов) вряд ли можно встретить простые мрачные типы. На крайнем гипоманиакальном полюсе стоит стиль письма Лизелотт в его блестящей юмористической естественности, в своей несдержанной грубоватой форме, переходящей иногда границы тонкого эстетического вкуса. Письма матери Гёте, спокойной, солнечно-гипоманиакальной, производят впечатление как бы более смягченного и утонченного издания Лизелотт. Также у Лютера в его литературном творчестве можно видеть грубую естественность, насыщенность, бессистемность и отсутствие форм. Образность, народность, чувственность его языка достигают высшего предела. У всех трех — врожденный дар писать письма и рассказывать с непосредственным тяготением к родному языку, нет обдуманной преднамеренности, нет плана построения предложения. Как только они в хорошем настроении, каждое слово в их устах принимает характер чего то забавного и живого, и случайные мысли нанизываются одна на другую.

На другом конце циклотимического ряда стоят созерцательные фигуры типа Готфрида Келлера (и у Гёте в циклотимических сторонах его характера заключается многое из этого типа), которые близко подходят к вещам, с любовью осматривают их, исследуют, ощупывают, тщательно собирают материал и, спокойно творя, точно и с любовью изображают действительность. Известная любовь к простым людям и полному описанию деталей проглядывает уже у Готфрида Келлера, и еще яснее выступает у Зейделя, Готгельфа.

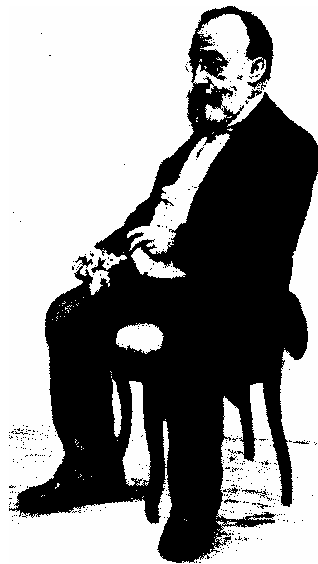

Рис. 27. Готфрид Келлер. Гравюра Штайффера — Берн, 1887. (С разрешения художественного магазина Amsler u. Rutarth.) Сравни портрет кисти Боклина. 1889. G. Keller. Gesammelte Gedichte. Stuttgart, Gotta.

Описанные личности надо считать основной группой циклотимических темпераментов у поэтов. Коснемся теперь вариантов и пограничных типов. Еще одну родственную группу можно характеризовать именами И. Р. Геббеля и В. Буша. Тот и другой отличаются смешанным строением тела: у Геббеля ясно выступает пикническое (особенно на фронтальных очертаниях лица); у Буша оно хорошо заметно в портретах более пожилого возраста. Оба в литературном стиле обнаруживают настоящую реалистически-юмористическую, человеколюбиво-сияющую душевную теплоту, но у них отсутствует эпическая полнота и отмечается искание внешних форм. Они умеют выделить существенное, в нескольких характерных штрихах передать сюжет; у Буша, кроме того, блестящая стихотворная форма. Их стиль анекдотичен или сжат, как в эпиграмме, заострен, обдуман, грациозен. У Буша к сказанному присоединяются важное в диагностическом отношении стремление к философской рефлексии и черты нелюдимого чудака.

Их можно рассматривать как переходные формы от собственно циклотимических юмористов, рассказчиков типа Фрица Рейтера к группе талантов, полных остроумия, сарказма, иронии и сатиры, сущность которых можно характеризовать именами Гейне, Вольтера, Фридриха Великого и Ницше; эта группа принадлежит уже главным образом к шизотимическому типу. У первых трех уже строение тела ясно указывает на это, а у Ницше — только частично (резко втянутое основание черепа, густая борода и волосы, подобно тому как это наблюдается при высоких башенных черепах, глава V). У Гейне и Фридриха Великого мы находим еще черты, близкородственные циклотимическому юмору. Но у остальных ясно обнаруживается родственная связь людей, полных остроумия и иронии, с шизотимической группой в их индивидуально-психологических взаимоотношениях: у Гейне — с его романтически сентиментальной частью личности, у Вольтера — с патетической, у старого Фрица Рейтера — с его недоверчивостью, человеконенавистничеством и резкой холодностью. Ницше можно рассматривать как прототип таланта, лишённого юмора. Богатая идея не носит у него в себе радости, а всегда насыщена пафосом. По складу личности он классический психэстетик с типичной пропорцией нежного тонкого чувства и холодного сознания властелина. Мы не хотим здесь подвергать психологическому

анализу тип человека, обладающего остроумием и иронией; отметим только, что его внутренняя связь с шизотимическим способом чувствовать, в отношении остроумия, заключается, во-первых, в порывистости, склонности к антитезе и утонченности чувствований, а затем в отношении иронии и сарказма в его характере с аутистической гиперэстетической установкой аффекта. В этом смысле для нас внутренне понятной становится эмпирически-биологическая связь с шизотимическими темпераментами. Мы можем остроумно-ироническое рассматривать как шизотимическую параллель к циклотимическому юмору.

У юмористических писателей, которые обнаруживают сентиментальные налеты в смысле шиллеровской эстетики, то есть напускную детскость, рефлексию, пафос, элегическую трогательность, формы строения тела также очень смешанны, как, например, у Клаудиуса и Жана Поля (последний, однако, с сильными пикническими компонентами). У Раабе с его резким налетом рефлексии и пафоса анатомичное строение лица напоминает шизотимиков. Надо уделять внимание всем этим видоизменениям и частичным компонентам, хотя их и нельзя окончательно изучить на основании немногих имеющихся в нашем распоряжении примеров.

Что же касается вариантов поэтического реализма, то мы встречаем более редкую форму, которая отличается не особенной душевной теплотой, а скорее холодностью и сухостью и в своем юморе немного саркастична; это приблизительно тип Фонтана. Во многих индивидуальных психологических чертах он близко примыкает к циклотимикам и в соматическом отношении имеет много пикнического. Также и критики со свежим темпераментом, естественностью, юмором и здравым смыслом, каковы Лессинг и Т. Фишер, имеют, несмотря на сильное конституциональное смещение, близкое отношение к циклотимической группе, на что, впрочем, указывает и строение тела. Где же реализм строго выражен и лишен юмора, там в индивидуально-психологическом отношении и по строению тела мы опять приближаемся к шизотимическому кругу (например, Дрост-Гюльсгоф — типично астеническое строение тела), когда реализм сильно переплетается с романтикой и любовью к природе, или у Геббеля, когда он сочетается с мучительными и трагическими чувствами.

Ясные переходные формы к шизотимической группе составляет прежде всего тот тип, представителей которого обыкновенно называют натуралистами. У них еще присутствует реалистическое наблюдение, но отсутствует спокойная созерцательность, растворяющаяся в объекте наивность, душевная любовь к существующему, чувство юмора; напротив, наступают пафос, известные тенденции, страстные напряжения, отрицание действительности и даже субъективно карикатурные искажения. Искусство изображать не в теплых диатетических средних тонах, а в резких психэстетических антитезах. И реалистическое изображение только служит этим антитезам. Мы можем образовать ряд, идущий от циклотимиков к шизотимикам, который приблизительно начинается с Золя с его выраженной склонностью к чистому наблюдению, к полноте, к эпической предметности, к Ибсену и Герхарду Гауптману становится все драматически антитетичнее и субъективнее и кончается психэстетическими аутистами, к которым принадлежит Стриндберг и близко примыкает Толстой. Если сравнить портреты, начиная с Золя и кончая Толстым, то можно установить такого же рода переход от пикнического лица к шизотимическим длинным лицам.

**Шизотимические
темпераменты художников**

Строение тела и характер
Кречмер, Эрнст

Шиллер в статьях по эстетике в дифференцировке «наивного» и «сентиментального» поэтического творчества, «влечения к содержанию» и «влечения к форме», интуитивно, создав точные понятия, установил множество черт, которые отделяют друг от друга циклотимические и шизотимические темпераменты. В общем биологическое исследование дает блестящее подтверждение его эстетическим анализам, которые в известных отдельных пунктах, например при группировке комического (где у Шиллера, как шизотимика, отсутствует полное чувство), нуждаются в исправлении. Помимо того, мы не так охотно берем в качестве примеров особо выдающихся людей, ибо крупные гении, как, например, Гёте, Шекспир или Руссо, биологически являются очень сложными конституциональными сочетаниями и синтезами, которые по своей конституциональной чистоте уступают многим небольшим талантам.

Чтобы характеризовать основную группу шизотимических поэтических темпераментов, мы назовем следующие имена: Шиллер, Кернер, Уланд, Тассо, Гёльдерлин, Новалис, Платен.

Это главным образом группы патетиков, романтиков, художников формы и стиля с общей тенденцией к идеалистическому по форме и содержанию.

Строение тела названных художников ясно обнаруживает их шизотимическую природу. Все они стройны, тонки и худы. Красивые угловые профили можно видеть у Уланд, Тассо, Новалиса и Платена. Кернер на неидеализированных портретах обнаруживает совершенно астенический *habitus*, с длинным носом и гипопластическим узким подбородком. Высокая, худая фигура Шиллера с чрезмерно длинными конечностями, нежной кожей, овальным лицом, с очень высокой средней частью лица и подбородка, с длинным острым носом всем известна.

Гёльдерлин и, вероятно, Тассо страдали шизофреническими психозами. Платен имел извращенные влечения и был шизоидным психопатом.

Шиллер и Новалис умерли от туберкулеза, о конституциональных взаимоотношениях которого с шизофреническим кругом мы уже говорили раньше.

Патетики представляют собой активные натуры с сильным темпераментом и влечениями, между тем как романтики среди шизотимиков объединяют нежных, женственных, далеко стоящих от мира людей. Трагический пафос — борьба аутистической души против реальной действительности. Подробно об этом мы говорили в главах о шизоидных личностях. Пафос и нежная мечтательность, внешне совершенно противоположные, тесно связаны между собой в индивидуально-психологическом отношении. Героическое и идиллическое являются шизотимическими настроениями, дополняющими друг друга. Средние тона, спокойное наслаждение жизнью и предоставление пользоваться ею у гиперэстетических шизотимиков отсутствуют. Героическое, а также идиллическое — крайние, эксцентричные настроения, среди которых аффект перескакивает в альтернативное стремление. Шизотимическая психика, истощенная пафосом героической борьбой, неожиданно впадает в потребность абсолютного контраста, слезливую нежность и мечтательно-идиллическое спокойствие. В темпераменте Шиллера, который отличался стойкостью громадной энергией, храбростью, сквозь героические черты проглядывает нежность. Нет крупных драматических государственных актов без нескольких мечтательных сцен любви, которые никогда не носят характера наивной чувственности, как у циклотимиков, но постоянно

отличаются сентиментальной эксцентричностью. В этих героических интермиссиях имеется также типичная окраска настроения независимо от того, под каким заголовком они написаны. Или же, например, в лирике Шиллера, где в идеалистических апофеозах мы, к нашему удивлению, видим Геракла как пастуха у Руссо, стерегущего овец и плетущего венки из цветов у источника.

Рис. 28. Торквато Тассо. Гравюра П. Карони по рис. Лонги. (Из «Истории мировой литературы» Шерра.)

У Руссо патетические и идиллические элементы настроения находятся в равновесии. Но и там, где идиллическое романтически-нежное стремление к уединению преобладает, как у Гёрдерлина, мы слышим сдержанный пафос; мало того, звучит даже бурная трагическая страсть героического юноши Гипериона.

Героическое и идиллическое в психэстетической шкале темпераментов также тесно переплетены между собой, как реалистическое и юмористическое в диатетических пропорциях.

Как у циклотимиков преобладает широкая объективность в прозаическом рассказе, так у шизотимиков решительно доминируют лирическое и драматическое. Это необычайно важная черта, которая характеризует произведения обеих групп поэтов с объективностью документа или естественнонаучного эксперимента. У циклотимиков — объективность, растворение в мире объектов. Сам поэт в автобиографиях изображается, как предмет среди предметов, спокойно улыбающимся с той же объективностью, с теми же видоизменениями в пространстве, как и остальное. У шизотимика аутистический контраст: здесь — «я», там — внешний мир. «Я» как лирически мечтающее, занятое самим собой или анализом своих собственных чувствований и «я» в антитезе, как трагический герой в конфликте с окружающим миром, жалким, искаженным, враждебным и дурным, или побеждая, или погибая, — среднего, которое выбирает циклотимик, — нет. Рассказы шизотимика никогда не бывают объективными, они пропитаны лиризмом (Гиперион и Генрих из Офтердингена), богаты чувствами и описаниями природы, но бедны людьми и действиями. Или они антитэтичны, трагичны, загадочны, патетически бичующи, как у Стриндберга, Толстого, ярко натуралистичны или с намеками на экспрессионизм.

Трагические драматурги без шизотимических компонентов личности немислимы. Значительные немецкие драматурги наряду с Шиллером. Грильпарцер, Геббель,

Клейст, Отто Людвиг, Граббе — имеют в своей личности эти шизотимические черты как преобладающие факторы; у Грильпарцера, Геббеля, Людвиг и Граббе строение тела также совершенно определенное и своеобразно дифференцированное; почти гипопластическое, детское лицо Клейста дает указания в этом же смысле. У Геббеля, у Клейста и особенно ясно у Шиллера (кроме, пожалуй, Валленштейна) мы находим никогда вполне не исчезающее стремление более слабые юмористически-конституциональные компоненты использовать для художественного усиления драматически патетического действия. В записках и письмах Шиллера по поводу Валленштейна данная проблема психологически ясно выявляется в осознанном характере этого писателя. Между тем Шиллер в своих позднейших произведениях также сознательно был склонен к греко-французским тенденциям чисто шизотимической стилизованной трагедии при строгом выключении реалистически-юмористического.

Эта глубоко обусловленная биологически дилемма не получила до сих пор вполне удовлетворительного разрешения. Как только циклотимический, реалистично-юмористический элемент, как у Шекспира, становится сильным самостоятельным фактом, так он угрожает строение трагедии превратить в нечто бесформенное; напротив, при полном его исключении по типу великих французских трагедий драма начинает застывать в своего рода математике чувств, с твердыми формулами, типами и диалектическими антитезами. Трудные вопросы эстетики становятся ясными, если можно к ним приложить биологический критерий. Юмористическое и патетическое — чуждые друг другу конституциональные элементы, которые с трудом сочетаются между собой. Этим объясняется и тот факт, что в драматических произведениях всех культурных народов лучше процветает трагедия, чем комедия высокого стиля, что комедия эмпирически всегда является скромным побочным влечением драматического, несмотря на то что она теоретиками уже издавна считалась высшим совершенством поэтического искусства и всюду была предметом поисков и желаний. Циклотимику свойствен юмор, но он не понимает драматизма; у шизотимика есть драматический пафос и чувство формы, но зато нет юмора.

Наряду с патетическим мы назвали романтическое как важнейший тип художественного стиля шизотимиков. Романтическое имеет для нас совершенно точный смысл, который отличается от расплывчатого традиционного значения этого слова или включает в себя лишь главную часть его. Патетик — аутист, ведущий борьбу. Романтик в нашем смысле — аутист, который без борьбы уходит в мир фантазии. Различные вещи, которые в литературном отношении отличаются друг от друга, психологически почти равноценны. Гёрдерлин уходит в благородную чистоту стиля Древней Греции; Тассо и Новалис — в мистический, благоговейный мрак христианского средневековья; Руссо — в буколистическую тишину мнимой природы и мнимого первобытного человека; другие предаются сказочной фантазии. Одних называют классиками, других — романтиками в обычном смысле, третьих — буколикками и идилликами. Если мы подойдем к соответственным художественным личностям с точки зрения индивидуальной психологии, то они окажутся по своим шизотимическим качествам совершенно сходны друг с другом. Это — особенно нежные гиперэстетики с незначительными стеническими качествами и незначительной импульсивной силой. Мы подробно анализировали в прежних главах их психологический механизм: постоянная уязвимость, отчужденность от действительности и внешнего мира, мечтательное бегство в среду, которая не причиняет боли, и расцвет, подобно тепличному растению, чуждого действительности внутреннего мира грез и желаний. В характерологическом отношении интересно видеть, как резко выраженные

шизотимические романтики Новалис и Гёрдерлин мечтательно чтут шизотимика Шиллера с совершенно иным складом, между тем как личности со многими конституциональными сочетаниями группы Тика—Шиллера отдают предпочтение сложным художественным натурам Гёте и Шекспира.

Обычно слово «романтика» имеет еще значение, которое мы не хотим игнорировать. Оно означает понимание истинно народного, народных песен, самобытного и исторически завершенного. Здесь от романтического идут широкие переходы к циклотимической стороне, к чувственно конкретному, эмпирическому и юмористическому. Уже у Уланда и Эйхендорфа, преимущественно шизотимических романтиков, эта сторона ясно выступает. Но своеобразно благоприятное сочетание фантастически нежного и народно-юмористического мы находим у родственных темпераментов Мёрике и Морица Швинда (а также у Кернера). У всех трех и в строении тела проглядывает пикнический компонент. Эти диатетически психэстетические конституциональные сочетания гармоничнее сливаются в склонность к сказкам Швинда и Мёрике, чем соединение юмора с пафосом, которое, не касаясь немногих счастливых исключений, всегда является ломким.

Это можно сказать о содержании; что же касается художественных форм шизотимиков, то шизотимический стиль вращается, как мы раньше видели, между двумя полярными противоположностями: изящным, сдержанным чувством стиля и рифмованным формализмом и небрежностью, неряшливостью, даже грубой неэстетичностью, циничным пренебрежением и совершенным игнорированием всякого чувства формы и приличия. Или же он неожиданно переходит от напыщенной торжественности к пошлой банальности. Если у циклотимика всегда отмечается недостаток в форме, то шизотимик или виртуоз формы, или впадает в грубую бесформенность. То же самое и в частной жизни, где циклотимик любит приятное и уютное, между тем как чистый шизотимик имеет выбор только между джентльменом и бродягой.

Мы не станем подробнее останавливаться на шизотимическом игнорировании формы. Оно проявляется эпизодически в небольших революциях (новейших) художников, как «буря», «натиск», крикливо-патетическая, натуралистическая и экспрессионистская ненависть к формам. Она может закончиться, как у Граббе, саморазрушением или, как у поэта Ленца, шизофреническим психозом, наконец, как у Шиллера, она может остаться как стадия периода созревания: переходная стадия к аристократическим художественным формам. Именно на развитии Шиллера можно видеть, как радикальная ненависть к формам и классическая художественность в формах, будучи биологически тесно связанными, развиваются как фазы одной и той же личности. И Гёте в его шизотимических сторонах творчества, от «бури и натиска» к торжественному сдержанному тайному советнику и великолепному стилисту классику периода Ифигении и Тассо, обнаруживает аналогичные моменты развития, но у него период «бури и натиска» пропитан циклотимическими элементами в стиле Гёца фон Берлихингена.

Хорошим примером в современной литературе может служить Герхард Гауптман: сначала яркий натурализм, а затем, к общему удивлению, фантастическая романтика, красивая по форме и стиху. Нередко у шизотимиков и обратное развитие: бесчувственный формализм в период полового созревания, заканчивающийся позже ненавистью к формам. Автобиографические статьи Толстого изображают это характерное превращение. В более сильных степенях оно вызывается главным образом психотическими толчками или эквивалентами

психоза. Юношеский период типичных циклотимиков не обнаруживает аналогичных резких контрастов, и даже маниакально-депрессивная смена фаз вызывает в художественном стиле лишь слабые текучие изменения настроения, так как выраженная депрессивная фаза благодаря меланхолической задержке вскоре прекращает художественную продуктивность.

Поэты мировой скорби представляют собой не чистых циклотимиков, а гиперстетичных шизоидов.

Шизотимический художественный формализм обнаруживается в умении строго систематически построить все художественное произведение, особенно у драматургов; в создании отдельных форм, в предпочтении звучных стихов, чистого ритма и изысканных выражений. Эта тенденция к формальному художественному языку проходит через все типы шиллеровского, гёрдерлинского и платенского склада. Мы в качестве примера особенно выделили Платена, так как шизотимическую красоту форм он выявляет почти в чистой культуре. Гёте, так говоря о Платене, характеризует отсутствие всякой циклотимической душевной теплоты: «У него отсутствует любовь; он так же мало любит читателей и других поэтов, как самого себя».

Другое проявление шизотимического искусства, которое отличается от стиля Гёрдерлина, выражающегося в чопорной торжественности, — стиль Уланда. Вращаясь между настроением романтизма и шиллеровского пафоса, он выработал художественную форму, вообще присущую шизотимикам: лирику, передающую насыщенное содержание настроения в коротких, несложных четверостишиях, которые звучат так же просто, как наивная народная песня. Это свойство родственно, пожалуй, дарованию известных шизотимиков к эпиграммам и островам, а также их научной потребности к сильной концентрации.

У шизотимических поэтов среднего типа отдельные художественные красоты находятся в акустическом, в музыкальности речи, где они пышно расцветают; у циклотимиков художественная сила таится в оптическом, в пластической образности отдельного выражения и в сценичном изображении. Эту наивную оптическую предметность мы совершенно не находим у чистых шизотимиков. И их образные выражения могут быть очень богаты, но они выбираются с известной логической сознательностью, как у Шиллера, красочно, переплетаются между собой без стойкой сценической предметности., отличаются туманным символизмом и звучат, как у Гёрдерлина. Эти четкие различия стиля можно ощутить, если сравнить писателей — Лютера, Готфрида Келлера, Фрица Рейтера с Шиллером, Гёрдерлином, Платеном.

у менее одаренных в художественном отношении шизотимический формализм становится театральным актерством, педантической сухостью или проглядывающей всюду логической рефлексией.

Изобразительные искусства

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

В изобразительных искусствах мы находим приблизительно такие же различия в стиле, как у поэтов, только там они более затушеваны вследствие различия технических навыков и направлений. Мы находим много простой объективности у пикнических циклотимиков (Ганс Тома), поразительную жизненную свежесть в картинах Франца Гальса, который был толстяком и вел веселый образ жизни; однако у типичных шизотимиков мы обнаруживаем тенденцию к классическим

красивым формам (Фейербах), и к крайнему пафосу (Микеланджело и Грюневальд).

Особого внимания заслуживает лишь экспрессионизм, чисто шизотимическая художественная форма, совершенно совпадающая в своих существенных тенденциях с художественным творчеством, которое мы находим на картинах одаренных душевнобольных шизофреников. Эта аналогия, впрочем, с эстетической точки зрения ни похвала, ни порицание, а лишь простой факт, который не нравится только обывателям. В психологическом отношении это направление, во всяком случае, очень интересно. То, что мы называем экспрессионизмом, имеет различные психологические компоненты, которые, как мы видели, являются типично шизотимическими: 1. Тенденция к крайней стилизации, кубистические компоненты. 2. Тенденция к пафосу, к созданию крайне выразительного действия в красках и жестах, даже с сознательным риском карикатурного искажения. Это экспрессионистский компонент в более узком смысле, который указывает в первую очередь на родственную связь современного направления в искусстве с их средневековым патроном, Грюневальдом. Многие из этой тенденции таится у гениальных художников-шизотимиков прошлого за принципиально различными внешними художественными средствами, формами Ренессанса у Микеланджело и готическим стилем Грюневальда (стоит только сопоставить очень родственный выразительный пафос жестов и контрастных движений в изображениях Воскресения Христа у Грюневальда и в рисунках Микеланджело). 3. Аутистический компонент: тенденциозное игнорирование реальной формы, нежелание рисовать вещи такими, каковы они в действительности, даже тогда, когда отклонение от реальной формы не дает повода для стилизованного или патетически экспрессионистского изображения. 4. Наконец, компонент, которым обусловлены известные шизофренические механизмы мышления: таковы сновидения, выраженная склонность к перемещениям, сгущениям и образованиям символов в смысле Фрейда. Такие механизмы, как, например, изображение нескольких гетерогенных моментов на той же картине (лицо крестьянина, которое одновременно являет собой ландшафт пахотного поля), мы находим часто в произведениях современных художников-экспрессионистов.

Для анализа соответствующих типов темперамента в музыке пока отсутствуют опорные пункты, так как известные великие композиторы преимущественно обнаруживают сложные биологические конституциональные сочетания, а собрать достаточный материал относительно небольших талантов может только специалист.

Типы ученых

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Ученые, как и люди практических действий, в меньшей степени, чем поэты, дают нам объективный материал, ценный в индивидуально-психологическом отношении. Поэтому их мы обрисовываем бегло, тем паче что у них повторяются уже известные нам черты. Затем у этих групп, не считая нескольких великих людей, отсутствуют доступные портреты и биографии, тщательно разработанные с точки зрения индивидуальной психологии. В существующих биографиях либо перечисляются внешние факты жизни, либо они представляют собой популярно составленные занимательные панегирики.

Интересно, как в последнее десятилетие переместился телесный тип ученых. В старое время, особенно среди теологов, философов, юристов, доминировали

длинные, узкие, резко очерченные лица, фигуры, подобные Эразму, Меланхтону, Спинозе и Канту. С XIX столетия среди естествоиспытателей стали преобладать пикнические фигуры. Очень грубым методом может служить сравнение больших коллекций портретов. Я, например, сопоставил коллекцию из 60 портретов 1802 г.: теологов, философов, юристов и среди них нашел приблизительно 35 шизотимических типов строения тела, 15 сильно смешанных и 9 пикнических. В иллюстрированном врачебном календаре я насчитал среди известных медиков XIX столетия: пикников — 68, неясно выраженных — 39, шизотимиков — 11.

Каковы бы ни были ошибки в таком суммарном методе, все-таки различия в пользу шизотимических форм строения тела у представителей абстрактной и метафизической науки прошлых столетий и в пользу пикников у наглядно описывающих естествоиспытателей столь значительны, что мы их не можем игнорировать.

Нелегко выбрать отдельные примеры для циклотимических темпераментов у исследователей, так как великие люди имеют различные конституциональные соединения, а биографии менее значительных исследователей недостаточно разработаны. Современная эмпирическая медицина открывается тремя, преимущественно пикническими фигурами: Бергаве, Свинтен и Альбрехт Галлер. Типичный пикник — Гмелин, известный как ботаник и географ, исследователь Сибири, предшественник А. Гумбольдта. Среди известных естествоиспытателей и врачей многие обнаруживают пикнический *habitus* или ясные пикнические компоненты. Мы назовем, например, Галля, Дарвина, Роберта Майера (циркулярные психозы), Вернера Сименса (энергичный практик), Бунзена (солнечно-юмористичный, практический темперамент), Пастера, Роберта Коха.

Приблизительное представление о циклотимических исследователях можно получить, если назвать имена Альбрехта Галлера, Гёте и Александра Гумбольдта, причем мы не должны каждый раз считаться с более слабыми шизотимическими налетами конституции. В биологическом смысле надо отметить, что Галлер страдал значительным ожирением и перенес приступ депрессии, что Гёте был сыном типичной циклотимической матери, сам страдал легкими периодическими колебаниями настроения и временами был склонен к корпуленции, что А. Гумбольдт в пожилом возрасте имел типичное лицо пикника и обнаруживал преимущественно циклотимную психику с подвижностью, добросердечностью и юмором.

Следующие черты являются общими для этих исследователей: 1. Громадный экстенсивный характер работы, увлечение различными областями науки, многосторонность и текучая душевная подвижность, которая охватывает все отрасли человеческого знания и наряду с этим сильные художественные тенденции. 2. Наглядно эмпирическое направление в работе, склонность собирать, накапливать и описывать конкретный научный материал, наивная любовь к чувственному, к непосредственному созерцанию и «ощупывание» этих предметов. «Он слишком много ощупывает», — говорит Шиллер о Гёте. Изречение одинаково характерное для обоих. Науки, которые они предпочитают, — наглядно описательные: ботаника, анатомия, физиология, геология, этнология. 3. В негативном смысле, по крайней мере у Гёте и Гумбольдта, инстинктивная и подчеркиваемая антипатия ко всему систематизирующему, теоретически конструктивному и метафизическому, ко всем философским и теологическим притязаниям, которые не имеют прочного фундамента и не основаны на чувственном опыте. «Верь своим чувствам, они не обманут тебя» — таков научный

девиз Гёте, между тем все остальное для него является «неисследованным», что можно признавать только с осторожностью. Гумбольдт в старости говорил с юмористическим равнодушием, что «он не желает заниматься пустяками потустороннего мира». Гёте, несмотря на все старания Шиллера, только поверхностно познакомился с философией Канта, а Гумбольдт отвергал стоявшего тогда на своем кульминационном пункте философа Гегеля.

Рис. 29. Александр Гумбольдт.

Насколько мы можем судить, принимая во внимание трудность исследования материала, эти экстенсивные, наглядно эмпирические, живые, близкие к жизни описательные науки, по-видимому, ближе всего подходят к циклотимическим темпераментам. Во всяком случае они вполне соответствуют типу темперамента, как это мы видели у циклотимических людей вообще, и особенно ясно при эпически широком реализме циклотимических художников.

Наряду с таким стремлением к научному исследованию у практически работающих ученых-циклотимиков обнаруживается еще склонность к популяризации в доступных народу произведениях, статьях и лекциях; у Александра Гумбольдта она, например, очень ясна и, вероятно, находится в связи с подвижностью, наглядностью, красноречием и суетливостью, с качествами, свойственными гипоманиакальному темпераменту. Она включает в себе положительные и отрицательные стороны одновременно, подобно тому как циклотимические свойства наглядного эмпиризма таят в себе известный недостаток в концентрации, системе и углубленной работе мысли. Отсутствует то, что для шизотимика Шиллера является высшим принципом работы: из мельчайших крупинок накапливать наивысшую силу.

Если мы перейдем в естественных науках от наглядно описательных к более точному теоретическому крылу — к физике и математике, то нам кажется, что возрастает число исследователей, личности которых следует отнести к шизотимической группе как в отношении строения тела, так и индивидуальной психологии. Не подлежит сомнению, что среди математиков встречается много типичных шизотимиков; из известных математиков прошлых столетий резкие

шизоидные стигматы обнаруживаются в строении тела Коперника, Кеплера, Лейбница, Ньютона, Фарадея. Красивые пикники очень редко попадают среди них. Мёбиус говорит на основании своих тщательных исследований, что большинство математиков принадлежат к нервным, что среди них часто встречаются своеобразные характеры, оригиналы и чудачки. У Ампера, по-видимому, был приступ шизофренического расстройства, а неясный психоз Ньютона скорее всего можно толковать как легкую позднюю шизофрению. Психозы Кардана и Паскаля Мёбиус считает «истерическими». Старший Болиа был шизоидным психопатом. Мёбиус подчеркивает редкость способностей к медицине и математике у одних и тех же лиц, что совпадает с нашими конституциональными исследованиями. Напротив, способности к математике и философии довольно часто встречаются одновременно. Среди философов, строгих систематиков и метафизиков встречается очень много шизотимиков. Это соответствует преобладанию «влечения к формам» над «влечением к содержанию», любви к строгому построению, к чисто формальному, склонности к сверхчувственному и ирреальному, подобно тому что мы видели у шизотимических поэтов. Мы можем различить две часто переходящие друг в друга группы:

1. Людей точной, ясной

логики и системы, типа Канта, которые соответствуют в поэтическом творчестве художникам формы, со строгим стилем, и драматургам.

2. Романтических метафизиков, типа Шеллинга, которые имеют связь с поэтами-романтиками. У менее значительных теософов это шизотимическое направление мышления благодаря кататимическим механизмам может достигнуть необычайных степеней логической расплывчатости.

Тот и другой склад мышления, несмотря на внешние различия, тесно связаны между собой в биологическом отношении. У точных представителей критики познания, типа Канта, мы находим наряду с этим сильные потребности в метафизике, желание смотреть «на звездное небо, стоящее надо мной», поиск априорных, сверхчувственных, религиозно-нравственных постулатов. Между тем романтики мысли, особенно незначительные, расплывчатые среди них, обнаруживают ясную склонность к конструктивно-абстрактному описанию своих идей. Поэтому приходится постоянно удивляться, когда мы находим у самых точных мыслителей известный «мистический уголок», который напрасно будем искать у эксквизитно наглядных эмпириков типа Александра Гумбольдта.

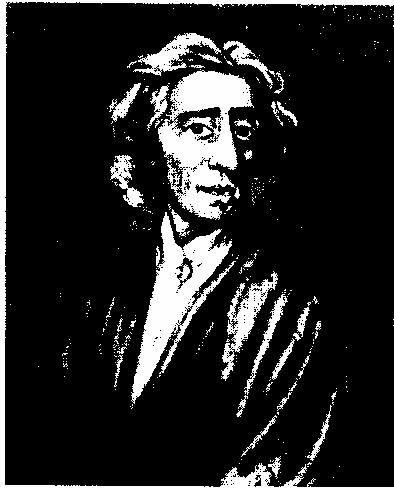

Рис. 30. Философ Джон Локк.

Это взаимоотношение между систематической точностью и мистической реальностью мышления принадлежит к такого рода явлениям, которые никогда нельзя предложить а priori и которые мы, так сказать, против воли устанавливаем на основании опыта. Еще более ясно, чем у здоровых шизотимиков, это взаимоотношение проступает в мышлении душевнобольных шизофреников, где господствующее иррациональное содержание, например мистически религиозного характера, выливается в чистую схему понятий, цифр, номеров и геометрических фигур.

Что же касается биологической основы, то среди отдельных видных философов, чьи хорошие портреты и достаточное количество биографических заметок имеются у нас в распоряжении, мы выявили нескольких экзотических шизотимиков в отношении строения тела и психики. Напротив, пикников среди них очень мало. Из 27 обследованных до сих пор философов-классиков мы не нашли ни одного с пикническим строением тела, а пикнические налеты встречаются в очень умеренном количестве». Тяжелыми астениками являются Кант, Спиноза, Якоби и Мендельсон; Спиноза, кроме того, страдал туберкулезом. Красивые шизотимические лица, кроме названных, мы встречаем у Локка, Вольтера, Лотце, Шиллера, Гегеля (высокая средняя часть лица), Д. Ф. Штрауса, Гамака, Гердера, В. Гумбольдта, Фенелона, Гемстериуса, Кьеркегора. Резко выраженные стигматы строения тела шизотимического характера обнаруживаются у Фихте (громадный нос) и в юношеских портретах Шлейермахера (склонность к угловому профилю, к укороченному лицу в форме яйца, астенический *habitus*); у того и другого в позднем возрасте присоединились пикнические компоненты, что имеет свою параллель и в индивидуальной психологии.

Из старых гуманистов типичным шизотимическим строением тела и характером отличались Эразм и Меланхтон. Шеллинг по не всегда согласующимся портретам, и описаниям, по-видимому, обладал смешанным строением тела в психическом отношении он был выраженным шизотимиком: «неугомонного характера», недоступный и раздражительный в общении с людьми, совершенно лишенный юмора и веселости, в беседе большей частью пребывал в «состоянии какого-то напряжения, которое с трудом исчезает», резко альтернативный и склонный к комплексной, параноидной установке. В молодые годы можно было обнаружить в его характере контрастирующие черты — стремление понимать природу в смысле Гёте и стремление к критически-антиромантическому, «эпикурейскому» мировоззрению. Возможно, все эти цикло-тимические черты идут параллельно с

пикническими компонентами строения тела. Кант в своей частной жизни представляет шизотимический тип «отчужденного от мира идеалиста» в его самой чистой и высшей форме, со спартанской умеренностью в потребностях, с детской наивностью и крайне идеалистической нравственностью. Лейбниц своим оптимистически-полипрагматическим характером составляет в телесном и психическом отношении переходной тип между шизо-тимической и циклотимической группами ученых, но все-таки он преимущественно астеник.

В частном образе жизни шизотимиков мы находим у некоторых групп непрактичность и кабинетную ученость (Кант, Ньютон), у других — героически-фанатические черты шизотимического характера (Фихте, Шеллинг), в противоположность примирительности, живости, подвижности, умению жить полной жизнью циклотимиков (Гумбольдт и Гёте).

Полученные до сих пор результаты относительно природных склонностей ученых, при указанных трудностях сбора обширного материала, должны быть еще проверены и требуют осторожного отношения. Они касаются главным образом только хорошо выраженных оригинальных дарований исследователей. Между тем у ученых среднего типа, как и вообще при выборе профессий, экзогенные случайности — господствующей в науке моды, полученного образования и всей окружающей среды — играют гораздо большую роль для избранного направления, чем конституциональные моменты. Только немногие люди (это, конечно, касается и других групп) отличаются такой односторонней шизотимической или циклотимической конституцией, чтобы они при добром желании и хороших способностях не могли проникнуться противоположным способом мышления и чувств, если только этого требуют внешние обстоятельства. Лишь немногие узкие специалисты так односторонне направлены — или только на наглядное, или только на систематическое, что не могут привлекать к себе противоположный тип.

Вожди и герои

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Как циклотимические, так и шизотимические темпераменты в определенных пропорциях дают благоприятные шансы для практической деятельности. Между тем в других соотношениях, например в случае чрезмерного циклотимического полнокровия, а среди шизотимиков лишённые аффекта гиперэстетики, тупые и дефективные типы дают на ответственных практических постах отрицательные результаты. Шизоидные преступники типа «безумных цезарей» могут причинить громадное зло.

Здесь нас интересуют только продуктивные практические стороны темперамента в их гениальных проявлениях. На циклотимической стороне мы находим в гипоманиакальном темпераменте многочисленные благоприятные факторы: размах, оптимизм, храбрость, подвижность, текучую практическую энергию. Затем, переходя к средним состояниям, — здравый смысл, практический инстинкт, душевность, умение обращаться с людьми. У чистых циклотимиков, наоборот, отсутствуют твердость характера, идеалистическое напряжение, принципиальная последовательность и методичность. Циклотимический металл сам по себе слишком мягок. Поэтому у великих вождей, преимущественно циклотимического темперамента, мы находим, насколько пока можно судить, значительные шизотимические конституциональные примеси. На основании нескольких исторических примеров можно выделить среди циклотимиков следующие типы вождей:

1. Храбрые борцы, народные герои.
2. Живые организаторы крупного масштаба.
3. Примиряющие политики.

Последние ближе примыкают к средним состояниям, между тем две первые группы обязаны своей силой гипоманиакальным компонентам.

Блестящим примером гениального вождя, который сочетал в себе эти обе стороны циклотимического характера, является Мирабо, разумный руководитель первого периода Французской революции. В соматическом отношении это фигура с округленными формами и короткими членами, полная темперамента и мягкости, — словом, типичный пикник.

Он обладал тенденциями храброго борца, осторожностью и способностями примиряющего политика: пламенный дух, полный ораторского таланта и пылающей чувственности, полный остроумия и сознания собственного достоинства; но при этом всегда справедливый и примирительный, весельчак, кутила, игрок, постоянный должник, но добродушный, как дитя, человек, который сам любил пожить и давал жить другим; человеколюб, совавший каждому нищему деньги в руки, беспечный, доступный, всюду пользовавшийся популярностью и кичившийся ею; мастер популярно выражаться, умевший руководить при самых горячих прениях, пропитанный тонким юмором и способный в самый сухой официальный документ вставить умное замечание и прекрасный оборот. Человек, лишенный скрупулезности и не отличавшийся очень высокой моралью, но великодушный, со здравым смыслом и свободный от фанатизма и доктрины.

Рис. 31. Мурабо. (Из «Mirabeau Lettres». London, Wilson, 1832.)

В новейшей истории Германии мы видели ловких дипломатов пикнически-циклотимической конституции — и мягкосердечных, великодушных, подвижных, неутомимых организаторов, как Фридрих Науманн, и любезных, внимательных, приспособляющихся, как князь Бюлов, и лиц с наивным самомнением, полипрагматичных дилетантов.

Из группы крупных организаторов мы возьмем в качестве примера великого техника и изобретателя Вернера Сименса, имевшего характерную голову с резко изогнутым носом, очень выразительные глаза, закругленные пикнические формы лица. Натура завоевателя, полный энергии, любви к жизни, отваги, свежести, мужественности и эластичности; творческий человек, создававший новые планы и идеи, невзирая на опасность; современный крупный промышленник громадной предприимчивости, который, не имея раньше никаких средств, с «головокружительной быстротой» завоевал мир и основал крупнейшие предприятия в России и за океаном. Веселая, изобилующая силой личность, большой оптимист, искренний, гордый, храбрый и совершенно не sentimentalный. Более мягкое проявление этого типа представляет собой Бодельшвинг, известный как психотерапевт и социальный организатор крупного

масштаба, отличавшийся оптимизмом, отвагой, человеколюбием и оригинальным юмором. Его конституция обнаруживает еще яснее пикнические гипоманиакальные черты. Если мы людей этого типа называем организаторами, то центр тяжести их организаторской силы лежит скорее в гипоманиакальном первичном аффекте, в стремлении создавать и завоевать, а не в систематической разработке.

Из типа народных героев, борцов и воинов мы назовем имена Блюхера и Лютера, причем в сложной личности Лютера мы осветим одну главную сторону его характера, не касаясь меланхолических и шизотимических черт. Тот и другой при сильно выраженных циклотимически-гипоманиакальных чертах темперамента обнаруживают склонность к эндогенным колебаниям настроения (у Блюхера депрессивные психозы), а Лютер также и пикнический *habitus*; но, кроме того, у них выступают и сильные шизотимические конституциональные налеты. Блюхер отличался атипичным строением тела, у него был душевнобольной сын, вероятно шизофреник. У Лютера наводят на мысль о шизотимических чертах портреты и характерология его родителей и его изображения в дни молодости (склонность к угловому профилю). Эти гетерогенные налеты обуславливают, вероятно, у обоих стойкость воли и намеки на фанатизм.

В их типе отсутствует дух примиренности одной и организаторский талант другой из названных групп. Их величие заключается в пылающем огне, который — типично для гипоманьяка, особенно при первом порыве, — воспламеняет, увлекает за собой все окружающее, предоставляя другим заниматься отделкой. Бессистемная политика Лютера, зависящая от его настроения (крестьянская война), и пикническая тучность немецких князей налагают на первый период немецкой Реформации циклотимический отпечаток. Блюхер и Лютер были людьми беспримерной популярности. Народу нравится героическое и детское в них, гнев и смелость обоих, яркий и грубый язык, прямодушие и природный ум.

Совершенно иного склада герои шизотимических темпераментов. Их успехи обусловлены главным образом следующими чертами шизотимической характерологии: настойчивостью и систематической последовательностью, неприязательностью, спартанской строгостью, стоической выносливостью, холодностью в отношении к судьбам отдельных личностей, с одной стороны, и утонченным этическим чувством и неподкупной справедливостью — с другой, а особенно тонким чутьем к стонам слабых и раненых, гиперэстетическим состраданием, отвращением и пафосом по отношению к народным страданиям, дурному обращению с угнетенными классами и склонностью к идеализму вообще. Обратная сторона этих преимуществ — известная склонность к доктринерству, односторонне узкому и фанатичному, недостаток доброжелательности, приятного, естественного человеколюбия, понимания конкретной ситуации и особенностей отдельных личностей.

Их можно подразделить на следующие группы:

1. Чистые идеалисты и моралисты.
2. Деспоты и фанатики.
3. Люди холодного расчета.

Прежде всего несколько слов о последней группе как менее важной. Такие черты

можно видеть в дипломатических способностях князя Меттерниха, человека с резко выраженными шизотимическими формами лица. В шиллеровском описании полководца Валленштейна ясно выступает эта осторожность, скрупулезная холодность, расчетливость в умении властвовать над людьми и ситуациями, в парадоксальном, но биологически-естественном сочетании с мистически-метафизическими наклонностями шизотимика. Более пассивный вариант этой примирительной холодно-дипломатической, бездушной тактики — Эразм периода Реформации. Здесь следует сравнить портрет Эразма, писанный Гольбейном, который может заменить любую характеристику, — настолько хорошо в нем передано как анатомическое строение тела и лица, так и выражение Эразма. Вольтер — худой, хитрый, саркастический человек. «Будьте добродетельны», — пишет он своим друзьям («Mentez, mentez! Il faut mentir comme un diable, non pas timidement, non pas pour un temps, mais hardiment et toujours»).

Подобно тому как шизотимический круг, полный антитезами, всегда заключает в себе крайности и лишен средних положений, так и этому холодному, гибкому и отчасти аморальному типу противостоят патетическая страстность и строгая последовательность чистых моралистов и идеалистов. Именами Канта, Шиллера и Руссо можно характеризовать данную группу.

Особенность перечисленных натур заключается в том, что они, не принимая участия в практической жизни — за исключением Шиллера — и неспособные к этому, все-таки благодаря простому высказыванию своих мыслей творили великие дела, которые по своей силе и длительности значительно превосходят исторические деяния упомянутых практических людей расчета. Непостоянный, робкий гиперэстетик Руссо, нелюдимый отшельник с сензитивным бредом преследования во внутреннем «я», из своего убежища взволновал душу французского народа и дал непосредственные стимулы для Великой Революции: «Природа», «Право человека», «Государственный договор». Он создал такие девизы, исполнения которых только и ждала жаждущая деятельности современность. Железный, «категорический императив» Канта, идеализм Канта и Шиллера вообще стоят в близкой, хотя и не прямой, связи с великими освободительными войнами и даже налагают отпечаток на известный период истории Пруссии.

Действие этих и многих других незначительных шизотимиков на современников обуславливается резкой альтернативностью их чувств и логических формулировок. Это не люди, которые всюду видят большую или меньшую степень хорошего или плохого, всюду находят реальные возможности и выходы. Они видят не возможность, а только грубую невозможность. Они видят не пути, а только один путь. Либо одно, либо другое. Здесь — в рай, там — в ад. Горячая ненависть смешивается с трогательной благожелательностью. Яркие карикатуры шиллеровских юношеских драм, утопический идеализм Руссо, категорический императив. «Ты можешь, так как ты должен» — так вырисовывается у них одна линия, которая кажется прямой и простой, так отчеканивают они горячие и холодные крылатые слова, сильные лозунги, которые до мозга костей пронизывают полусгнившую, трусливую современность. Они герои великих переворотов, которым не нужно реалистов, когда невозможное делается единственной возможностью.

Аутистическое мышление не становится здесь реальностью, поскольку это невозможно, но делается сильно действующим ферментом при превращении одной исторической реальности в другую. При известных исторически заостренных

ситуациях эти ферментные действия аутистических лозунгов, даже у фанатиков и утопистов среднего типа, влияют сильнее, чем реально-политические эксперименты и соображения. Ферментное действие аутистической мысли, односторонней, резко заостренной антитетической идеи мы наблюдаем даже в этическом учении великого Канта, которое возникло в тиши кабинета без всякого пафоса и желания действовать на массы. Однако такой невинный девиз из тихого кабинета ученого часто встречал звучный резонанс в пафосе повседневных боев и даже воспламенял насыщенную атмосферу той или иной эпохи, что приводило в ужас самого мыслителя.

В этом заключается внутреннее родство между идеализмом и революционностью — то, что нас ведет к типу шизотимических фанатиков и деспотов. Все элементы высоконапряженного нравственного идеализма мы находим в фигурах Савонаролы, Кальвина, Робеспьера — резко альтернативную этическую установку, аутистическую одержимость идеями современников, беспощадную ненависть к реальному миру, к прекрасному, к удовольствиям, ко всему тому, что улыбается, цветет и бьет ключом. Ничего не остается, кроме чистой, голой этической религиозной схемы. Человечество, сделавшееся добродетельным, благодаря страху окружено кругом решеткой и колючей проволокой. Если возникает некто, нарушающий категорический императив: касается или игнорирует его, — то он лишается головы. И над всем этим Робеспьер. Кровопийца? Нет, ученик Руссо и сын нежной матери, робкий, мягкий мечтатель, бледная добродетельная фигура, выдающийся учитель жизни не понимает ужасов. Он углублен в чтение *Du Contrat social*, своей любимой книги, идеи которой он претворяет в действительность с педантичной тщательностью. Он не осознает, что творит, и продолжает посылать на гильотину с неподкупной справедливостью. Он ничего не чувствует, кроме добродетели и идеала. Он не ощущает, что это причиняет страдание. При этом он пишет стихи, как Гёрдерлин, и проливает слезы умиления, когда говорит. Простой, приличный, скромный, мягкий, нежный семьянин, который больше всего боится оваций и дам.

В истории имеется мало примеров, которые представляют собой такую классическую чистую культуру шизотимических качеств в их странных контрастах, как Робеспьер: резкая эмоциональная холодность наряду с эксцентричностью, героическим пафосом, фанатической настойчивостью и внезапным отказом от решений, скрытая замкнутость при верности своим принципам. Что-то угрюмое, недоверчивое, напыщенное, педантичное, робкое. Добродетельный убийца, варвар из гуманности, «фанатик холодной, но безумной рефлексии».

Рис. 32. Кальвин. Позднейшая гравюра. (Из монографии проф. D. Benrath «Calvin und das Genfer Reformationswerk». В «Werkshagen des Protestantismus». Там же еще многочисленные другие портреты Кальвина для сравнения.)

Странный идеалист Мирабо, его циклотимический антипод, говорит о нем, покачивая головой: «Этот человек верит во все, что он говорит».

Ту же шизотимическую триаду: идеализм, фанатизм, деспотизм мы находим у более крупной и глубокой личности Кальвина. Робеспьер действует как его карикатурный двойник в другом столетии. Идеалистически-теократическое революционное владычество Савонаролы во Флоренции, Кальвина в Женеве и Робеспьера в Париже имеет много любопытных исторических аналогий.

Из-под рясы Савонаролы выглядывает угрожающий угловой профиль. Шизотимическое творчество незначительных людей быстро преходяще, между тем религиозное учение Кальвина, как каменный монумент великого шизотимического разума, лишь постепенно проникло в умы людей и держалось столетия: со строгой организацией в построении, холодное, систематическое, полное нравочений и фанатичной силы убеждения, нетерпимое — чистая мысль и чистое слово — без образа, смеха, души, юмора, примирения. Заклятый враг всех диатетических аффектов.

Менее известно то, что Кальвин из теологических мотивов в течение четырех лет казнил 50 человек и еще более сослал. Циклотимик Лютер думает по этому поводу, что «палачи не являются лучшими докторами».

Наконец в хладнокровной героической стойкости Фридриха Великого шизотимическая сила характера празднует свой величайший триумф. Просвещенный абсолютизм его государства, во всех мелочах отражающего личность Фридриха, который был удивительным, машинообразным, шизотимическим произведением из абстрактного, категорического чувства долга, спартанской простоты и суровости, внушенного автоматизма, монументальной педантичности, точной логической систематики, руководимый самим королем в смысле философски-абстрактно окрашенного, разумного и добродетельного идеализма, причем строгая схема справедливости перекрещивается иногда с прихотью деспота и едким сарказмом. Этот схематический, шизотимический основной фундамент государственной мысли Фридриха Великого смягчается значительными реалистически-юмористическими компонентами его характера,

которые широко практически используются. Только это циклотимическое конституциональное сочетание довершает у него прилагательное «Великий».

«Неукротимый характер», «Гранит», —говорит Каролина о Шеллинге.

Благородство, широкий размах мысли, стойкость при неприятных ситуациях, твердость, чистота и цельность личности, героизм — вот жизненная форма великих шизотимиков. Таковым был Шиллер. Все половинчатое и надломленное он отбрасывает от себя беспощадно. Пусть гибнут граждане, пусть гибнет Шлегель, пусть гибнет все, что не живет и не может умереть. Остаются только — идеал и воля. «Как скала, — говорит несколько охлажденный его посещением Жан Поль, — тверд, как скала, полон драгоценных камней, полон сил — но без любви». Гёте даже в старости, когда думает о своем друге, говорит с торжественным подчеркиванием: «Он был как Христос, и таким нужно быть».

Глава 14. Теория темпераментов.

Строение тела и характер *Кречмер, Эрнст*

Три понятия конституция, характер и темперамент получили в течение нашего исследования следующий смысл. Под конституцией мы понимаем сумму всех индивидуальных свойств, которые покоятся на наследственности, т. е. заложены генотипически. Только часть конституциональных факторов мы положили в основу наших исследований: взаимоотношение между строением тела, предрасположением личности, а также психической и соматической заболеваемостью. Понятие о конституции является психофизическим, общебиологическим и относится как к телесному, так и к психическому. Понятие «характер», напротив, —чисто психологическое.

Под характером мы понимаем сумму всех возможных реакций человека в смысле проявления воли и аффекта, которые образовались в течение его жизни из наследственного предрасположения и всех экзогенных факторов: соматических влияний, психического воспитания, среды и переживаний.

Понятие «характер» выделяет из аффективной сферы целостную психическую личность, включая, разумеется, интеллект. Он имеет много общего с понятием «конституция»: унаследованную часть психических качеств оно абстрагирует от телесных коррелятов, которые заключаются в понятии конституции, но одновременно в него как составная часть входят экзогенные факторы, особенно результаты воспитания и среды, чуждые понятию конституции. Тяжелые болезненные душевные состояния не относятся к характеру.

Кроме этого точно отграниченного значения можно пользоваться выражением «характер» для построения личности, не придавая существенного значения различию между конституциональными и экзогенно развивающимися факторами.

Понятие «темперамент» является для нас не строго установленным, а лишь эвристическим термином, который должен стать отправным пунктом для главной дифференцировки биологической психологии.

Мы представляем себе пока два основных, переплетающихся между собой круга действий.

1. Психические аппараты, которые называют также психической рефлекторной

дугой, следовательно, факторы, которые, вероятно по филогенетически наслоенному пути, способствуют переработке в смысле образов и представлений психических раздражений от чувственного раздражения до моторного импульса. Их телесный коррелят — мозговые центры и пути — находится в неразрывной связи с органами чувств и двигательными инстанциями, — словом, аппарат чувств, мозга и движений.

2. Темпераменты. Они, как мы это твердо эмпирически знаем, обусловлены гуморально химизмом крови. Их телесный представитель — аппарат мозга и желез. Темпераменты составляют ту часть психического, которая, вероятно по гуморальному пути, стоит в корреляции со строением тела. Темпераменты, давая чувственные тона, задерживая и стимулируя, проникают в механизм «психических аппаратов». Темпераменты, насколько возможно эмпирически установить, очевидно, имеют влияние на следующие психические качества: 1) психэстезию — чрезмерную чувствительность или нечувствительность к психическим раздражениям; 2) окраску настроения — оттенок удовольствия и неудовольствия в психических содержаниях, прежде всего на шкалу веселого или печального; 3) психический темп — ускорение или задержка психических процессов вообще и их специального ритма (цепко держащийся, неожиданно соскакивающий, задержка, образование комплексов); 4) психомоторную сферу — общий двигательный темп (подвижный или флегматичный), а также на специальный характер движений (параличный, быстрый, стройный, мягкий, закругленный).

Следует эмпирически установить, что силы, которые влияют на все эти факторы, очевидно, имеют значение для образования типов представления, для того, что мы называем интеллектом и психическим предрасположением. Мы уже обращали внимание на это в отдельных главах, особенно по поводу ученых и художников. Мы еще не в состоянии установить, в какой степени действуют при абстрактном и наглядном мышлении, оптических и акустических представлениях влияние темперамента и структурные особенности специальных мозговых аппаратов. Тем более при наличии возможности, что гуморальные действия гормонов оказывают влияния на атомическое строение мозга и на строение тела вообще, вследствие чего весь вопрос приобретает необычайную сложность. Поэтому будет правильно группировать понятие темперамента вокруг психических инстанций, которые легко реагируют на острые химические действия как экзогенного (алкоголь и морфий), так и эндогенного характера, следовательно, вокруг эффективности и общего психического темпа.

В частности, по поводу биологической основы наших представлений о темпераментах надо сказать следующее: мозг остается заключительным органом для всех действий, относящихся к темпераменту, даже тех, которые исходят от химизма крови. Экспериментальные наблюдения над травмами мозга показывают, что непосредственные воздействия на мозг могут вызвать резкие изменения темперамента. Этот очевидный факт следует особенно подчеркнуть, чтобы не впасть вновь из анатомической односторонности в гуморальную, тем более что при современных течениях таковая опасность существует. В настоящее время мы не можем решить вопрос, насколько мозг наряду со свойствами заключительного органа обладает еще первичными, активными функциями при возникновении таких психических качеств, как окраска настроения и общий психический темп. В отношении различных сенсорных и психомоторных типов функций, типов образования представлений и воззрений мы пока не сможем дать ответа на вопрос: что из этих различных психических функций репрезентируется в отдельных анатомических мозговых аппаратах, а что обуславливается лишь переключениями

того же аппарата вследствие различных химически-гуморальных влияний? Но мы будем считать достижением, если эти вопросы будут поставлены и сформулированы. Этим существенно модифицируется одностороннее направление мышления, которое имеет тенденцию локализовать все психическое в мозговых центрах. Во всяком случае эта постановка вопроса не выдумана нами, а навязывается ходом наших эмпирических исследований во всей этой книге.

Коснемся теперь желез внутренней секреции. Что эндокринная система имеет существенное влияние на психику, особенно на качество темперамента, является эмпирическим фактом, установленным в отношении щитовидной железы — врачебными наблюдениями при кретинизме, микседеме, *cachexia strumipriva* и базедовой болезни, а в отношении половой железы — экспериментами с кастрацией.

Мы вновь видим у больших шизотимических и циклотимических групп корреляцию между строением тела и темпераментом, то есть биологическое взаимоотношение, которое бросается в глаза, если рассматривать параллелизм между психическим уродством и гипопластическим строением тела у кретинов или между ростом в длину костей конечностей и сдвигом в темпераменте у молодых кастратов и евнухидов, то есть вещи, которые можно закономерно биологически проследить вплоть до высших животных. Что касается гипофиза, то влияние его на рост тела особенно ясно выступает в заболевании акромегалией; параллельное влияние на темпераменты можно установить при некоторых акромегалиях, но вопрос этот клинически еще недостаточно разработан. Уже совсем ясно можно видеть при полигландулярных симптомах, как грубые нарушения функций желез действуют на строение тела, на трофику тканей, на психические функции.

Напрашивается мысль, что нормальные типы темпераментов циклотимиков и шизотимиков в эмпирической корреляции со строением тела могут возникать аналогичным, параллельным гуморальным действием; при этом мы должны не односторонне думать о кровяных железах в узком смысле, а обо всем химизме крови, который вообще обуславливается большими внутренними железами и в конце концов каждой тканью тела. Мы вместо одностороннего параллелизма — мозг и душа — выставим сознательно и уже окончательно другой — тело и душа, метод мышления, который все больше и больше укореняется в клинике.

Для подкрепления гуморального способа рассмотрения темпераментов служит следующий эмпирический материал со стороны эндогенных психозов как крайних заострений нормальных темпераментов. Во-первых, тот факт, что как при маниакально-депрессивном психозе, так и при шизофрении анатомические находки, несмотря на тщательные исследования, не дали значительных результатов, а у циркулярных они даже оказались отрицательными; если и существуют иногда изменения в мозге, то они могут быть обусловлены вторично гуморальным действием ядов. Поэтому и клиническое понимание этих психозов все больше и больше склоняется к гуморальному.

Затем при шизофрении мы установили ряд специальных факторов в строении тела, сексуальном инстинкте и клиническом течении (см. главу 6), которые, взятые вместе, действуют весьма отягощающим образом на половую железу. Нам здесь приходится не думать о грубых моносимптоматических расстройствах половой железы, которые, как известно, не вызывают шизофрении, а в корреляции со всем эндокринным аппаратом и мозгом о сложных дисфункциях половой железы. Пока необходимо соблюдать крайнюю осторожность, так как вообще невозможно делать

определенные заключения на основании эмпирического материала, в особенности в том направлении, что половая железа должна принимать участие во всех случаях; ведь вполне возможно, что различные эндокринно-химические комбинации могут оказывать те же психотические действия. Кроме этих частых фактов, подозрительных в смысле зародышевой железы, нам в отдельных случаях попадались соматические находки, которые указывают на грубые полигландулярные расстройства (см. главу 5). Эти грубые находки составляют лишь незначительную часть и, помимо того, в психиатрическом отношении стоят на границе, где более тонкая шизофреническая симптоматология переходит в простые дисгландулярные формы слабоумия и состояние грубого отупения. Напротив, нам до сих пор не удалось у циркулярных установить такие соматические факты, которые можно поставить в аналогию с действиями кровяных желез. Мы могли лишь констатировать ясные взаимоотношения с общей экономией организма, прежде всего с весом тела и жировым обменом веществ. Здесь, следовательно, предпосылая гуморальную этиологию вообще, придется думать скорее о других факторах химизма крови, как, например, о больших железах внутренностей, а не о собственно кровяных железах.

В этом отношении любопытно также, что известные до сих пор психические влияния отдельных кровяных желез вращаются преимущественно в психэстетической шкале, между тем в диатетическом отношении они менее очевидны. Кастрация, например, уже при массовом эксперименте над домашними животными не столько влияет на эйфорию, сколько на психэстетическое состояние, в смысле известного флегматического притупления темперамента. Душевная жизнь евнухидов находится в тесной аналогии с известными шизоидными группами. В равной степени грубые выпадения функции щитовидной железы у человека при кретинизме и микседеме влекут за собой психэстетические притупления. Напротив, чрезмерная продукция щитовидной железы при базедовой болезни создает экзквизитно-гиперэстетическую нервозность; и настроения при половом созревании, которые сопровождаются усиленным функционированием половой железы, выражаются в типичных аффектах: пафос, сентиментальность с их альтернативным и эксцентрическим характером качественно соответствуют известным пропорциям шизотимиков.

Хотя и существуют взаимоотношения между более узкой эндокринной системой и диатетическими аффектами (инволюционная меланхолия, психозы при базедовой болезни), но они менее обычны, и установить эту непосредственную связь труднее, потому что более острые психэстетические перемещения вторично сопровождаются интенсивными ощущениями удовольствия и неудовольствия.

Во всяком случае мы легко можем себе представить, что темперамент человека, безотносительно к состоянию его мозга, зависит от двух химических гормональных групп, из которых одна связана с диатетической, другая — с психэстетической шкалой аффектов, или, лучше сказать, одна сочетается с циклотимическим типом, другая — с шизотимическим. У среднего человека, можно полагать, обе гормональные группы смешаны и соотношения между ними изменчивы, в то время как типичные циклотимики и шизотимики с односторонним усилением одной гормональной группы могут возникать благодаря или отдельным наследственным вариантам, или последовательному культивированию их среди определенных семей.

Не следует при современном положении наших знаний придавать большее значение всем этим теоретическим соображениям. Необходимо и полезно только

точно продумать все сложные точки зрения и возникающие при этом мысли применить предварительно на практике, считаясь с возможностью отказаться от них в каждый данный момент. Ведь у любого исследователя создается в конце концов какое-нибудь смелое представление о связи вещей, и тот, кто как чистый эмпирик хочет избежать глубоких размышлений, впадает в самую мрачную мифологию мозга, что, к сожалению, случалось в прошлые десятилетия. Поэтому мы должны тщательно себя предохранять от всяких односторонности и догматов, и в нашем мышлении мы оставим место для церебральных каузальных моментов в отношении темпераментов и строения тела, хотя гуморальная точка зрения при современном состоянии знаний больше всего приемлема.

Большее значение, чем теория, имеет установление непосредственных эмпирических результатов наших исследований, из которых наиболее важные мы еще раз объединим в следующей таблице:

Таблица 15. Темпераменты

	Циклотимики	Шизотимики
Психэстезия и настроение	Диатетическая пропорция: между повышенным (весел) и депрессивным (печален)	Психэстетическая пропорция: между гиперэстетическим (раздражителен) и анестетическим (холоден)
Психический тип	Колеблющаяся кривая темперамента: между подвижным и флегматичным	Прыгающая кривая темперамента: между порывистостью и тягучестью, альтернативное мышление и чувства
Психомоторная сфера	Адекватное раздражению, закругленна, естественна, мягка	Часто неадекватна раздражению, задержка, параличность, деревянность
Родственный тип строения	Пикнический	Астенический, атлетический, диспластический и их комбинации

Темпераменты, таким образом, разделяются на две большие конституциональные группы — шизотимиков и циклотимиков. Внутри обеих главных групп происходит дальнейшее деление в зависимости от того, направлен ли циклотимический темперамент больше к полюсу веселого или печального, а шизотимический — к полюсу раздражительного или холодного. Множество индивидуальных оттенков темперамента объясняется уже диатетической и психэстетической пропорцией, т. е. тем отношением, при котором, в пределах того же типа темперамента, полярные противоположности перемещаются, наслаиваются друг на друга и сменяют друг друга. Кроме пропорций индивидуального темперамента нас интересуют его конституциональные сочетания, т. е. те оттенки, которые приобретает господствующий тип темперамента в ходе наследственности благодаря элементам другого рода.

Это богатство оттенков еще увеличивается различиями психического темпа. Здесь перед нами эмпирический факт: веселые циклотимики в то же время и подвижны, а представителей темперамента с депрессивной окраской отличает спокойная медлительность. Нам уже давно из клинического опыта известна тесная зависимость между веселым возбуждением, вихрем идей и психомоторной легкостью в маниакальной картине и депрессией, задержкой мышления и воли в

меланхолическом симптомокомплексе. У здоровых циклотимических темпераментов известное настроение связано с определенным психическим темпом, причем веселость и подвижность сочетаются с гипоманиакальным типом темперамента, тенденция к депрессиям и медлительность — с мрачным типом темперамента.

Напротив, у шизотимиков нельзя установить такие же стойкие взаимоотношения между психэстезией и специальным психическим ритмом: у нежных гиперэстетиков мы находим удивительную тягучесть в чувствах и желаниях и порывистость у совершенно равнодушных. Следовательно, нам приходится встречать все 4 комбинации: как чувствительную, так и холодную тягучесть, порывистую сентиментальность и капризное равнодушие.

Мы уже подробно говорили об отдельных дифференцировках шизотимических темпераментов. Гиперэстетические качества обнаруживаются главным образом как нежная сентиментальность, как тонкое чувство в отношении к природе и искусству, как такт, и вкус в личном стиле, как мечтательная нежность по отношению к определенным лицам, как чрезмерная чувствительность и уязвимость повседневными трениями жизни, наконец, у более грубых типов, особенно у постпсихотиков и их эквивалентов, как комплексная гневливость. Анэстетические качества шизотимиков проявляются как резкая, активная холодность или пассивная тупость, как сужение интересов ограниченными аутистическими зонами или как непоколебимое равнодушие. Их порывистость сказывается то в невоздержанности, то в капризах: их настойчивость характерологически выражается в различных вариантах: стальной энергии, своенравии, педантизме, фанатизме, систематической последовательности в мышлении и поступках.

Вариации диатетических темпераментов гораздо меньше, если оставить в стороне более сильные конституциональные сочетания (кверулянтов, спорщиков, боязливых и сухих ипохондриков). Гипо-маниакальный тип наряду с веселым обнаруживает и гневливое настроение. Он варьирует между быстро воспламеняющимся, горячим темпераментом, живой практичностью, суетливостью и солнечной веселостью.

Психомоторная сфера циклотимиков характеризуется то быстротой, то медлительностью, но (не касаясь тяжелых, болезненных задержек) всегда закругленностью, естественностью и адекватной импульсу формой мимики и телесных движений. Между тем у шизотимиков мы часто встречаем психомоторные особенности, прежде всего в смысле отсутствующей адекватной непосредственности между психическим раздражением и моторной реакцией, в форме аристократической сдержанности, парализованного аффекта или, наконец, временной задержки — деревянности или робости.

В комплексной установке жизни и в реакции на среду циклотимики дают главным образом людей с тенденцией раствориться в окружающей их действительности, людей открытых, общительных, добросердечных и непосредственных, независимо оттого, предприимчивы они или содержательны, спокойны или полнокровны. Отсюда возникают повседневные типы энергичных практиков или веселых прожигателей жизни. Среди высокоодаренных в отношении художественного стиля мы встречаем типы спокойно описывающих реалистов и душевно сердечных юмористов, в отношении научного способа мышления — типы наглядно описывающих и ошупывающих эмпириков, а также умелых популяризаторов; в практической жизни — типы доброжелательного опытного посредника, живого

организатора крупного масштаба и смелого борца.

Установка жизни шизотимических темпераментов, напротив, склонна к аутизму, замкнутости, созданию ограниченной индивидуальной зоны, внутреннего, чуждого действительности мира принципов и грез «я» в противоположность внешнему миру, к равнодушному или сентиментальному уединению от людей или холодному пребыванию среди них без всякого контакта с ними. Среди таких людей мы находим множество дефективных типов: угрюмых чудаков, эгоистов, бездельников и преступников.

Таблица 16. Специальные дарования

	Циклотимики	Шизотимики
Поэты	Реалисты, юмористы	Патетики, романтики, художники формы
Исследователи	Наглядно описывающие эмпирики	Люди точной логики, системы, метафизики
Вожди	Смелые борцы, ловкие организаторы, умелые посредники	Чистые идеалисты, деспоты и фанатики, люди холодного расчета

Среди социально полноценных типов мы находим тонко чувствующих мечтателей, далеких от мира идеалистов, нежных и холодных в одно и то же время, аристократов формы. В искусстве и поэзии мы воспринимаем их как художников формы и чистого стиля, как уходящих от мира романтиков и сентиментальных идеалистов, как трагических патетиков вплоть до яркого экспрессионизма и тенденциозного натурализма, наконец, как людей остроумных, ироничных и саркастических. В их научном способе мышления мы обнаруживаем склонность к схоластическому формализму и философской рефлексии, мистически-метафизическому и точной системе. Наконец, из типов, которые проникают в практическую жизнь, шизотимики дают энергичных, непреклонных, принципиальных и последовательных, властных натур, моралистов, чистых идеалистов, фанатиков, деспотов и дипломатически гибких людей холодного расчета.

Мы объединяем эти, подробно описанные в главе 13 специальные дарования в одной таблице (см. выше) так, как они, по нашему мнению, биологически связаны между собой; подчеркиваем, однако, что таблица объединяет лишь полноценные социальные варианты и из них лишь самые важные, следовательно, таблица охватывает, в общем, только часть всех темпераментов.

Мы завершили. Если мы иногда выставляли лишь предположения и не могли дать готового разрешения вопроса, то это объясняется обширностью проблемы, которая, не кончаясь, ведет в далекие глубины биологии и психологии. Наряду с прочными результатами нам иногда приходилось высказывать лишь предположения там, где материал оказывался недостаточным для окончательных выводов. Мы не имели намерения делать преждевременные заключения, но желали бы приобрести соратников и дать стимулы для новых направлений в мышлении и исследовании в отдельных, затронутых нами науках. Благодаря такому корригированию и работе призванных для этой цели исследователей могут быть достигнуты новые результаты не только в медицине и антропологии, но прежде всего в общей психологии и в известных эстетических, литературных и

исторических вопросах. Если бы удалось таким путем естественнонаучное, биологическое мышление ввести в те области психической жизни, которые до сих пор были чужды ему, и параллельно расширить кругозор биологов в той сфере душевной жизни, которая до сих пор должна была им казаться слишком субъективной, колеблющейся и туманной, то этим можно было бы несколько спаять в одно целое наше современное мышление.

Судьба психологических идей Эрнста Кречмера

Строение тела и характер

Кречмер, Эрнст

Данная книга включает в себя две достаточно самостоятельные работы, объединить которые можно, пожалуй, лишь по важности места, занимаемого ими в творчестве выдающегося немецкого психиатра и психолога нашего века Эрнста Кречмера.

Работы Э. Кречмера не публиковались без сокращений на русском языке уже более шестидесяти лет, последний русский перевод восьмого издания книги «Строение тела и характер» увидел свет в 1930 г. Таким образом, настоящее издание позволяет создать более полное представление об истории развития психологической мысли в текущем столетии.

Поскольку сегодняшнего читателя от момента написания работ, входящих в эту книгу, отделяет около семидесяти лет, нелишне будет хотя бы кратко обозначить жизненный путь автора.

Эрнст Кречмер родился 8 октября 1888 г. в небольшом городке Вюстенрот у Хейлбронна (Wustenrot bei Heilbronn), получил профессию психиатра в Мюнхенском университете, где в 1914 г. под руководством профессора Крепелина (Kraepelin) защитил диссертацию, посвященную проблеме маниакально-депрессивных психозов.

С 1913 по 1926 г. Э. Кречмер работал психиатром в неврологической клинике Тюбингенского университета под руководством профессора Гауппа. Именно к этому периоду относится его первая крупная работа «Сензитивный бред отношения». Несколькоими годами позже вышли и первые издания книг «Строение тела и характер» и «Медицинская психология».

В 1926 г. Э. Кречмер переезжает в Марбург, где руководит неврологическим отделением университетской клиники.

В Тюбинген Э. Кречмер возвращается через двадцать лет, в 1946 г., получив приглашение на пост директора университетской клиники. На этом посту он проработал вплоть до своей смерти 8 февраля 1964 г.

Основной зоной научных интересов Э. Кречмера являлась проблематика, связанная со взаимоотношениями между физическими характеристиками человека и спецификой протекания психиатрических расстройств, а затем и его психологическими особенностями в целом.

Несмотря на то что представления о существовании закономерных соотношений между тем, что в начале XX в. называлось физической конституцией человека (о современном понимании этого термина речь пойдет ниже), и его психическими характеристиками были сформулированы еще в

античные времена, можно утверждать, что исследования Э. Кречмера буквально возродили интерес ученых к этой проблематике и дали мощный импульс ее естественнонаучной разработке.

К началу нашего столетия в изучении вопроса о взаимоотношениях физического и психического сложилась достаточно критическая ситуация: с одной стороны, общепризнанным считалось детерминистское по своей сути учение Гиппократов о четырех типах темперамента, обусловленных преобладанием в организме одной из основных жидкостей; с другой стороны, широкой популярностью пользовались работы Ч. Ломброзо, основанные преимущественно на представлениях физиологов и френологов.

Хорошо известен обобщенный портрет преступника, предложенный Ч. Ломброзо: маленькая голова со скошенным низким лбом и ярко выраженными надбровными дугами, непропорционально развитая нижняя челюсть, аномалии ушей. Такие обобщения уже в те времена встречали достаточно резкую критику со стороны научной общественности.

Интерес к проблеме соотношения телосложения и склада личности проявляли ученые практически всех европейских стран и их североамериканские коллеги. К тому моменту, когда Э. Кречмер приступил к исследованию, составившему основу книги «Строение тела и характер», было опубликовано немало работ по этой теме как теоретического, так и прикладного плана. Так, еще в 1853 г. Генле (Hep-le) показал соответствие тонусов мускульной и нервной систем и высказал мысль о существовании предрасположенности, в зависимости от тонуса, к тому или иному протеканию болезни.

Наиболее близки Кречмеру были французские клиницисты и антропологи, работы которых стали отправной точкой в его исследованиях, ведь еще в прошлом веке Апер (Aper) предпринял попытку классифицировать темпераменты, а Сиго (Sigaud) предложил различать четыре типа телосложения: церебральный, респираторный, дигестивный и мускульный.

Несмотря на то что к началу века количество исследований такого рода исчислялось сотнями, в клинической практике их результаты использовались эпизодически. В значительной степени это было следствием отсутствия стандартной измерительной процедуры. Именно с разработки такой процедуры и начал свою работу Э. Кречмер, чем обусловлена тщательность, с которой он описывает диагностику конституционального типа. Методика, разработанная Э. Кречмером, получила широкое признание и к началу 30-х гг. применялась в большинстве психиатрических клиник Германии.

Но ценность трудов Э. Кречмера, безусловно, не сводится к методическим приемам, разработанным автором с высочайшим профессионализмом. Цель, которую он перед собой поставил, глобальна. Вот как он ее обозначает в «Строении тела и характере»: «... естественнонаучное, биологическое мышление ввести в те области психической жизни, которые до сих пор были чужды ему, и, с другой стороны, расширить кругозор биологов в той сфере душевной жизни, которая до сих пор должна была казаться им слишком субъективной, колеблющейся и туманной, этим можно было бы спаять в одно целое наше современное мышление».

Надо отдать должное автору, он успешно справился с поставленной перед собой

задачей. Нельзя не сказать о требовательности, с которой он относился к себе при реализации этой задачи, — Кречмер на протяжении всей своей жизни пытался избавиться от дуализма, свойственного «современному мышлению». Пусть это не всегда удавалось, но уровень обобщения, которого достиг Э. Кречмер в своих трудах, необычен для того времени.

Именно в «Строении тела и характере» мы впервые находим аргументированную смену традиционной дихотомии «мозг—душа» на новую для большинства психиатров-практиков того времени — «тело—душа». Трудности, с которыми приходится сталкиваться, автор характеризует в «Медицинской психологии»: «Наши представления о душе и ее месте в современном нам миропонимании еще противоречивы, неясны и находятся только на подготовительной стадии. Эта неясность нашего миропонимания, естественно, дает себя чувствовать и в наших психологических исследованиях; при осознании этих внутренних противоречий мы вынуждены все чаще прибегать к старым дуалистическим положениям нежели к современным воззрениям, которые единство эмпирических данных переживаний рассматривают с точки зрения души и материи как разных выражений одного существа».

Следует отметить, что формирование Кречмера как профессионального исследователя пришлось на пору бурного развития естественнонаучных дисциплин. Тому времени были свойственны уверенность в неограниченных возможностях экспериментального метода, не всегда обоснованный оптимизм при оценке перспективы развития психологии и психиатрии, а зачастую и неоправданная категоричность суждений.

Так, например, анализируя в «Медицинской психологии» позицию К. Ясперса, Э. Кречмер пишет: «Если же какой-либо последователь этого крайнего и решительного разделения проблемы «тело — душа» проведет его не только из методологических соображений своей дуалистической теории познания, но и из сознательных усилий в направлении отрыва психологической практики от общей естественнонаучной базы, то в этом пункте наши пути разойдутся». По этому высказыванию Э. Кречмера можно догадаться, какие бескомпромиссные дискуссии велись между представителями различных направлений в психиатрии и психологии, — даже в тексте не удалось избежать эмоционально нагруженных определений.

В то же время приходится констатировать, что проблемы, волновавшие Э. Кречмера в 20-е гг., не утратили актуальности и в наши дни и сегодня мы не можем назвать представления о душе «непротиворечивыми и ясными». Видимо, «подготовительная стадия», о которой говорил Э. Кречмер, несколько затянулась. Методологическое же «многоголосие» как в психологии, так и в психиатрии с тех пор демонстрирует устойчивую тенденцию к росту.

В этой связи закономерно возникает вопрос о современном состоянии проблемы соотношения души и тела. Безусловно, теоретическое наследие Э. Кречмера не ограничивается только этой проблематикой — его перу принадлежат кроме уже упоминавшихся такие труды, как «Истерия», «Внушение», посвященные специальным вопросам психиатрической практики. А «Медицинскую психологию», одно из первых учебных пособий по психологии для медицинских учебных заведений, без преувеличения можно назвать эталонным учебником, схема построения которого в усовершенствованном виде

сохраняется до наших дней: краткий курс общей психологии с раскрытием основных понятий и следующие за ним разделы, посвященные прикладным проблемам психологии в клинике.

Однако именно проблема соотношения души и тела является центральной в работах Кречмера, а имя его ассоциируется в первую очередь с учением о конституциональных типах и связанных с ними типах темперамента. Как уже отмечалось, начало систематического научного изучения этого вопроса относится к середине прошлого века. Но несомненно, первое издание (1921 г.) книги «Строение тела и характер» ознаменовало качественно новый этап в истории данной области научного знания.

Формальным подтверждением этого является хотя бы то, что книга была переведена на русский и английский языки в течение года-двух, аналогично обстояло дело и с последующими изданиями, в которые автор неизменно вносил дополнения, основанные на постоянно увеличивающемся материале наблюдений. Важным является и то, что постоянно расширялась география использования методики Э. Кречмера. Таким образом, от издания к изданию в книге увеличивалось количество описываемых случаев (с 400 во втором до 4200 в седьмом-восьмом изданиях), что позволяло автору детализировать делаемые им выводы, более дифференцированно анализировать интермедиарные психозы и атипические симптомы, находящиеся между шизофреническими и циркулярными.

Помимо этого, включение в книгу данных, полученных другими исследователями (в восьмом издании использованы протоколы 23 коллег Э. Кречмера), снимало часто звучавшие обвинения в субъективности кречмеровского метода диагностики конституционального типа. Интернациональный состав этих данных (Германия, СССР, США) также свидетельствовал в пользу объективного характера обнаруженных Кречмером закономерностей.

Широкое распространение методики Кречмера подразумевало проверку воспроизводимости результатов, изложенных ее автором. В ходе специально организованных исследований вносились предложения по дополнению или модификации процедуры оценки морфологического типа за счет включения дополнительных антропологических индексов (Андреев, Вертгеймер и др.), высказывались критические замечания.

Наиболее активно критика звучала на Американском континенте. В 1926—1928 гг. были опубликованы результаты первых исследований Хайдбредера, Шелдона, Гаррета и Келлога. Критикуя Э. Кречмера за отсутствие формализованных статистических показателей, они провели математический анализ данных, собранных на представительных выборках здоровых испытуемых. Эти авторы не получили достоверных показателей статистической связи между общительностью и эмоциональностью, с одной стороны, и типом телосложения, с другой, что противоречит теории Кречмера, в соответствии с которой шизотимический характер отличается от циклотимического в первую очередь именно этими двумя характеристиками.

Наряду с критикой за слабую статистическую доказательность положений Э. Кречмера многие авторы указывали и на неправомерность переноса закономерностей, установленных в психиатрической клинике, на нормальную

популяцию. Необходимо отметить, что такая точка зрения в современной психологии достаточно распространена, но ведь использование тестов, разработанных на клиническом материале, — обычное явление в психологической практике. К этой группе тестов относятся такие популярные в среде психологов методики, как личностный опросник Г. Ю. Айзенка, миннесотский многофакторный опросник, тест Роршаха и многие другие.

В связи с тем что появление работ Э. Кречмера совпало по времени с периодом, когда психология активно «осваивала» математический аппарат анализа экспериментальных данных, был предпринят целый ряд попыток формализации диагностической схемы, предложенной Э. Кречмером. Пожалуй, наибольшим успехом пользовалась схема, предложенная уже упоминавшимся американским ученым Шелдоном с коллегами. Хотя типологию Шелдона зачастую и называют формализованным вариантом кречмеровской системы, она характеризуется существенными отличиями. Так, например, исходная классификация соматотипов производилась исключительно на здоровых людях, при этом в основу классификации было положено соотношение видов тканей организма, развивающихся из трех зародышевых листков: энтодермы, мезодермы и эктодермы. Уровень выраженности каждого тканевого компонента оценивался в этой типологии по семибалльной шкале, таким образом, каждое конкретное телосложение описывалось набором из трех цифр, причем Шелдон допускал существование любой формулы телосложения — от абсолютной невыраженности каждого вида ткани (1—1—1), через промежуточные варианты (1—7—1, 7—2—5, 4—3—4 и т. д.), до крайней степени выраженности (7—7—7). Таким образом, «чистые» типы Кречмера описываются формулами 7—1—1 (пикник), 1—7—1 (атлет) и 1—1—7 (астеник). В терминах Шелдона эти типы получили названия, соответственно, эндоморфы, мезоморфы и эктоморфы.

Помимо уровня развития основных тканей организма Шелдоном было предложено два дополнительных индекса: гинандоморфии (д) — наличия признаков другого пола и тканевый индекс (t) — степень «нежности» тканей. Шелдоном был разработан также метод фо-тоскопии — определение развития признаков по фотографиям людей, правда, статистических доказательств надежности этого метода не приводится.

Еще одно существенное отличие от учения Э. Кречмера заключалось в том, что параллельно с созданием конституциональной типологии Шелдон предпринял попытку выявления соответствующих типов темперамента. На основе анализа литературы Шелдон выделил 50 психологических характеристик, относящихся к темпераментальной сфере, выраженность каждой из которых оценивалась также по семибалльной шкале.

Проанализировав результаты обследования 39 испытуемых, Шелдон свел исходные 50 характеристик к трем комплексам признаков: 1) висцеротония — мышечная расслабленность, стремление к комфорту, наслаждение пищей, душевность в общении, жажда взаимного уважения и др.; 2) соматотония — энергичность, уверенность позы и движений, потребность в физических упражнениях, смелость, властолюбие, болевая устойчивость и др.; 3) церебротония — сдержанность, общая заторможенность, скрытность в проявлении чувств, пугливость, предпочтение одиночества, повышенная болевая чувствительность и др.

В своих поздних работах Шелдон разработал более простой вариант

классификации телосложений на основе соотношения роста и веса человека. Предложенная им формула имеет следующий вид:

$$I = \frac{\text{рост (в дюймах)}}{\text{вес (в фунтах)}}$$

При $I < 12$ диагностировалась эндоморфность, при $I = 12,5$ — мезоморфность и при $I > 14$ — эктоморфность.

Вычисленные Шелдоном коэффициенты корреляции между уровнем выраженности основных тканей и типами темперамента оказались очень высокими (выборка численностью более 200 испытуемых): эндоморфия и висцеротония — $r = 0,79$; мезоморфия и соматотония — $r = 0,82$; эктоморфия и церебротония — $r = 0,83$. Однако в результате многочисленных независимых исследований ни одному из ученых не удалось получить столь высоких показателей статистической связи, а Любин даже обнаружил, что полученные Шелдоном коэффициенты корреляции были следствием допущенных в вычислениях ошибок.

Одним из результатов исследований Шелдона и подобных им стал отказ от довольно субъективного метода оценки типа телосложения, предложенного Кречмером. Однако идея о связи телосложения и психики, последовательно им сформулированная, до наших дней стимулирует многочисленные исследования, в которых ведется поиск объективных методов морфологической и психологической диагностики.

В подавляющем большинстве этих исследований авторы констатируют, что между телосложением и психическими свойствами человека существует статистическая связь неслучайного характера. То, как этот факт интерпретируется конкретным исследователем, целиком зависит от концепции, в рамках которой он работает. Для Э. Кречмера объяснение этой связи сводилось к тому, что наше тело и душа суть две ипостаси одной сущности, следовательно, их проявления с неизбежностью находятся в тесной взаимосвязи. На языке современной науки эту мысль Кречмера можно выразить следующим образом: соматическое и психическое объединены неким общим латентным фактором, лежащим в их основе. Что же это за фактор?

Ответ на этот вопрос можно найти у Э. Кречмера, когда он определяет понятия «конституция» и «характер»: «... под конституцией мы понимаем сумму всех индивидуальных свойств, которые покоятся на наследственности, т. е. заложены генотипически»; «... под характером мы понимаем сумму всех возможных реакций человека в смысле проявления воли и аффекта, которые образовались в течение всей его жизни, следовательно, из наследственного предрасположения и всех экзогенных факторов...» (с. 556. Курсив наш. — С. Б.). Таким образом, той общей основой, которая обуславливает сопряженность физических и психических проявлений человека, автор считает генотип; необходимо сказать, что эту точку зрения разделяет большинство современных исследователей данной проблемы.

Более того, со времен Э. Кречмера область науки, занимающаяся вопросами генетической детерминации психики, прошла стадию выделения в самостоятельную дисциплину — психогенетику, предметом изучения которой в наиболее общем виде являются механизмы, опосредующие генетические

влияния на процесс формирования и функционирования психики человека. Среди этих механизмов традиционно выделяют два больших класса, о которых говорил Э. Кречмер в приведенной выше цитате как об эндогенных и экзогенных факторах.

Сегодня представляется очевидным тот факт, что в цепи детерминации «генотип—психика» существует достаточно большое количество звеньев, одним из которых является телесная конституция человека. Здесь необходимо отметить, что на сегодняшнем этапе развития науки содержание понятия «конституция человека» значительно расширилось по сравнению с 20-ми гг. нашего века.

Так, анализируя это понятие в своей книге «Биологические основы индивидуально-психологических различий», В. М. Русалов отмечает необходимость разделения понятия конституции на понятия «общая конституция» и «частная конституция», подчеркивая, что такая попытка была уже предпринята в 1930 г. При этом разделении под общей конституцией понимается совокупность наиболее существенных индивидуальных особенностей и свойств, закрепленных в наследственном аппарате и определяющих специфичность реакций всего организма на воздействия среды (отметим близость определения современного ученого тому, что понимал под конституцией Э. Кречмер).

Под частными же конституциями понимаются совокупности устойчивых существенных особенностей различных систем человеческого организма. Понимая, что на вопрос о том, сколько следует выделять в человеческом организме частных конституций, ответить в настоящее время чрезвычайно трудно, автор предлагает следующую схему дерева частных конституций человека:

С такой точки зрения в исследованиях Э. Кречмера изучались преимущественно морфологические частные конституции, и в первую очередь телесная. Исследованию хромосомной конституции посвящены разделы, в которых анализируется семейный материал. Таким образом, становится достаточно очевидным, что двухкомпонентная теоретическая модель Э. Кречмера («тело—душа») является неполной. Для более точного экспериментального изучения этого вопроса необходим учет значительно большего количества переменных, чем просто характеристики телосложения.

В современных исследованиях в экспериментальные модели включаются такие переменные, как характеристики электрической активности мозга (нейродинамическая конституция), показатели утомляемости и стрессоустойчивости (физиологическая конституция) и многие другие.

Как видно из сказанного выше, представления о конституции человека претерпели со времен Э. Кречмера существенные изменения, они стали более детальными, открылись новые области исследований (психофизиология, молекулярная биология, уже упоминавшаяся психогенетика и др.), многие из которых предвосхитил в своих работах Э. Кречмер.

Теперь обратимся к психологической части работ Э. Кречмера. Вынесенное им в заголовок книги понятие «характер» изменилось еще более, чем понятие конституции. В некоторой степени это обусловлено неоднозначной трактовкой этого термина в самой психологии, к тому же в разных языках традиционное понимание слова «характер» существенно различается. Так, в английском переводе названия «Строение тела и характер» вслед за дословным переводом следует подзаголовок «Исследование природы конституции и теории темперамента».

К настоящему времени у психологов нет однозначного мнения даже по поводу обоснованности выделения характера в самостоятельную единицу анализа психического. В рамках тех теорий личности, где характер рассматривается как структурная единица, дается, с некоторыми вариациями, следующее его определение: «Характер — это совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, складывающаяся и проявляющаяся в деятельности и общении, обуславливая типичные для индивида способы поведения».

Как видно из приведенного определения, оно существенно отличается от кречмеровского. Полностью отсутствует какое-либо указание на наследуемость индивидуальных особенностей, входящих в структуру характера, в то время как для Э. Кречмера именно генетическая обусловленность характера делала возможным исследование его взаимосвязей с телосложением. Следовательно, для того чтобы найти современный аналог кречмеровского понятия «характер», полезно проанализировать элементы психического с точки зрения их наследуемости.

В современной психологии высокая степень генетической детерминации признается большинством исследователей только за одной из психологических структур — темпераментом. Именно в отношении свойств темперамента в психогенетических исследованиях была показана высокая наследуемость. В силу этого авторы большинства существующих в настоящее время моделей темперамента вводят критерий наследуемости в качестве необходимого при определении специфики свойств темперамента по сравнению с другими психическими образованиями.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о высоком уровне наследуемости, а не о констатации генетической обусловленности как таковой. Это замечание необходимо по причине того, что в многочисленных психогенетических исследованиях была продемонстрирована та или иная степень генетической обусловленности практически всех психологических характеристик (от времени реакции до таких высокоуровневых личностных свойств, как нормативность поведения или стремление к самореализации).

При этом большинство авторов признают, что приоритет в детерминации свойств личности принадлежит средовым факторам (обучение, воспитание, профессиональная деятельность и др.).

Свойства же темперамента, в соответствии с современной точкой зрения, в значительно меньшей степени подвержены воздействиям среды. Однако врожденный характер свойств темперамента не подразумевает абсолютной их неизменности. Например, авторы достаточно распространенной на Западе модели темперамента Басе и Пломин основывали свою теорию на следующих допущениях:

1. Ребенок вступает в жизнь, обладая небольшим количеством личностных черт, врожденных тенденций. Врожденные тенденции генерализованы и лежат в основе черт личности.
2. Врожденные характеристики определяют большое количество индивидуальных особенностей личности.
3. Врожденные тенденции могут модифицироваться под воздействиями среды.

Далее авторы приводят 5 критериев, по которым (в совокупности) свойства темперамента отличаются от других психических проявлений:

- 1) наследуемость (основной);
- 2) устойчивость в детстве;
- 3) устойчивость в зрелости;
- 4) адаптивность;
- 5) наличие у животных.

Басе и Пломин предлагают четырехкомпонентную модель темперамента, в которую входят эмоциональность, общая активность, социабельность и импульсивность; оценки наследуемости этих характеристик, полученные в специальном исследовании, варьируют от 52 до 84 %.

В нашей стране исследователи темперамента стоят примерно на тех же исходных позициях, большинство из них относят темперамент человека к наиболее жестко биологически детерминированным подструктурам психики. Детальную разработку эта проблематика получила в исследованиях В. М. Русалова, который следующим образом описывает свойства психики, относящиеся к темпераменту: «К темпераменту следует относить только такое психологическое свойство, которое:

- 1) не зависит от содержания деятельности и поведения, т. е. отражает формальный аспект деятельности и поведения (является независимым от смысла, мотива, цели и т. д.);
- 2) характеризует индивидуально-характерную, типичную для индивида меру динамического (энергетического) напряжения и отношения к миру, людям, себе, деятельности;
- 3) универсально и проявляется во всех сферах жизнедеятельности;

- 4) может обнаруживаться уже в детстве;
- 5) устойчиво в течение длительного периода жизни человека;
- 6) высоко коррелирует со свойствами нервной системы и других биологических подсистем (гуморальной, телесной и т. д.);
- 7) является наследуемым.

Как видим, в приведенном наборе критериев, наряду с наследуемостью свойств темперамента, содержится и прямое указание на его связь с частными конституциями человека, в том числе и телесной. Здесь вполне уместно вспомнить о том, что Э. Кречмер в книге «Строение тела и характер» не дает развернутого определения темперамента, а использует его лишь в качестве рабочего; связано это, на наш взгляд, с тем, что данное понятие, используемое в психологии и медицине еще со времен Гипократа, как бы не нуждалось в дополнительной разработке. Вместе с тем приведенные примеры современных моделей темперамента наглядно демонстрируют, что это мнение разделяют далеко не все исследователи. Более того, в рамках отечественной дифференциальной психофизиологии, основанной Б. М. Тепловым и В. Д. Небылицыным, к настоящему времени сформулированы положения принципиально новой теории индивидуальности человека, позволяющие раскрыть проблему соотношения соматического и психического с позиций современного человекознания.

Получившая название «специальной теории индивидуальности», эта концепция достаточно продуктивно разрабатывается в настоящее время в Институте психологии РАН коллективом под руководством В. М. Русалова. В соответствии с данной теорией, в психической сфере выделяется особый пласт свойств, характеризующих формально-динамический аспект деятельности и поведения человека. Этот аспект принципиально отличается от содержательной стороны психики тем, что формируется в результате «системного обобщения» психофизиологических компонентов деятельности независимо от ее конкретных мотивов, целей и способов за счет постоянства врожденных индивидуально устойчивых свойств всех биологических подсистем организма. Таким образом, в основе темперамента лежит совокупность всех физических и физиологических свойств индивида, закрепленных в его наследственном аппарате.

Сказанное совсем не означает, что разные элементы биологической системы человека равноценны в детерминации формально-динамических свойств психики. Имеющийся экспериментальный материал убедительно свидетельствует о том, что связь свойств темперамента со свойствами нервной системы значительно выше, чем, например, с характеристиками соматической организации человека.

При этом необходимо отметить, что формально-динамические свойства не являются строго фиксированной системой, а формируются, перестраиваются и обобщаются по мере развития человека. Такое понимание темперамента очень близко к пониманию Э. Кречмером характера, но, в отличие от него, делает возможным концептуальное описание формирования психического во всех его проявлениях в процессе онтогенеза: будучи продуктом обобщения физических и физиологических свойств индивида, формально-динамические свойства психики включаются в «более высокоорганизованные» психические структуры,

такие, как, например, интеллект или свойства личности.

Экспериментальные работы, выполняемые в рамках описываемой теории, ведутся на протяжении последних полутора десятилетий, но уже сейчас их результаты позволяют проследить механизмы опосредования влияния биологических структур на формирование интеллекта, индивидуальных стилей деятельности, творческих способностей. Таким образом, задача выяснения соотношений между соматическим и психическим, сформулированная Э. Кречмером, достаточно активно решается в рамках отечественной дифференциальной психофизиологии.

Аналогичный подход к данной проблеме сложился в последние десятилетия и в американской психогенетике. Один из наиболее ярких ее представителей — Дж. Лоэлин выделяет четыре уровня генетического анализа поведения:

- 1) оценка вклада генетических и средовых компонент в формирование психических свойств;
- 2) вычленение составляющих этих компонент, например: в генетической — аддитивной и доминантной; в средовой — семейной и межсемейной;
- 3) изучение взаимосвязей и взаимодействия между генотипом и средой;
- 4) раскрытие механизмов, опосредующих генетические влияния на формирование и функционирование психики.

Анализируя состояние современных исследований, Дж. Лоэлин приходит к выводу, что на сегодняшний день наиболее активно психогенетики работают на первом и втором уровнях; третий уровень очень интересен в теоретическом плане, но слабо разработан экспериментально; четвертый же уровень требует самого активного сотрудничества представителей различных дисциплин: психофизиологов, молекулярных генетиков, психогенетиков, биологов, специалистов в математическом моделировании и многих других. При этом автор высказывает мнение, что реальных результатов исследований на четвертом уровне не приходится ожидать ранее, чем лет через двадцать.

Таким образом, можно заключить, что проблема, сформулированная в основных трудах Э. Кречмера, входящих в эту книгу, активно разрабатывается в разных областях естественнонаучного знания на протяжении уже второго столетия. Несмотря на это, она еще очень далека от своего решения, о чем свидетельствует многообразие подходов и теоретических моделей, часть из которых мы постарались осветить.

В то же время само это многообразие отражает неугасающий интерес к этой проблеме ученых самых разных специальностей и дает основания для надежды на то, что интеграция их усилий принесет ощутимые плоды в уже недалеком будущем.

С. Д. Бирюков

